

Мурза Гапаров

Дикий гусь

Мурза Гапаров

Дикий гусь

Повести

Рассказы

Перевод
с киргизского

ФРУНЗЕ
«КЫРГЫЗСТАН»
1984

Никуда не денешься, вечером опять пришлось вернуться в общежитие. Свет горел только в вестибюле. Все студенты и даже выпускники давно разъехались, только я остался. Через застекленную дверь я увидел коменданта. Толстый, старый, усатый, он сидел на диване, читал газету и курил. Комендант жил тут же, в одной из комнат первого этажа. А в вестибюле он сидел потому, что ждал дочь, которая обычно возвращалась поздно.

Я постучал тихонько в стекло. Старик, конечно, понял, что это пришел я, так как его дочь всегда колотила в дверь пяткой. Он отложил газету, подошел к двери.

— Нет-нет-нет,— он замотал головой.— Не пущу.

— Только на одну ночь,— попросил я и показал ему мизинец.— Только на одну ночь.

— Ты твердишь мне это уже целый месяц. Что, неправду говорю? — И комендант слегка приоткрыл дверь.

— Мне удалось подыскать комнату,— сказал я в щель.— Завтра перееду.

— За чем же дело стало? Переезжай сегодня. Подожди минутку, я сейчас тебе чемодан вынесу.

— Да поздно уже, дядя Касым. И комната на окраине, на Пишпеке.

— Нет-нет, парень, хватит, не верю я тебе...

Комендант захлопнул дверь и пошел к своему дивану.

— Послушайте, дядя Касым, ну послушайте же! — умолял я его, но он не оглянулся. Лег на диван, закурил очередную папиросу и отгородился от меня газетным листом.

Делать было нечего. Я постоял еще немного перед дверью и направился к пожарной лестнице, по которой мне иногда удавалось проникать в общежитие.

К сожалению, комендант знал этот мой секрет. И все-таки я поднялся по лестнице до второго этажа и через окно перелез в свою комнату. Еще неделю назад у меня были и простыни, и пуховая подушка, и одеяло. Комендант все забрал, оставил один матрас. Я не слишком расстроился, спать можно, и на том спасибо.

Еще в комнате стояли три железных кровати с голыми сетками. Я нашел на ощупь свою койку, свет не стал зажигать. Да и не до света, лишь бы поспать. Ради чего я сюда забрался? Только развязал галстук, услышал шаги. Высунул голову в дверь. Кто-то шел по темному коридору, мелькал папиросный огонек. Я тут же подался на лестничные ступеньки, ведущие на третий этаж. Споткнулся, ударился плечом о перила.

— Ахун, это ты там бродишь? — крикнул комендант.— Давай спускайся. Все равно спать не дам.

Комендант вошел в мою комнату, включил свет, свернул матрас в толстую скатку, взял ее под мышку и повернул выключатель. Снова темно стало. Ясное дело, на голой сетке не уснешь, нечего и думать.

— Дядя Касым, только на одну ночь.

Не захотел он меня слушать. Молча спустились на первый этаж. Комендант расстелил матрас на диване и разлегся сверху. Снова отгородился от меня газетой. Я в нерешительности присел на краешек облезлого кресла.

— А я нашел работу,— сказал я бодрим голосом в надежде разговорить коменданта. Это мне удавалось несколько раз.— Устраиваюсь редактором на радио.

— Ишь ты, а с газетой уже рассчитался, что ли? — он переменял позу и теперь лежал уже на боку.— Ведь три дня назад ты был корреспондентом газеты.

Я сильно потер лоб рукой. Надо же, забыл!

— Ваша правда,— неуверенно промолвил я,— но сегодня на радио сказали, что им нужна талантливая молодежь, пришлось согласиться.

— Мели, мели,— равнодушно сказал комендант.— Перед тобой дурак сидит, все за чистую монету принимает.

Сильно задребезжала дверь. Значит, пришла комендантская дочка. Я хотел ей открыть, но старик опередил меня.

— Сколько раз я тебе говорил, чтоб пораньше возвращалась,— упрекнул он дочь.— Неужели тебе не страшно? А что, если хулиганы нападут?

— Не беспокойся, меня проводили,— сказала девушка, переступая порог.— Здравствуй, Акун. Как дела?

Я пожал плечами.

— Он сегодня ушел из газеты, на радио устроился,— ответил за меня комендант.

Айша поняла, в чем дело, улыбнулась. Она мне нравилась. Красивая, да и умом не обижена. Я перевел глаза на свой матрас: мол, видишь, не до шуток мне сегодня.

— Вы что, поссорились? — обратилась Айша к отцу.

— Не имею права тут его держать,— ответил комендант.— Он пять лет здесь жил. Хватит. Пусть государство поблагодарит и выметается.

— А тебе-то что? Неужели жалко рваного матраса для человека? Конечно, Акун уйдет при первой возможности...— Айша свернула матрас, вручила мне.

Комендант задумался. Он любил свою единственную дочь, баловал.

— Ладно. Только на одну ночь,— повторил он мои слова.— Но, парень, предупреждаю, если завтра заявишься — никого не послушаю, вытворю, так и знай.

Я снова вернулся к себе, расстелил матрас, прилег. Устал я в этот день, глаза слипались. Я уже задремывал, когда чьи-то холодные губы коснулись моей щеки. Это, конечно, была Айша. Не открывая глаз, я обнял ее, прижал к себе.

— А ну-ка, стрекоза, отвечай мне, как отцу, где была, с кем гуляла, чем занималась? — спросил я.

Айша ничего от меня не скрывала.

— Стирала до обеда,— ответила она.— После обеда ходила в кино.

— С кем же?

— Да с тем кандидатом, я тебе о нем говорила.

— Значит, была в кино. Потом?

— Потом в ресторан. После ресторана к нему домой.

— Так-так. Ты и раньше бывала у него?

— Да нет, а то бы я тебе сказала. Да и сегодня не хотела идти, но он заставил, говорит, вот уже целый месяц как мы знакомы, а ты еще не видела мою квартиру. А в квартире его ничего интересного. Жена оставила ему старый шкаф, стол, телевизор и двухспальную кровать.

— Ну? И что дальше?

— А я загодя знала, что будет дальше. Пригласил посидеть на кровати, что же еще. Фу! Просто невозможно дружить с мужчинами. В первый день обращаются уважительно, на «вы». На второй день целоваться нороят, на третий — в постель тянут. Только ты ко мне относишься по-человечески. Я тебе верю. Вот уж пять

лет тебя знаю, и ничего лишнего ты мне не сказал и руки не опускал ниже моей талии...

Все правильно. Айша, можно сказать, выросла на моих глазах. Когда я впервые появился в этом общежитии, дочке коменданта было двенадцать лет. Помню, я ей куклу подарил. А она меня пирожками угощала, что мать пекла. Прибежит, смеется, болтает о всякой всячине. Я ее младшей сестрой считал. Только в прошлом году вдруг заметил, что она уже не ребенок. А после одного случая чуть не влюбился в нее. Я собирался пойти на новогодний вечер филфака. Еще днем она пришла ко мне с просьбой: «Акун, достань мне, пожалуйста, приглашенный билет на ваш вечер». — «А-а, значит, своего парня хочешь привести?» — пошутил я. «Ты что?! — обиделась она. — Билет нужен мне самой». — «А тебя и без приглашенного пропустят. Весь университет тебя знает», — сказал я. Это в самом деле было так. «А я не хочу перед всяким унижаться у входа! — вспыхнула Айша. — Я хочу, чтоб меня пригласили официально, понял?! Не можешь достать, так и скажи, без тебя обойдусь!» Она решительно направилась к двери, но я догнал ее, вынул из кармана свой билет.

Вечер был как вечер. Я танцевал со своей сокурсницей. И вдруг Айшу увидел, увидел и обомлел. Куда девалась та стрекоза, что прилетала ко мне днем? Незадолго до этого смотрел я первую серию «Войны и мира». Так вот, не Айшу я вдруг увидел, а Наташу Ростову на первом балу! И эта Наташа Ростова смотрела на меня во все глаза... Умолкла музыка, я подошел и пригласил ее на очередной вальс. После танца я сразу же увел на верхний этаж, будто боялся, что кто-нибудь отобьет ее у меня. На верхнем этаже, в темном коридоре, у открытого окна, был явственно ощутим запах свежего снега. И там я впервые поцеловал ее...

«Ой, как интересно», — сказала Айша.

«Что интересно?» — не понял я.

«Все интересно», — объяснила она.

В этом году ей исполнилось семнадцать лет. Окончила десять классов, но в университет не смогла поступить. Не прошла по конкурсу. На следующий год снова поступать собиралась.

— И что же ты ответила кандидату? — спросил я.

— Кандидату? Я ему сказала, что пока посижу на стуле, а в постель только после загса.

— А он что?

— Протянул свой паспорт. «На, говорит, если не веришь, завтра же зарегистрируемся. А сегодня, говорит, давай положим на кровати». Бессовестный!.. Ничего ему не оставалось, кроме как вызвать такси.

— Молодец, — похвалил я ее. — Именно так поступай и впредь.

— Конечно. Я же не дурочка.

— Что теперь намерена делать? Будешь еще с ним встречаться?

— Не знаю... Не верю я ему. Ох, Акун, я такая несчастная.

— Сумасшедшая, — сказал я и поцеловал ее в лоб. — Ты так говоришь, будто уже знаешь, что такое счастье.

— Акун, женись на мне.

— Нет. Я же говорил тебе, что женюсь в сорок лет. Я так и думал тогда. Глупость, конечно.

— Тогда я подожду тебя до сорока лет, согласен? Я засмеялся.

— Ну, тогда разреши мне один раз выйти замуж, идет?

— Не пойдет. За такое долгое время ты родишь десять детей. А что мы с ними будем делать?

— Хорошо, тогда не женись на мне. Но все равно я тебя люблю... Хочешь, я стану твоей любимой, когда выйду замуж?

— Глупая.

Айша поцеловала меня.

— Мой наставник,— сказала она.— Мой советчик. А ты знаешь, тебя мои родители очень любят.

— Ну да,— не поверил я.

— Чтоб мне сейчас умереть, если обманываю. Недавно за обедом о тебе говорили.

— Почему же тогда твой отец меня выгоняет?

— Почему-то боится... Ну, одним словом, сомневается в нашей дружбе... Думает, как бы чего со мной не случилось. А койки ему не жалко...

В это время из конца коридора послышался голос коменданта:

— Айша, Айша! Ох, пропади ты пропадом...

Девушка вздрогнула. Чмокнула меня в щеку и выскочила из комнаты. Заперлась в туалете, который находился как раз напротив.

Я зажмурил глаза, будто сплю. Комендант ввалился в комнату и зашарил рукой по стене, включил свет.

— А-а, ты один? — крикнул он.— Где Айша?

Я приподнялся на постели, провел рукой по лицу. Тут сильно зашумела вода в туалете, и комендант выбежал в коридор.

— Я знал, что ты здесь! — раздался его голос.— Что ты потеряла в мужском туалете?

— В женском туалете нет воды,— ответила Айша.

— Не ври! Я только что оттуда.

— Значит, только что пошла вода...

— У, чтоб ты провалилась...

— А-а-ай! — вскрикнула Айша,— видно, отец шлепнул ее.

— А ну, марш отсюда! Если еще раз увижу тебя здесь, ноги переломаю...

Их голоса отдалялись. Я понемногу успокаивался, собирался встать и выключить свет. И вдруг снова раздался негодующий голос коменданта. Еще миг — и он уже стоял в моей комнате. Я тут же закрыл глаза, захрапел.

— Хватит притворяться!— закричал комендант.— Сейчас же вставай и уматывай! А то я тебя сейчас...

Я захлопал глазами, пытаюсь изобразить недоумение.

— А-а, это вы... Что случилось?

— Да ничего особенного! Будь ты неладен!

Он вытащил из-под кровати мой потрепанный чемодан и швырнул его в окно.

— Теперь тебе понятно, что случилось?! А ну, вставай!

Комендант обеими руками вытянул из-под меня матрас и вышел. А я остался лежать в одних трусах на колючей железной сетке.

Поневоле встать пришлось. Я начал одеваться. Только никак не мог сообразить, куда бы пойти. Были у меня друзья в этом городе, но все разъехались,— кто в отпуск, кто на каникулы. И все равно надо уходить, решил я. Снова встречаться с этим взбесившимся комендантом мне совсем не хотелось, и поэтому я нашел более короткий путь к своему чемодану. Спустился к нему по железной лестнице.

Бедный мой чемодан, досталось ему, и как только не раскололся. Пять лет мы с ним были неразлучны. Сколько раз ездили в мой далекий Наукат, который утопает сейчас в абрикосах. А во время уборочных кампаний в пригородных колхозах он служил для меня мягкой подушкой. О нем бы целый рассказ вышел. Бедняжка...

С чемоданом в руке я вышел на безлюдную улицу спящего города. Вот так мы и простились с общежитием.

* * *

Я остановился перед одной из самых лучших гостиниц. У входа висел лозунг: «Пламенный привет участникам республиканского слета животноводов!» Значит, почти наверняка забита. Я немного приуныл. Все-таки решил попробовать.

Администратором оказалась приятная пожилая женщина в очках. Я поздоровался и спросил насчет места. Женщина сказала неожиданно: «Пожалуйста». Я второпях протянул паспорт и, пока она его рассматривала, начал объяснять свое положение:

— Эже¹, как видите, у меня городская прописка, своя квартира есть. Я знаю, таким вы не имеете права давать место. Но сегодня из деревни приехали мои родители. Был вынужден прийти к вам. Выручите как-нибудь.

— И что же это за квартира, где не помещаются родители? — спросила женщина, перелистывая паспорт.

— Знаете, я живу в однокомнатной квартире. А нас четверо: жена и двое детей...

— А почему в паспорте они не отмечены?

Об этом я как-то не подумал.

— Мы с женой еще не расписаны,— сказал я.

— Хотя у вас двое детей? Тогда чью фамилию носят ваши дети?

— Матери.

Женщина недоверчиво уставилась на меня.

— Хорошо! — Слава аллаху, согласилась! — Только на одну ночь.

Я все никак не мог поверить в свою удачу. Когда бумага оказалась в моей руке, я осыпал женщину рахматом².

По этой бумаге пришел я в двухместный номер. На одной из кроватей поверх одеяла лежал в рубашке и брюках человек лет тридцати, сразу видно, деревенский джигит, лицо грубое, обветренное. Он перелистывал сатирический журнал «Чалкан»³ и при этом хохотал как сумасшедший. Даже мое «здравствуйте» не услышал. Я подошел к свободной кровати, стал раздеваться. Джигит

¹ Э же — вежливое обращение к старшей по возрасту женщине.

² Ра х м а т — спасибо.

³ Ч а л к а н — крапива.

уронил журнал на пол и, все еще похохатывая, поднялся с кровати.

— Что, так смешно? — спросил я.

— Не говори, — ответил джигит. — Ох, живот надорвал. Ха-ха-ха... Тут пишут, у одного жена ушла. Никак найти не может. Вот глупый, одну женщину не уберег. А у моего деда было три жены, попробовали бы они убежать. Он бы их...

— Горячая вода есть? — спросил я.

— Что? А-а... Не знаю. Я умываюсь холодной.

Вот какой герой, подумалось мне.

— Откуда будешь? — поинтересовался джигит.

— Из Москвы, — буркнул я.

— Из Москвы? Живешь там, что ли?

— Ага.

— Почему же я тебя не видел? Я в этом году был в Москве.

Я так и остановился с полотенцем у входа в ванную. Не выдержал, засмеялся.

— Что же ты там делал?

— Я-то? На сессию ездил. Я депутат. — Он приподнял свой пиджак, висевший на спинке стула. — Вот, видишь?

На лацкане пиджака красовался депутатский значок.

— Ого, дружище, да ведь ты знаменитый человек!

— Обо мне в трех газетах писали. А ты, может, по радио слышал? Меня зовут Маман. Сулайманов — фамилия.

Я все же решил помыться. Но перед самым входом в ванную мне в голову пришла одна мысль.

— Я бы хотел тебя попросить... — начал я.

— Давай, — отозвался Маман. — Какая нужна помощь?

— Знаешь, я тебе соврал, я не москвич.

— Я так и подумал.

— Понимаешь, какое дело. Я закончил университет. Меня направили на Памир в какой-то колхоз, там, говорят,

есть киргизский район, так называемый Мургаб, но я отказался. Хотел здесь устроиться, но ничего не выходит. Так вот, если бы ты...

— А почему отказался от Памира?

— Зачем тебе об этом знать, не поехал — и все. Ну как, сможешь?

— Нет, меня здесь никто не знает. Я — депутат от Таджикистана. А сюда приехал на слет животноводов.

— А-а.

Я вспомнил про душ.

— Эй, дружок, — остановил меня Маман. — Скажи все-таки, почему не поехал на Памир?

— Да, понимаешь, долго рассказывать... — Я замялся.

— Ты делаешь глупость, — сказал депутат.

— Почему? — удивился я.

— Да потому, что у нас очень хорошо. Тебе понравится.

— Ты что, оттуда, что ли?

— Да. Из того киргизского района, о котором ты говорил. Поехали лучше со мной.

— Подожди, — сказал я. — После поговорим. Я помыться хочу. У вас нет душа, верно?

Я скрылся в ванной. Но не успел раздеться, как депутат открыл дверь.

— Извини, приятель, ты не очень хорошо поступаешь, — сказал он. — Учителей у нас не хватает в районе. Вот и работают в наших школах случайные люди, как говорится: там, где нет утки, и ящерица сойдет. А такие специалисты, как ты, не хотят ехать, и зря. Хорошо ведь у нас, и народ хороший. Плохо только одно — далеко от города. Но если все образованные будут жить в городе, кто же обучит грамоте деревенских детишек? — Депутат ждал моего ответа. — Ребят жалко, понимаешь? Детей...

Маман замолчал.

— Это правда, что на Памире умирают от горной болезни? — спросил я. Ничего умнее не мог придумать.

— Вот чудак парень, — удивился Маман. — Сам подумай, стали бы там жить люди, если б умирали раньше времени? Дураков нет! Зачем веришь болтовне? Ты лучше поживи там, погляди своими глазами. А как почувствуешь приближение своей смерти, скажи мне только слово, я тут же на райкомовской «Волге» сам привезу тебя во Фрунзе.

— Ох, и мастер ты уговаривать, — сказал я.

— Нет, правда, приятель, приезжай к нам, посмотри, — продолжал Маман. — Понравится — останешься, нет — никто тебя не будет держать на привязи, поработаешь с годик и вернешься. Ну как, договорились?

— Подумаю, — ответил я. Мне и вправду хотелось подумать.

— Вот и хорошо, — Маман улыбнулся. — Завтра я домой уезжаю. Адрес свой тебе оставлю. Ведь ты приедешь, я знаю. А я всех там предупрежу.

— Ладно, подумаю, — повторил я. — Ты напиши адрес, а я пока душ приму.

Маман закрыл дверь.

Оказывается, я правильно сделал, что взял этот адрес. Примерно через неделю я уже был на Памире...

* * *

Я не заметил, как въехали в кишлак, спал всю дорогу. Разбудил меня шофер. С этим парнем мы познакомились еще в райцентре, в Мургабе, его звали Шарип.

Я вышел из кабины, огляделся. Вокруг высоченные горы, а с них ледники сползают. Пониже ледников склоны изрезаны бесчисленными долинами и ложбинками. В старые времена про жизнь памирских киргизов так говорили: «В каждой ложбине — юрта, в каждой юрте — свой

бий», то есть, судья, разбиравший тяжбы. Как-то встретят здесь меня люди?

Кишлак, куда я приехал, располагался по правому берегу бурной речки, разрезавшей неширокую долину. Чуть пониже речка разделялась на два рукава, образующая маленький островок, на котором стояла одинокая мазанка. Всего в кишлаке домов было штук тридцать. И все серые, за исключением, как я потом выяснил, правления колхоза, клуба, школы и магазина. Эти были побелены. В полукилометре от крайнего дома виднелось кладбище.

— Вот, оказывается, каков он, этот Памир,— подумал я вслух, оглядывая кишлак. Я уже упрекал себя за то, что приехал.

— А вы что хотели увидеть? — сказал Шарип и поставил мой чемодан на землю.— Я не в упрек, просто интересно.

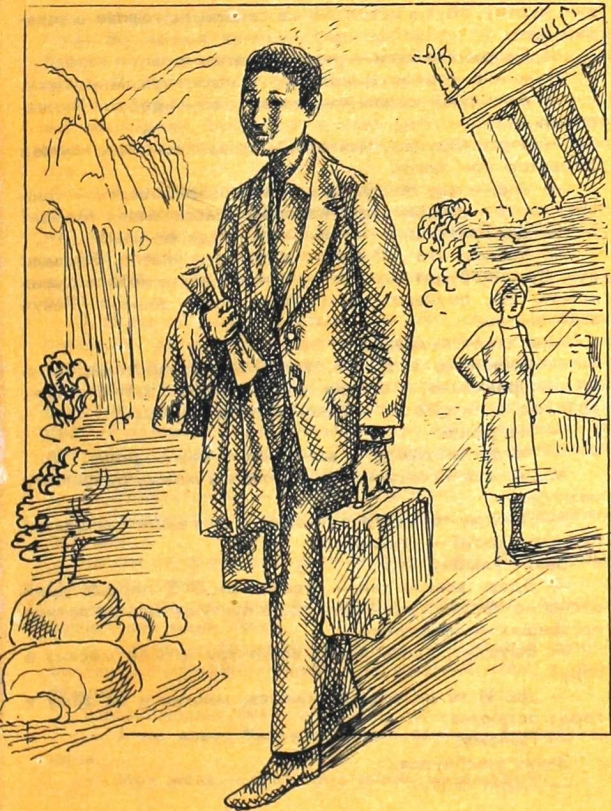
— А школа где? — спросил я вместо ответа.

— Вон.— Шарип показал рукой на одно из белых зданий.

Я немного помедлил, что-то еще хотел спросить, но он уже поехал, оставляя за собой клубы удушливой пыли. Я чихнул несколько раз, вытерся платком. Людей не было видно. Только огромный оседланный як с понурым видом стоял неподалеку, да бегал взад-вперед черный кобель, обмачивая углы построек. Тихо было в кишлаке. Но вот из того здания, которое Шарип назвал школой, донесся какой-то шум. Я оставил чемодан на обочине и отправился туда.

Школа, как нетрудно было понять, еще ремонтировалась. В темноватом коридоре стояли парты в три этажа, в беспорядке валялись учебные доски, под ногами шелестели разодранные лозунги. Сильно пахло известкой. Вдруг раздался стук молотка. Пошел на стук.

В одном из классов какой-то мужчина, на вид лет пятидесяти, чинил парту. Он был одет в черную вельвето-

вую куртку, обут в истоптанные сапоги, на голове шапка-ушанка.

— Салом алейкум,— поздоровался я.

Мужчина отложил молоток и протянул мне руку.

— Алейкум салом,— ответил он,— добро пожаловать.

— Я из Фрунзе, учитель,— сказал я.— Мне нужен директор или завуч.

— А-а,— мне показалось, что он обрадовался.— Значит, вы тот человек, про которого рассказывал Маман?

— Да, наверно,— ответил я.— А где он сам?

— Маман, что ли? Вчера в область укатил. Вызвали его. Думаю, будет через пару дней. А вы приехали очень кстати. Ну, познакомимся? Меня зовут Мамыт. Завуч этой школы.

Мне стало неловко.

— Извините, я думал, вы столяр,— проговорил я.

— Правильно, и столяр тоже,— сказал завуч.— Каждый год сами ремонт делаем. Где ваши вещи?

— На улице.

— Тогда пойдемте, я вам покажу ваше жилье.

Мы вышли из школы, направились к моему разбитому чемодану.

— Почему-то так удивительно тихо в вашем кишлаке? Где же народ? — спросил я.

Завуч улыбнулся.

— Здесь всегда так,— ответил он.— С первых дней весны до поздней осени эти дома пустуют. Все на летних пастбищах — на джайлоо.

— Выходит, здесь живут всего три-четыре месяца в году?

— Да. И то не все спускаются, многие и на зиму в горах остаются.

— Почему?

Завуч улыбнулся.

— Пасут скот.

— И дети тоже?

— Во время каникул ученики живут у родителей. Завтра первое сентября, вот учителя и поехали собирать детей. Возможно, сегодня ночью приедут.

В это время из одноэтажной постройки, мимо которой мы проходили, послышался плач ребенка. Его поддерживали на разные лады еще несколько плачущих голов.

— А это как понять? — удивился я.

— Первоклассники, — ответил завуч. — Только сегодня спустились с джайлоо. Хотите познакомиться?

Мы вошли в открытую дверь.

— Это интернат, — пояснил завуч. — Спят они здесь, едят...

В большой комнате стоял длинный стол, накрытый клеенкой. За столом на длинных скамейках, словно ласточки на проводах, сидели семи-восьмилетние зареванные мальчики и девочки. Они всхлипывали, не обращая внимания на тарелки с кашей. При этом присутствовали полный мужчина с квадратным лицом и высокая красивая девушка лет двадцати двух. Они понуждали детей есть. Девушка заметила нас, уставилась на меня.

— Здравствуйте, — обратился я к ней.

— Здравствуйте, добро пожаловать, — мило ответила девушка.

Не спеша подошел мужчина. Вид у него был хмурый, глаза недобрые.

— Тот парень, про которого рассказывал Маман, — представил меня завуч.

— Сактан, — произнес мужчина, протягивая руку. — Сактан Качибекон — учитель математики. Мы с вами земляки.

Я тоже назвал свое имя.

— А ее зовут Ракия, — сказал завуч. — Воспитательница.

— Моя жена, — уточнил учитель математики.

Я поклонился ей. Она улыбнулась смущенно.

Дети между тем поутихли. Они с удивлением рассматривали нас. Но вот кто-то из них снова занял. Захныкали и другие.

— Хватит, перестаньте! — прикрикнула Ракия.

— Ну и дикие здешние дети, кашу есть не желают, — сказал доверительно Сактан Качибекоев, будто что-то важное объяснил иностранному туристу.

Завуч вышел из столовой. Я последовал за ним, кивнув на прощанье мужу и жене. Прихватив по дороге мой чемодан, мы подошли к зданию длиннее прежнего. Выяснилось, что здесь семь пристроенных друг к другу домишек. Я это различил по крышам: одна выше другой.

Завуч размотал проволоку, которая служила замком на двери первого домика, и мы вошли в переднюю.

Дальняя комната была светлой. Свет проходил не в скно, а через застекленную часть потолка, что показалось мне странным. Я увидел печь, стол и железную кровать с голой сеткой. На полу валялись старье номера журналов «Советский экран» и «Юность».

— В прошлом году здесь жила одна русская девушка из Душанбе, — объяснил завуч, заметив, что я заинтересовался журналами. — Она вела русский язык и литературу. Правда, недолго. Три месяца. А потом уехала. Скучно ей стало. С тех пор в этой квартире никто не живет.

— А вы сами? Вам здесь не скучно? — как-то вдруг вылетело у меня. Самому стало неловко.

Завуч улыбнулся, пожал плечами.

— Коли было бы скучно, не жил бы, — ответил он. — Ну вот. Пойду-ка пошлю вам постель. Через час приду за вами, чаю у меня попьем.

Через некоторое время я отправился в здешний магазин, чтоб купить зубную щетку.

В магазине увидел троих мужчин. Один, рыжий, стоял за прилавком, глаза у него заметно косили. Двое сидели на туго набитых чем-то мешках. Они распивали водку. Но как только я переступил порог магазина, толстый узкоглазый старик спрятал бутылку. Его напарник, невысокий круглолицый человек лет шестидесяти, поднялся с места. Все трое с удивлением смотрели на меня.

— Салом алейкум,— поздоровался я.

— Алейкум салом,— ответили мне растерянно.

— Дайте, пожалуйста, зубную щетку,— обратился я к тому, что стоял за прилавком.

Рыжий продавец молча принял деньги, бросил мне плохонькую щетку. Я взял ее и пошел к выходу.

— Братец, мы тебя не узнали, кто ты будешь? — вдруг спросил круглолицый.

— Я буду работать учителем в вашей школе,— ответил я.— Меня зовут Акун.

Почему-то все трое оживились.

— А-а-а! — подхватил круглолицый.— Значит, вы тот самый, которого нашел Маман? Мы вас ждали. Очень хорошо, что приехали. У нас пустует пять учительских ставок. Давайте познакомимся, меня зовут Ташмат, директор школы. А этот толстяк — мой товарищ. Его зовут Толубаем, охотник он. А этого косоглазого зовут Турат, тоже мой приятель. Он у нас трезвенник. Но от стакана не откажется: спрячет под прилавок, а как только мы уйдем, тут же кому-нибудь продаст.

— Ну-ну, Ташмат-аке, не охаивай перед гостем,— сказал улыбаясь продавец.

— Так что, дорогой гость, присаживайтесь, отметим ваш приезд,— предложил директор. Потом обратился к узкоглазому старику:— Давай сюда бутылку.

Охотник достал спрятанную водку.

— Агай¹,— сказал он мне,— не обижайтесь, мы вас приняли за начальство из района.

— Разве у меня такой вид? — удивился я.

— Сейчас все они такие, из молодых,— директор махнул рукой.— Ну, что стоишь? Садись, братец.

— Спасибо,— поблагодарил я.— Давайте лучше я не буду, дорога была тяжелая, устал. Как-нибудь потом. Директор и охотник переглянулись.

— Как знаешь,— согласился директор.— Но в следующий раз не отказывайся.

Я покинул их.

Вечером того же дня, возвращаясь от завуча, я проходил мимо магазина, и кто-то меня окликнул.

— Агай, поди сюда!

Смотрю, на пороге сидит охотник. Магазин же закрыт. Подошел.

— Бача², я опьянел, доведи до дома,— попросил он.

Не мог я отказать старику, согласился. К тому же я подумал, что он живет где-то рядом. Когда же мы вышли из кишлака и стали приближаться к кладбищу, я с беспокойством спросил:

— Где живете?

— На том берегу, бача,— ответил он.— На острове.

Я упрекал себя за то, что согласился, но отказываться было поздно.

Когда добрались до кладбища, из-за гор выглянула красная луна. Ее лучи освещали только вершины гор и дальние склоны, а все остальное по-прежнему тонуло во мраке.

Мы шли под руку и то и дело уступали друг другу дорогу, потому что тропинка была узкая. Охотник вроде немного протрезвел и шел уверенно, а я, наоборот, стал

¹ А г а й — обычное обращение к учителю.

² Б а ч а — парень, приятель (тадж.)

спотыкаться на каждом шагу, чертовщина всякая мерещилась.

— Здесь меня похоронят,— буркнул охотник.— Все наши заботы когда-нибудь кончатся...

Вдруг рядом что-то прошелестело. Я вздрогнул.

— Заяц,— объяснил охотник.— На кладбище живет один-единственный заяц. Иной раз я ему говорю: «Эй, ушастый, не перебегал бы ты так часто мою дорогу, а то я могу и шурпу из тебя сделать». Да нет, пусть живет, бедняжка. Может, и на моей могиле будет прыгать...

Как только прошли кладбище, тропинка свернула вниз к речке. Охотник же во всю мочь затянул песню на манер ичкиликских² киргизов.

Э-эй, не водил я медленных караванов
Через быстрые горные реки,
Не суждено быть навеки с вами,
Не суждено быть с вами навеки.

— Агай, поддержи.

Я не понял.

— Что я должен сделать?

— Ну, ведь когда кто-то поет, его поддерживают, вот так: «Э-эй!»

До меня дошло, и я не мог скрыть своего раздражения.

— Мне ни петь, ни подпевать не хочется, аксакал,— сказал я. Мало ему, что провожаю до самого дома, так еще и подпевай.

Охотник замолчал. Мы спустились к самому берегу. За это время луна поднялась повыше, осветила ущелье.

— Где-то здесь должен быть висячий мост,— сказал охотник.— Поищи, агай.

Я с удивлением смотрел на два толстых троса, перекинутых через быструю речку. Это, что ли, старик назы-

¹ Ичкилик — название одного из киргизских родов.

вал мостом? С нашей стороны, на нижнем тросе висел какой-то сундук. К нему я и подвел старика.

— Как мы здесь перейдем речку? — спросил я.

— Сначала посади меня вот в эту люльку, потом садись сам, — сказал охотник.

Я так и сделал. Старик отвязал люльку от железного столбика, и мы, покачиваясь, заскользили по тросу вниз. Остановились над самой серединой речки.

— Теперь, бача, берись за верхний трос и тяни на себя, — научил меня старик. — Вот так, смотри.

Подтягивая люльку за трос, мы постепенно приближались к островку. За какие-то несколько минут я страшно устал, дышал с трудом. Совсем я забыл, что памирский воздух разрежен, здесь быстро устаешь с непривычки. Охотник же, перекрывая шум реки, пел во все горло, никакого недостатка в кислороде не испытывал.

Э-эй, не водил я медленных караванов
Через быстрые горные реки,
Не суждено быть навеки с вами,
Не суждено быть с вами навеки.

— Подпевай, бача.

— Да бросьте вы, аксакал! — грубо ответил я.

Охотник словно бы и внимания не обратил на мои слова.

— Вон и дочь меня ждет, — сказал он.

И вправду, на берегу в окружении четырех собак стояла девушка, держа в поводу ишака. Когда мы достигли берега, девушка молча подхватила нашу люльку, стала привязывать к столбу.

— Карачач, познакомься с новым учителем! — крикнул охотник. — Только сегодня приехал из Фрунзе.

— Салом алейкум, — поздоровалась она. Потом помогла отцу сойти на землю.

Когда охотник вылез из люльки, я попытался отвязать ее от столба. Заметив это, девушка вопросительно посмотрела на отца.

— Эй, бача, что ты делаешь? — испуганно спросил охотник.

— Мне надо возвращаться, — ответил я.

— Э, брось, агай. Раз ты добрался со мной до этого места, значит, заночуешь у нас. Вылазь.

— Нет уж, спасибо, — промолвил я, отвязывая люльку.

— Э, бача, так нельзя, — решительно сказал охотник. — Во-первых, ты обидишь нас с дочерью. А потом, если ты оставишь люльку на том берегу, как же мы доберемся до магазина? С голоду помрем...

Вот оно что, оказывается. Я попал в дурацкое положение. Но слишком устал для того, чтобы долго раздумывать. Так или иначе, но спать где-то надо, здесь или в кишлаке — все равно на новом месте.

Девушка помогла отцу взгромоздиться на ишака. Ишак рысцой понес охотника к одинокой мазанке в центре островка. Мы с девушкой, сопровождаемые четырьмя псами, последовали за ишаком. Охотник между тем снова завел свою песню.

Э-эй, не водил я медленных караванов...

До самого дома мы с Карачач не перекинулись ни словечком. Слезая с ишака, старик чуть не упал, и девушка поддержала его. Наконец мы все трое зашли в мазанку.

Домик охотника, как и моя новая квартира, состоял из двух небольших комнат. В передней, освещенной керосиновой лампой, я заметил ружье на стене, на полу валялись капканы. Пахло горьким кизячным дымком, варилось в казане мясо. В дальней комнате была застеклена часть потолка, и лунный свет падал на груды одеял.

Карачач ловко постелила для нас новенькое одеяло — курпачо.

— Проходи, агай, на төр¹, — пропустил меня старик. — Дочка, подавай ужин. Буза осталась?

¹ Тёр — почётное место.

— Есть еще,— дочь скрылась в передней.

— Вот хорошо,— обрадовался охотник.— Сейчас устроим той.

Вскоре перед нами стояла шурпа — бараний бульон. В двух деревянных мисках, на медном блюде горой лежало мясо, в большой деревянной чаше пенилась буза. Комната наполнилась душистыми запахами, даже окно на потолке запотело.

Охотник мигом разделал мясо.

— Ну, бача, угощайся. Это мясо косули, тебе должно понравиться. Дочка, наливай бузы.

Я был сыт. Но мясо косули и вправду оказалось очень вкусным. От бузы я тоже не отказался. И незаметно для себя опьянел. На острове с охотником и его дочкой пью бузу, ем мясо дикого животного,— это ли не романтика?! Мне постепенно стали нравиться толстый узкоглазый хозяин и его широколицая тихая дочь.

— Да, кстати, бача, ты из какого места Киргизии? — вдруг спросил охотник.

— Из Науката,— ответил я.

— Э-э-э! — воскликнул охотник.— Ведь ты мне племянником доводишься! Моя покойная мать только и твердила, что она наукатская! Ну вот, родичами оказались. Давай, бача, угощайся. Доченька, налей-ка моему племяннику бузы... В Наукате бузу гонят, племянничек?

— Гонят.

— Охотятся?

— Да.

— А ты сам любишь охоту?

В детстве с палкой в руках бегал я, бывало, вместе с собаками за кекликами.

— Люблю,— ответил я.— Но не умею...

— Тогда я из тебя сделаю хорошего охотника,— заверил старик.— Вот увидишь. Будешь брать козлов, медведей, барсов... Мы еще им покажем.

Я улыбнулся.

— И когда же мы выйдем?

— Если хочешь, завтра,— сказал охотник.— Только встать надо пораньше. А то удачи не будет. Слышишь, дочка, мы чуть свет отправимся. Ишаку подсыпь овса побольше. А собак привяжи... Эх, племянник, я тебе завтра такую охоту устрою! Наливай бузы, доченька...

— Теперь наливайте сами, мне нужно посуду пере-мыть,— сказала девушка и придвинула чашу с бузой поближе к отцу.

— Ну ладно, занимайся своими делами,— разрешил хозяин.

Карачач собрала грязную посуду, вышла в переднюю.

— Умница,— бросил ей вслед охотник.— Точь-в-точь покойная мать. Аллах даст, выдам ее замуж за большого человека... А ты женат?

— Нет.

Охотник внимательно посмотрел на меня и вдруг запел свою любимую песню:

Э-эй, не водил я медленных караванов
Через быстрые горные реки...

— Э-эй,— в первый раз подхватил я.

Я не помню, как заснул. Солнце разбудило меня через окно в потолке. Значит, уже не раннее утро. Рядом храпел хозяин. В передней, на стене, висело ружье, на столике лежали патронташ и бинокль. Я понял, что охота откладывается.

Так она откладывалась еще раз пять-шесть, когда охотник приглашал меня к себе в гости. Он обычно говорил в таких случаях: «Племянник, сегодня будешь ночевать у меня, спозаранку отправимся на охоту». Мы просиживали до глубокой ночи, Карачач собирала нас в дорогу. Но очень уж поздно мы просыпались...

И все же, чтоб не соврать, однажды мы вышли-таки на диких коз. Погода была пасмурная, снежок падал.

Мы проснулись чуть свет. Наспех осушили по миске бузы, приготовились в путь: охотник сел на ишака, мне вручил длинную палку, чтоб я не спотыкался, в другой руке я зажал поводки пяти собак.

На Памире не надо далеко ходить за дикими козами. Скоро охотник остановился, приставил к глазам бинокль. Собаки забеспокоились, следили, наострив уши, за каждым движением хозяина.

— Вон там штук десять пасется, — сказал старик.

— Где? — Я чуть не вырвал из его рук бинокль.

И в самом деле, паслось с десятков козлов. Я заволновался.

— Что же теперь будем делать? — спросил я, не отрываясь от бинокля.

Охотник слез с ишака и принялся науськивать собак. Собаки пока еще не видели добычу, то и дело жадно скулили. Потом он рукой указал направление. Собаки ринулись вперед. Но вдруг они изменили направление, оставив коз далеко в стороне.

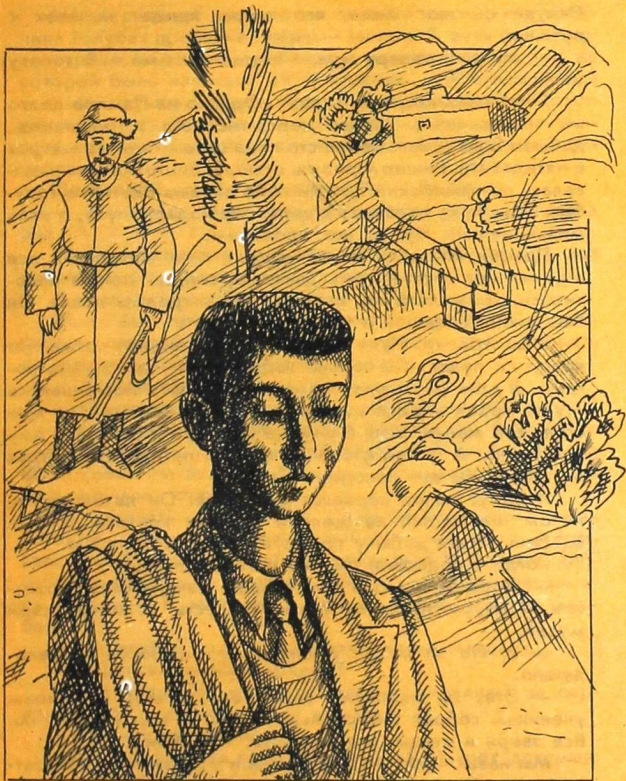
— Не понимаю, куда они побежали, — промолвил я словно бы про себя.

— Они увидели козлов, — сообщил охотник. — И пошли в обход.

— А мы что здесь будем делать? Не отправиться ли и нам туда?

— Мы там не нужны. Собаки сами пригонят их вон на ту скалу. Ты лучше сними с себя чапан, будь наготове.

Я снял халат. В это время слышался отдаленный лай. Четыре собаки гнали одного козла на скалу, о которой говорил охотник. Козел держался метрах в ста впереди собак и все увеличивал расстояние, легко поднимаясь по крутому склону. Вот он остановился на маленькой площадке перед пропастью. Было ясно, что на этот пятачок собаки забраться не могли. Они просто кружили по склону — это было все, что от них требовалось. Бедный козел, наверно, думал, что опасность миновала.

Откуда он мог знать, что скоро придет человек с ружьем.

— Ну вот, теперь иди,— сказал охотник.— В голову, целься...

Я побежал вверх по склону. Однако на Памире долго не пробежишь... Только через полчаса я, задыхаясь, добрался до собак. Козел стоял на своем пяточке метрах в пятидесяти. Решил стрелять отсюда. Винтовка моя называлась по-памирски «Тукалка». По словам охотника Толубая, если пуля попадает в цель, она издает «тук», а если мимо — «чик». Ну что же, проверим.

Прицел поставил на семьдесят пять метров. Я все еще не мог восстановить дыхание, сердце сильно колотилось, дрожали руки. Еще раз посмотрел на козла. Он был очень большой и красивый.

Я выстрелил. Пуля издала «тук»,— видно, попал. Но козел не падал. Он только вздрогнул и переступил ногами. Я еще раз нажал на спуск. И опять послышалось «тук». Козел уперся ногами о скалу и застыл. Тут мне стало его жалко. Если б он еще бежал, а я бы палил ему вдогонку... А тут он спокойно стоит в пятидесяти метрах от тебя, а ты его расстреливаешь...

И вдруг козел сорвался с обрыва. Он летел долго, потом шлепнулся на мелкий щебень крутого склона. Щебень понес добычу прямо к охотнику Толубаю.

Когда я подошел, он уже освеживал тушу.

— Хорошего козла пристрелил, бача,— сказал охотник.— Шкуру подарим Мамыту, пусть пополнит свой музей.

— А что за музей у него там? — спросил я равнодушно.

— Эге, ты разве не видел его музея? Он своим ученикам собрал интересный музей. А я ему помогаю. Все звери и птицы, что там есть, я подарил.

Мы навьючили тушу на ишака и отправились в обратный путь. Настроение у меня было не из лучших.

На следующий день после первого посещения охотника Толубая прозвенел первый звонок. Я, взяв под мышку журнал, по длинному коридору направился к двери, на которой было написано «VIII класс» — мой класс. Я был в самом лучшем своем костюме, на грудь приколот университетский значок, и зря. Потому что другие учителя все смотрели на этот значок, и я чувствовал себя неловко.

До дверей класса проводила меня Ракия.

— Желаю отлично провести первый урок, — сказала она.

Такое пожелание мне показалось неуместным, уж лучше бы она послала меня к черту.

Я поправил галстук и открыл дверь.

Класс был просторный. Однако стояло всего восемь парт, за каждой по ученику. Они что-то горячо обсуждали, при виде меня поднялись с места.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте, агай, — ответили мне хором.

Рослый ученик за последней партой сел без моего разрешения, но, уловив мой недовольный взгляд, тут же встал снова. На вид ему было лет восемнадцать, и вряд ли я выглядел старше.

— Садитесь, — разрешил я. — Сегодняшний урок посвятим знакомству. Зовут меня Акун, фамилия — Маткалыков. Я ваш классный руководитель и учитель киргизского языка и литературы... Теперь хочу познакомиться с вами. — Я заглянул в журнал. — Кто Туратов Ташбай?

— Я, агай, — поднялся широкоплечий мальчик.

— Садись. Токобаев Садык?

— Я! — громко крикнул мальчик, сидевший за первой партой, маленький, как воробей.

— Батырова Саира?

Молча поднялась самая некрасивая из трех девушек.

— Доолотова Унсун?

Встала вторая девушка. Тоже молча.

— Тойчиев Паиз?

Поднялся переросток.

— Я,— сказал он басом.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать...

— Почему до сих пор в восьмом классе?

Паиз молчал.

— Агай, он любит в каждом классе сидеть по два года,— ответил за него Садык.

Все засмеялись. Паиз искоса угрожающе посмотрел на Садыка.

— Садись,— я решил его не мучить.— Мамытова Адалат?

Поднялась третья девушка.

— Эсенов Эрмек?

У этого голубоглазого юноши нос был с горбинкой. Потом я узнал: у него мать из бадахшанских таджичек.

Закрыв журнал.

— Вот и познакомились,— сказал я, вставая с места.— Теперь хочу узнать, как вы провели каникулы.

— Каникулы провели хорошо, агай,— раздалось несколько голосов.

— Да так себе, средненько! — возразил Садык.— Агай, мы даже не заметили, как они пролетели-то, эти каникулы. Все работали в колхозе. Девушки доили яков, ребята косили сено, стригли овец. Разве это каникулы?

— О чем ты говоришь? — возразила Адалат.— Что же мы, по-твоему, должны были делать?

— Отдыхать, что же еще,— не сдавался Садык.— Возьми, например, городских школьников, чем они занимаются на каникулах? Отдыхают, веселятся. Для них есть специальные лагеря, да и Артек к тому же. Не так ли, агай?

Я помедлил с ответом, подошел к окну. Из окна как на ладони была видна пыльная площадь, которую окру-

жали правление, клуб, магазин. На площади стоял понуро все тот же оседланный як. Вдруг из-за магазина выскочила черная «Волга», сделала круг на площади и остановилась возле яка. Из машины вышел мой депутат! Он потрепал яка по шее и скрылся в магазине. Там он пробыл недолго и направился к нам, в школу.

— Эй, смотрите, приехала «Волга» Мамана-аке! — крикнул вдруг кто-то из ребят.

Все ринулись к окну.

— А ну, по местам! — возвысил я голос. — Вы что, машину ни разу не видели?

Ребятам мои слова показались как будто удивительными, они переглянулись. Раздался звонок. Я посмотрел на часы, до конца урока было еще минут двадцать. Ученики, не дожидаясь моего разрешения, по одному выскакивали из класса.

— Куда! Куда! А ну, по местам!

Но им явно было не до меня. В классе остался я один. Моему возмущению не было предела. Я обиделся на весь белый свет, на своих учеников, на того человека, который дал звонок... Направился в учительскую. Там были все учителя и депутат среди них.

— Акун! — радостно воскликнул он и обнял меня. — Спасибо, бача, что приехал. Ну как, нравится наш край?

— Погоди, дай оглядеться, не все сразу, — сказал я. Потом обратился к завучу: — Почему звонок дали раньше времени?

Завуч растерянно посмотрел на депутата.

— Звонил я, — ответил за него Маман.

— Ты? Почему?

— Да пусть ребята полюбуются черной «Волгой». Сейчас я должен отправить ее в район.

— Не понимаю, на что тут глядеть? — сказал я. — И зачем тебе надо было срывать урок?

— Э-э, бача... — Депутат взял меня под руку, и мы вышли из школы на площадь. «Волгу» ребята так обле-

пили, что ее не было видно.— В нашем районе, дорогой, только одна «Волга», вот эта. Недавно ее вручили первому секретарю. А он ее жалеет, ездит только в райцентр и, когда надо в область,— в Хорог. Дороги у нас плохие, поэтому предпочитает газик.

— А как же он тогда доверил ее тебе?

— Мне, что ли? Хе, чудак парень,— сказал Маман и приосанился.— Я — это я. Пусть попробует не дать! Я усмехнулся. Мы приблизились к машине.

— Ну, нагляделись? — спросил депутат у ребят.

— Еще немного, Маман-аке,— раздались голоса.

— Нет, нельзя задерживать,— сказал Маман.— А то дядя шофер не доедет засветло. Посторонитесь.— Ребята расступились. Маман достал из багажника чемодан, протянул Паизу.— Приторочь к яку,— приказал он. Потом обратился к усатому водителю:— Поезжай теперь, Усенбай.

Усенбай кивнул, дал газ.

— Подождали бы еще чуточку,— недовольно бросил Садык.

— Не унывай, милый, дай аллах Маману-аке здоровья, не раз еще увидишь ее,— сказал депутат.— А теперь мне пора, еще целый день пути.

— Коли так далеко идти, не надо было отпускать машину,— сказал я.

— Э-э, бача, туда, где я живу, не только «Волга», трактор не доберется,— ответил Маман.— Паиз, приведи моего яка.

Паиз привел понурую черную громадину. Депутат вскочил в седло.

— Ну, до свидания,— попрощался он со всеми.

— Счастливо добраться,— пожелали ребята.

— Дай аллах добраться до дома,— пожелали старшие.

— До свидания, Акун,— персонально попрощался со мной Маман.

— До свидания,— кивнул я.

— Ташмат-аке! Мамыт-аке! — окликнул Маман директора и завуча.— Не обижайте Акуна!

— С чего это мы будем его обижать?! — отозвался директор.— Все сделаем, что пожелает. Мы ему дали всю нагрузку по языку и литературе, дадим еще, если покажется мало. У нас нет учителя по английскому и по пению. Пусть ведет, если захочет.

— Дайте,— сказал Маман.

— Спасибо,— я засмеялся,— и без этих предметов вот так,— и я провел ребром ладони по горлу.

— Как знаешь,— ответил депутат.— Лишь бы не обижался на нас. Ну ладно, я поехал. Паиз, дай повод. Акун, ты, наверно, не знал, что Паиз мой племянник? Единственный сын моей сестры. Учи хорошо. Закончит восемь классов, повезу в Душанбе, пусть учится на ветеринара. Человеком хочу сделать. Ну, милый...— Маман хлопнул яка по шее, и тот неожиданно легко двинулся с места.

Некоторое время мы провожали депутата глазами. Но вот раздался звонок, и мы все направились в школу.

— Э-э-э, племянник! — услышал я чей-то крик.

Это был Толубай-охотник. Он вместе с дочерью шел со стороны магазина.

— Салом алейкум,— поздоровался я с охотником.— Добрый день, Карачач.

— Здравствуйте,— ответила дочь Толубая.

— Племянничек, приходи вечером к нам,— сказал старик.— Завтра пойдем на охоту.

— Спасибо, не могу, завтра у меня уроки.

— Тогда приходи в свободное время, хорошо?

— Хорошо.

— Вот увидишь, я из тебя сделаю настоящего охотника. На козла выйдешь, на медведя, на барса...

Карачач улыбнулась мне. И я ей улыбнулся, но тут же заметил, что она смотрит куда-то поверх моей головы.

Обернулся. За мной стоял Паиз. Он делал какие-то знаки девушке. Оказывается, Карачач улыбалась не мне. Я почувствовал себя неловко.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я у парня.— Или звонок тебя не касается?!

Паиз поспешил в класс. Охотник с дочерью двинулись в сторону реки. Толубай затянул свою песню:

Э-эй, не водил я медленных караванов
Через быстрые горные реки...

В один из выходных я от нечего делать принялся белить стены своего дома. Сначала — внутри. Работа была в самом разгаре, когда вдруг ко мне вошел сильно загорелый мужчина лет пятидесяти, с заметно пробивающейся сединой. В одной руке держал, как я потом догадался, мешочек с альчиками, в другой был крупный альчик, употребляемый в качестве биты при азартной игре в ордо.

— Салом алейкум, агай,— поздоровался он.— Хотя давно знал, что вы приехали к нам, но никак не мог выкроить времени, чтоб с вами познакомиться. Я председатель этого колхоза. Зовут Джакып.

— А, очень приятно,— я протянул руку.— Мое имя Акун.

— Хорошо, хорошо. Мы очень рады вашему приезду. Спасибо, что из такой дали приехали обучать наших детей...

Он замолчал, а я не знал, что ему ответить.

— Да,— продолжал председатель.— К нам такая грамотная молодежь, как вы, не часто приезжает, а своих кадров пока не хватает. Спасибо, что приехали...— Он снова умолк, а я по-прежнему не находил что сказать.— Красите, значит? Очень хорошо. Нам-то все некогда. Белите, может, понравится людям и вслед за вами, кто знает, тоже возьмутся. А?! Наш народ такой...— Внезапно председатель захохотал так заразительно, что

я тоже засмеялся.— Ха-ха! А-а... В ордо вы играете? — вдруг спросил башкарма и тряхнул альчиками в мешке.

— Не пробовал...

— Да что вы... Вы, наверно, стесняетесь. А в этой игре нет ничего плохого... Похоже на этот, как его, крикет, крокет... Приходите...

Председатель вышел. Я был слегка удивлен.

Потом я узнал, что ордо, оказывается, любимое развлечение жителей кишлака. Конечно, во время свадеб, на Октябрьскую, на Майских праздниках и конные скачки на приз бывают, и канат перетягивают, и в козлодрании участвуют. Но это происходит не часто. В обычные же дни играют в ордо. В свободное время, а такое время всегда в обрез, мужчины разбиваются на две команды и давай выбивать из круга альчики. Иногда учителя выступают против колхозников. В этих случаях ставят на кон барана. Игра еще только начинается, а баран уже варится в казане. После игры все отправляются есть мясо, платит за барана проигравшая команда.

Председатель Джакып, как мне все вокруг говорили, хорошо вел хозяйство. Люди были довольны им. А игру в ордо башкарма любил не меньше других айльчан.

Закончив работу внутри дома, я приступил к побелке наружных стен. Вначале провел щеткой линию, отделяющую мой дом от соседнего. Затем стал белить свою половину. Но вскоре известь загустела и никак не ложилась на стену. Пришлось взять старое ведро и идти за водой. Спускаясь к речке, я увидел Ракию. Она с коромыслом на плече поднималась мне навстречу.

Я уступил ей тропинку.

— Вы что, Акун, решили навеки поселиться на Памире? — спросила она.

— С чего вы это взяли?

— С того, что красите свой курятник.

— А-а... Вот и хочу, чтобы этот дом отличался от курятника.

Ракия улыбнулась, покачав головой, прошла мимо.

Я спустился к речке. Чуть не из-под ног вспорхнула стая диких уток. А с другого берега поднялись в воздух гуси и еще какие-то птицы. Я долго следил за их полетом, слышал их звонкие клики. Толубай мне рассказывал, что птицы эти — перелетные. Еще несколько дней они будут летать над нами, а потом исчезнут — до весны. Среди них есть белый гусь, сказал охотник. Весной он прилетит раньше всех.

А речка называется, как и район, — Мургаб. Вернее, район называется, как эта речка. Мургаб — таджикское слово: «мург» — утка, «об» — вода. Значит, река, где водятся дикие утки.

Когда я погрузил ведро в воду, из-под камней выплыло несколько больших форелей. Здешние рыбы не пугливы. В магазине крючков не купишь, поэтому ребята делают их из булавок и ловят на катышки из хлеба. А если верить словам Толубая-охотника, то женщины вычерпывают форелей ковшами, так много их здесь. Это, наверно, оттого, что никто всерьез рыбалкой не занимается. Памирские киргизы не рыбачат, не в обычае это.

Поднимаясь от речки, я обернулся и вдруг на том берегу увидел Паиза. Рядом с ним стояла Карачач. У Паиза под мышкой была охапка курая — так здесь называются высохшие стебли подсолнуха.

На другой день меня назначили дежурным по интернату. Соответственно, дежурным был и мой класс. Повариха поручила нам собрать кизяк на южном склоне горы, что возвышалась перед аилом. Мы уже довольно высоко поднялись по склону, как вдруг Унсун сказала громко:

— Смотрите, дом нашего агая похож на белый паровоз!

Аил был под нами. И в самом деле, мой дом напоминал белый паровоз, тянущий за собой много серых вагонов-домиков.

— И правда! — высказался Эрмек.

- Только Садык упрекнул Унсун:
- Глупая, разве бывают белые паровозы?
 - Ты плохо видишь, несчастный,— буркнула Унсун.
 - Конечно, это белый паровоз,— произнесла будто про себя Саира.
- Ее поддержали.
- Интересно, и куда он едет?
 - Он никуда не едет, а стоит на вокзале.
 - Нет, едет.
 - Вы что, чокнулись? — разозлился Садык.
- Ребята радовались своей фантазии, смеялись.
- Эх, вы! — крикнула Адалат.— А что бы вы делали, если бы дом нашего агая и вправду превратился в паровоз, а те серые — в вагоны?
 - Тогда бы я уехал,— ответил Садык.
 - Куда? — спросили ребята.
 - Хоть куда, мне все равно, например, туда, где вообще нет школ...
- Ребята захохотали. Я тоже был вынужден улыбнуться.
- Дурак,— сказала Саира.
 - А я,— вмешался Эрмек,— поехал бы в Африку!
 - О-о-о-о! — воскликнули все.
- Кто-то даже засвистел.
- В Африке никогда не бывает зимы,— добавил Эрмек, не обращая внимания на своих товарищей.— Люди всегда ходят голые.
- Снова раздался громкий смех.
- Ну и бессовестный же ты, Эрмек,— упрекнула Унсун.— Хоть бы сказал — в трусах.
 - А какая разница? — спросил Эрмек.
 - А я бы поехал туда, где много фруктов,— высказал свое желание Ташбай.
 - Обжора,— упрекнули его хором.
 - А ты, Унсун? — спросила ее подруга Адалат.— Куда бы ты поехала?
 - Я? Я... А, все равно мама никуда не пустит.

А ты? — спросила в свою очередь Унсун.

— Знаете куда бы я поехала? — Адалат задумалась.— Поехала бы во Фрунзе. Каждый день ходила бы в кино, в театр.

— Ой,— завистливо вздохнула Унсун.

— А ты, Паиз? — вдруг спросили Паиза, который держался особняком.

Паиз не знал что ответить, покраснел, опустил голову.

— Он бы никуда не поехал,— ответил за него Садык.— Если он куда-нибудь уедет, дочь Толубая-охотника останется старой девой.

Иопять раздался общий смех. Только Паиз не смеялся, хотел ударить Садыка, но шустрый Садык увернулся.

— Агай,— неожиданно спросила Адалат,— а куда бы вы поехали?

Мне срочно надо было что-то придумать в их духе.

— Я?.. Я бы сидел в маленькой деревянной будочке и каждому из вас давал билеты. Вы же знаете, без билета на поезд не пустят.

Все заулыбались. И у меня тоже поднялось настроение.

Мороз был градусов двадцать. На площади, где осенью играли в ордо, вздымались снежные вихри.

С утра я сидел на задней парте в пятом классе на уроке директора по русской литературе. Это у нас называется «обмен опытом». Что же я вынес из этого урока?

— Абсаматов! — провозгласил директор.

— Который, агай? — спросил один из Абсаматовых.

— Не ты,— сказал директор.— Койчуман!

К доске вышел самый маленький мальчик в классе.

— Где ты стоишь? — крикнул директор.

Койчуман плохо понимал по-русски, вопросительно посмотрел на товарищей.

— Агай говорит, чтобы ты встал поближе к доске,— перевели ему шепотом.

Койчуман подошел к доске вплотную, повернулся, шмыгнул носом и, не дожидаясь следующего окрика, начал:

Во глубине сбириских руд
Белеет парус одинокий...

Все долго смеялись. Улыбнулся и директор и поставил Койчуману двойку. Потом учитель полчаса допытывался, кто написал былинку об Илье Муромце. Никто этого не знал, кроме одного второгодника, который из всех сил тянул вверх руку. Ребята умоляли, чтоб он им подсказал, однако тот оставался глух и нем. Директор спросил его в последнюю очередь, и он ответил правильно. Однако учитель поставил и ему двойку, объяснив это тем, что ученик не помог остальным, то есть не подсказал.

Урок истории в моем восьмом классе тоже прошел как-то странно. Директор практиковал так называемую игру «в молчанку». Он на доске написал много вопросов, потом по списку приглашал учеников. Один за другим выходили они к доске, молча писали свои ответы, причем последующий должен был исправить ошибки предыдущих. Ребятам, которых уже вызывали, было скучно, и они затеяли игру в подкидного. Вдруг кто-то в азарте крикнул во весь голос: «Дама!»— и тем нарушил правила «молчанки». Директору, видно, самому надоела эта игра, и он вызвал к доске Паиза, потребовал устного ответа. Паиз безнадежно молчал. Директор подумал немного, вызвал Садыка и приказал ему: «Погладь Паиза по головке, как маленького, и скажи: «Какой умный мальчик!»»

Все в классе оживились. Однако Садык не решался подойти к Паизу. «Ну что же ты, смелее»,— подбодрил его директор. Класс затрясся от хохота, когда Садык все-таки исполнил порученное... Паиз, красный от стыда, с тоской смотрел в окно. Там на площади вздымались снежные вихри.

Прозвенел звонок, и я вышел в коридор. Мы уже раньше беседовали с директором по поводу его предыдущих уроков, и я сказал, что они мне не понравились. И сказал перед учителями. Он сам этого требовал. «Мы все говорим друг другу откровенно. Нам нечего скрывать»,— заявил он. А может, он ждал от меня похвалы? Оказывается, все только и хвалили уроки директора. Его, кажется, ставили в пример на конференции учителей в районе.

Когда директор услышал мои слова, его чуть удар не хватил. Учителя же опустили головы, и я решил, что им стыдно за меня, молодого, неучтывого человека, начинающего педагога.

В коридоре я стал свидетелем того, как Паиз поймал наконец Садыка и пытался заставить его бодать стену.

— Эй, эй! Ты что делаешь! — крикнул я Паизу, и тот нехотя отпустил свою жертву...

Я вошел в учительскую. Учителя, о чем-то горячо спорившие, при виде меня сразу замолчали. Я удивился.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Да ничего,— ответил завуч.— Вспомнили один старый случай.

В это время вошел директор.

— Та-а-ак, Акун,— обратился он ко мне.— Об этом уроке что скажешь?

— Вы же призывали к откровенности, Ташмат-аке,— начал я и не закончил.

Директор сильно побледнел, напряженным взглядом обвел учителей. Они снова как по команде опустили головы. Слава аллаху, завуч нашелся, дал звонок.

— Пора, товарищи, по классам.

И вот в учительской остались только мы с директором. Долго молчали.

— Что же ты мне посоветуешь?— спросил он вдруг.

— Не знаю,— ответил я.— Мне жалко учеников, очень жалко.

— Если их жалко, мне бросить учительствовать, что ли?

— Это ваше дело.

— Эй, парень! А ты знаешь, сколько лет я работаю? Двадцать четыре года!

— И все двадцать четыре — вот так? — вырвалось у меня.

Директор закрыл лицо одной рукой, а другой показал мне на дверь.

В коридоре я столкнулся с Ракией.

— Ахун,— сказала она,— слышал новость?

— Нет...

— Дочь Толубая-охотника беременна.

— Интересная новость... Ну и кто же отец?

— Она молчит. Говорят, Толубай до полусмерти ее избил, а она ни слова.

— Ну, это он напрасно,— промолвил я.

— Некоторые считают, что к этому событию вы имеете непосредственное отношение,— холодно сказала Ракия, не отрывая от меня испытующего взгляда.

Только теперь я понял, к чему она клонит. И вспомнил, как замолчали люди, когда я вошел в учительскую.

— Вот как?! — прошептал я.— Сволочи!

Я задышался, у меня потемнело в глазах, не помню, как оставил Ракию.

Только к вечеру вышел на улицу. Немного потемнело. Падал снег крупными хлопьями. В кишлаке было тихо-тихо.

Ты зачем сюда приехал, твердил я про себя. Видишь теперь, что получается. И хоть бы один понимающий человек был рядом. Если бы Айша... В последнее время я часто вспоминал ее, милую, веселую, озорную.

Направился к магазину, надо было чаю купить. Застал там знакомую троицу: завмаг, директор и охотник.

Продавец стоял за прилавком, ковырял в зубах, а эти двое сидели на бочках. Между ними стояла бутылка водки. Охотник, по-видимому, был уже пьян — всхлипывал, как ребенок. Директор утешал его, похлопывая по плечу. Я постарался взять себя в руки.

— Салом алейкум...

Никто не ответил на мое приветствие. И вдруг охотник приподнял голову.

— Ах ты выродок! — Он постепенно повышал голос и в конце сорвался на крик. — Я считал тебя человеком, к себе приглашал, ничего не жалел, а ты вон что натворил: перед людьми опозорил на старости лет! У-у-у-у...

Я не стал делать вид, будто ничего не понимаю.

— Толубай-аке, я никакого отношения к вашему делу не имею, — спокойно сказал я, хотя внутри у меня все кипело.

— Имеешь! — крикнул охотник. — На такое позорное дело мог пойти только ты, никто больше. В моем доме никто, кроме тебя, не бывал!

Я ничего не ответил.

— Акун, — тихо обратился ко мне директор. — Будь по-твоему. Ты человек грамотный, а я не очень. Ты детям даешь больше, а я почти ничего. Но мы оба — педагоги. Так ведь? Так. А теперь скажи мне, пожалуйста, разве педагог должен поступать, как ты?

«Не педагог ты, а демагог», — подумал я и ответил:

— Я не мог пойти на такое позорное дело!

— Хорошо. А если бы все-таки педагог пошел на подобное дело, чего бы он, по-твоему, заслуживал?

— Наказания.

— Кто же его должен был наказывать?

— Директор.

— Тогда, как тебе известно, я и есть директор. Я тебя накажу. А наказание тебе следующее: сегодня переночуешь на Памире, а с рассветом забирай свой чемодан и мотай отсюда приехал!

— Нет! — крикнул охотник.— А что будет с моей дочкой, ты подумал, Ташмат? Значит, он уедет — и все? Так не пойдет, братцы. Этот парень должен жениться на Карачач!

— Вот это дело! — вмешался продавец.— Тогда все встанет на свои места.

— Успокойся, Толубай, для твоей дочери найдется достойный человек,— сказал директор.— Памирские парни куда лучше этого пришельца. Ведь он — перелетный дикий гусь: рано или поздно улетит в теплые края, его не переделаешь.

— Нет, Ташмат, он должен жениться на ней! — Охотник поднялся с места, уставился на меня.— А если не женишься, худо тебе будет. Давай лучше по-хорошему, а то,— он возвысил голос,— я тебя возьму и застрелю!..

— Эге,— произнес кто-то у входа. Я и не увидел, как открылась дверь, в магазине было темновато.

— Да зажги свою лампу, Турат-аке! — нетерпеливо сказал вошедший.

— Маман?! — первым узнал по голосу продавец.— Сейчас, сейчас, братец...

Это имя сразу словно осветило мрачное помещение. Я так обрадовался, будто встретил отца. Депутат принялся стряхивать с себя снег. За это время продавец зажег лампу, и я увидел лицо Мамана.

— Кто кого хочет застрелить? — спросил он. Потом поздоровался со всеми за руку.

— Э-э, братец, у нас тут интересные дела творятся,— первым начал директор.— Наш Акун сделал ребенка дочери этого несчастного...

Депутат резко повернулся ко мне. Я молчал, ждал, что же он скажет.

— Чего-чего, а этого не ожидал от тебя, Акун...— тихо, с болью промолвил Маман. Было ясно, что он поверил директору.

— Да вы что, все спятили? — чуть не закричал я.— Клянусь жизнью, чтоб умереть мне молодым, не имел я с ней никакого дела!

Депутат между тем, казалось, пытался просверлить взглядом мои зрачки.

— Эй, парень, имей совесть! — крикнул охотник.— Только ты бывал у меня!

— Не понимаю я тебя, Акун,— вмешался директор.— Ты лучше скажи: извините, мол, братцы, по своей молодости соблазнил девушку, шайтан попутал. Тогда мы, вот и Маман здесь, сообща придем к какому-нибудь решению: или скажем — уезжай, пока не все в курсе дела, или скажем — женись на ней, покроешь грех, уважишь старика. Так ведь, Маман?

Он все время следил за выражением лица депутата.

— Подождите,— промолвил Маман.— Из ваших слов выходит, что вы подозреваете Акуна. А что говорит девушка?

— Она, подлая, ничего не говорит,— сказал охотник.— Я ее ругал, бил, ничего не помогает.

— В таком случае, этот вопрос надо решать после внимательного разбора,— объявил Маман.— Устроим товарищеский суд. Акун, мы тебя будем разбирать на товарищеском суде. Не бойся, все будет по справедливости — сам буду председателем. Уж я докопаюсь до сути дела: окажешься прав — оправдаю, нет — не обижайся. Если не ты виноват, а другой, тогда... Ну, тогда берегись, аксакалы! Вот так, бача. Ташмат-аке! После завтра часам к двенадцати буду здесь. Предупредите людей: соберем товарищеский суд. Ясно?

— Ясно.

— Дядя Толубай, вы приведите свою дочь, я сам поговорю с ней.— Охотник кивнул.— Дядя Турат, председателя не видели?

— Видел. Говорил, будто собирается в район,— ответил завмаг.

— В район должны ехать вместе. Ладно, пойду к нему домой...

Депутат оставил нас. Все чувствовали себя неловко. Я первый не выдержал, вышел из магазина. Только на улице вспомнил, зачем сюда пришел, но возвращаться не хотелось. По-прежнему шел снег. На площади к столбу для игры в ордо был привязан як Мамана.

Проходя мимо школы, я увидел свет в окне комнаты, которая была отдана под музей. Был я там несколько раз. Видел местную флору в засушенном виде и фауну — много чучел. Это, надо отдать ему должное, заслуга охотника Толубая. А завуч — препаратор. Музей, конечно, нужен завучу: он ведет зоологию и ботанику, но зачем он охотнику? Школа не платит ему ни копейки. Завуч изредка подбрасывает ему пять-десять рублей или ведет в магазин, купит сладости для Карачач, вот и все. Никто и спасибо им не скажет. Да они вроде и не ждут благодарности. А что, если поговорить с завучем. Раз свет в окне — значит, он не спит.

Я с трудом пробрался между чучелами и гербариями. Завуч набивал сеном шкуру козла.

— Салом алейкум, дядя Мамыт.

— А-а, это ты, Акун? — улыбнулся он. — Садись поближе...

Я присел на подоконник.

— Тот козел, что ты пристрелил, — заметил завуч. — Красивый козел.

Да, козел был тот. Я решил испытать завуча.

— Дядя Мамыт, вы что-нибудь слышали про дочь Толубая?

— Слышал, — коротко ответил завуч.

— Так вот, я несколько не виноват...

— Не виноват — значит, прав.

— А меня обвиняют.

— Не обращай внимания. Все равно скоро все выяснится. Я тут одного юношу подозреваю.

— Да? Кого?

Завуч ответил не сразу.

— Паиза.

Тут я словно прозрел.

— Я тоже его подозреваю! Дядя Мамыт, а как вы догадались?

— Понимаешь, Акун,— завуч улыбнулся,— они вместе учились до шестого класса, даже за одной партой сидели. А потом Паиз стал плохо учиться, отстал от своих и вовсе бросил школу. Снова взялся только в этом году. А Карачач закончила десять классов. Я уж давно заметил: любят они друг друга. Если бы все зависело от Паиза, он бы тут же бросил школу, женился бы на Карачач! Откровенно говоря, так было бы лучше для них обоих. Ты, наверно, понял уже: Паизу учење не впрок.

— Зачем же мы тогда его учим?

— Так хочет Маман. Говорит, как-нибудь дотащите до десятого класса, а там я его в техникум устрою... Мы долго молчали.

— Спасибо, дядя Мамыт. Поздно уже. Пойду,— сказал я.

Дома я растопил печь. Комната, напоминавшая холодную пещеру, стала постепенно согреваться. Я лег на скрипучую кровать. Уставился на заснеженное окно в потолок и принялся вспоминать комендантскую дочку. Полежал так, потом слез с койки, подошел к печке, съезжился, как сирота. Вдруг увидел в углу комнаты непечатую бутылку водки. Она давно предназначалась охотнику. Я ведь не ходил к нему с пустыми руками. Да. «Не суждено мне быть вместе с вами, не суждено быть с вами навеки»,— вспомнил я песню старика. Невидимый червь продолжал точить мое сердце.

Я взял бутылку, до краев наполнил пиалу и выпил залпом. Закуски у меня не оказалось, и опьянел я очень быстро. Схватил лист бумаги и стал писать Айше письмо.

«Послушай, ты даже не представляешь, какой смешной случай произошел тут со мной. Прямо хоть в «Чалкан» пиши, живот от смеха надорвешь, как сказал один мой друг — депутат. Приезжай, все расскажу».

Тут я остановился. А потом меня понесло:

«Слушай, луна моя, я дурак, кретин, круглый идиот, я ничего не могу с собой поделывать, я люблю тебя, почему это до меня раньше не доходило, если можешь — прости, приезжай, если можешь».

Заклеил конверт, написал адрес. И тут постучали в дверь. Вошел Паиз. Я замахал на него руками:

— Знаю, знаю, зачем ты пришел. Можешь не говорить, и так все ясно... Хочешь сделать доброе дело? Вот тебе письмо. Тащи его скорее на почту. Ну что же ты стоишь?

— Агай,— тихо сказал Паиз,— я хочу с вами поговорить.

— Потом, потом! — крикнул я.— Беги! Это для меня очень важно, понимаешь?

Паиз взял письмо.

— Дядя Маман сейчас едет в район, давайте передадим через него?

— Давай! Быстрее!

И Паиз вылетел из моего дома.

И вот, как и предупреждал меня Маман, наступил для меня «судный день». На площади перед клубом я стал свидетелем разговора депутата с Усенбаем, водителем черной «Волги». Маман пожал водителю руку и сказал:

— Спасибо, друг, быстро меня довез. А теперь можешь возвращаться обратно.

— Подожди, бача,— Усенбай захлопнул дверцу машины.— Я хочу поглядеть на ваш товарищеский суд. Такое представление у нас в Мургабе не часто бывает...

Я вошел в клуб последним. Зал был переполнен. С тех пор как я сюда приехал, много раз было кино, прошло общее собрание колхозников, но столько народу собралось впервые.

Провожаемый любопытными взглядами, подошел я к первому ряду, и мне уступил место один из моих учеников.

— Акун, иди сюда,— крикнул со сцены Маман.

В президиуме кроме депутата сидели еще двое — завуч и директор.

Скрипнув зубами, я поднялся на сцену и сел на стул, поставленный специально для меня. Депутат позвонил в колокольчик, успокаивая народ. Дождавшись тишины, Маман налил в стакан воды из графина, сделал глоток.

— Товарищи! — обратился он к залу. — Как вам известно, давно у нас не было товарищеского суда. Но в этом, товарищи, не моя вина. Для того чтобы состоялся суд, нужен материал, а к нам никто не обращался с жалобой... — Маман прервал свою речь, отпил воды из стакана. Я посмотрел в окно. На безлюдной площади черный як Мамана лизал фары черной «Волги».

— Теперь у нас есть материал под руками, — продолжал свою мысль депутат. — Сегодня мы рассмотрим дело учителя Маткалыкова Акуна. — Маман бросил взгляд в мою сторону. Из зала уставились на меня, подняли шум. — Тихо! — Маман поднял колокольчик. — Теперь, товарищи, объявляю открытым наш товарищеский суд! — И Маман первым захлопал в ладоши. Зал поддержал его. Депутат сел, еще раз глотнул воды, пошептался сначала с завучем, потом с директором. — А теперь, Маткалыков, встаньте! — приказал он.

— А можно сидя? — спросил я.

— Нет, — сказал Маман, — это будет нарушением. — Я встал. В зале стало очень тихо.

— Подождите, — вдруг раздался слабый голос.

В третьем ряду стояла Карачач. Наверно, она долго плакала — глаза опухли от слез. А может, от побоев охотника.

— Паиз! — крикнула она, обращаясь к задним рядам.— Что же ты молчишь? Паиз!

Весь зал смотрел на дочь Толубая.

— Эй, девушка! — крикнул директор.— А ну садись на свое место, не нарушай порядок! Мы здесь собрались тебя защищать, а ты...

— Ташмат-аке, повремените,— остановил директора депутат.— Карачач, скажи, при чем тут мой племянник?

— Маман-аке...— проговорила девушка со слезами в голосе.— Акун-агай ни в чем не виноват...

Слава аллаху, подумал я. Зал зашумел, заскрипели стулья. Откровенно говоря, я был уверен, что исход дела будет именно такой. Депутат, перекрывая шум, крикнул Карачач:

— Кто же тогда виноват?

Вместо того чтобы держать ответ перед Маманом, она снова повернулась к задним рядам. В зале при- тихли.

— Паиз! — все услышали ее голосок.— Говори! Ведь ты обещал...

Паиз поднялся и, опустив голову, пошел к выходу. Никто ему не препятствовал, все смотрели вслед.

— Он?! — выкрикнул охотник. Девушка залилась слезами, опустила на свое место.— Отвечай, чтоб ты сдохла! Паиз? — Карачач несколько раз утвердительно кивнула головой.

Что тут началось! Одновременно заговорили, загалдели все разом. Раздался смех, кто-то засвистел. Обо мне забыли. Хохот в зале все усиливался. Я посмотрел на Мамана, и он отвел глаза. Таким расстроенным я его еще не видел. Наконец депутат поднял свой колоколец и принялся успокаивать зал. Долго ему пришлось стараться.

— Товарищи, наш товарищеский суд объявляю закрытым,— объявил он.— Все, кроме учителей, свободны. Толубай-аке, вы тоже останьтесь с дочерью.

Со смехом, с шутками выходил народ из клуба. Учителя выжидающе смотрели на депутата.

— Паиз единственный сын моей сестры,— тихо начал он.— Я очень хотел, чтобы он учился... Не вышло. Теперь я его заберу отсюда. Сам буду учить уму-разуму. Толубай аке! Ничего не поделаешь... Ваша дочь и мой племянник поступили неразумно. Слишком они молоды. Но раз так получилось, пусть ребенок скрепит их семью. Если вы согласны, я сегодня же увезу их с собой. Что вы на это скажете?

— Без свадьбы, что ли? — тихо спросил охотник.

— Свадьбу, даст аллах, сыграем весной,— ответил Маман.— Сейчас зима, работы по горло. Не могу я сейчас справить свадьбу, да и народу некогда веселиться. Может, даже к лучшему, как раз не хватало чабанов на одну отару, пусть поработают. Карачач! Послушай меня, сестрица, найди Паиза, приведи его сюда побыстрей. Пусть не боится, скажи, бить не буду. Акун,— обратился наконец Маман ко мне.— Бача, извини нас, мы напрасно подозревали тебя. Дядя Ташмат, надо бы по волоску выщипать вам бороду, но, к сожалению, возраст ваш не позволяет...

— Э-э, да он же...— пробормотал директор, указывая на охотника.

— Не ври! — крикнул старик.— Я сначала его не подозревал. А только решил с тобой посоветоваться. Ты и надоумил...

— Хватит, дело прошлое, спорить не стоит,— прервал его Маман, поднимаясь с места.— Ну, все! Пора...

Мы вышли из клуба. Народ еще не весь разошелся. Чего они ждали? Черная «Волга» уже уехала. Маман подошел к яку, подтянул подпругу, смахнул ладонью пыль с седла.

В это время тихо подошли, держась за руки, Паиз и Карачач. Вид у них был крайне смущенный. Все вокруг оживились.

— Молодец, Паиз,— похвалил его кто-то из колхозников.

— Ты, бача, можешь гордиться,— добавил Садык.— Эх, был бы я на твоём месте!

Мрачно смотрел на своего племянника депутат.

— Ну, подойди,— проговорил Маман голосом, не предвещающим ничего хорошего.— Я-то думал, я-то думал... А ты... На, держи! — Он бросил Паизу поводья. Парень втянул голову в плечи, опасаясь удара, но Маман повернулся к Карачач.— Садись, сестрица...

Депутат помог девушке сесть в седло.

— Надо бы взять мои платья,— нерешительно произнесла Карачач.

— Не беспокойся. Толубай-аке пришлет тебе твои тряпки. Паиз! Что стоишь? Веди!

И Паиз повел яка в поводу. Отошли они шагов на десять, и Маман сказал негромко:

— Эх, охотник, охотник, единственную дочь просмотрел...

— Ты, Маман, говори, да не заговаривайся,— обиделся старик.— Не только она виновата...

Все на площади с любопытством ждали, что он еще скажет. И старик обратился к народу:

— Пожелаем, братья, счастья молодым. Дай им аллах никогда не разлучаться. Аминь!

— Аминь! — подхватили люди, одни — от всей души, другие — посмеиваясь.

Маман протянул мне руку.

— До свидания, Акун. Да, чуть не забыл, твое письмо я в почтовый ящик в районе опустил...

— Какое письмо? — удивился я.

— Да то письмо, что ты передал через Паиза.

— А-а...

Машина шла по узкой и длинной долине, покрытой удивительно белым и чистым январским снегом. Белая дорога, белая долина, белые горы... Шофер — тот самый Шарип, который привез меня в кишлак, переключил скорость. Мотор взвыл надсадно.

Вдруг послышался свист, дружный крик ребят, сидевших в кузове.

— Архары! — сказал Шарип. — Эх, ружьишко бы...

Я тоже увидел их. Стадо голов в пятьдесят медленно поднималось вверх по крутому заснеженному склону.

— Агай, можно кое-что спросить у вас? — произнес Шарип, не отрывая глаз от дороги.

— Почему же нет, можно, конечно.

— Во Фрунзе у вас есть любимая девушка?

— Есть, — ответил я.

— Красивая?

— Очень.

— Красивее вот этой? — он показал на фотографию, приклеенную к дверце кабины.

Только теперь я заметил, что вся кабина старого грузовика была облеплена портретами улыбающихся красавиц. Все они были вырезаны из журналов.

Я улыбнулся и ответил Шарипу:

— Нет, моя девушка красивее. Она красивее их всех вместе взятых.

— Эх, — Шарип тяжело вздохнул. — Какой вы счастливый!

Немного помолчав, он снова обратился ко мне:

— Кстати, вы вот эту девушку не знаете? — Он снова указал на тот же снимок. — Во Фрунзе живет.

— Ее? — Я сделал вид, будто припоминаю. — Да-да... Кажется... Погоди-ка... Нет, не встречал.

— В институте учится. В мединституте. Хорошо учится. На круглые пятерки. Активистка, участвует в трех кружках.

— А ты сам откуда это знаешь? Вычитал, что ли?

— Нет. Здесь только ее фотография. А все остальное она сама пишет.

— Как? Ты разве с ней переписываешься?

— Да. Она очень хорошая девушка.

— Мм... А с этими? Может, с ними со всеми переписываешься?

— Писал. Но они не ответили. А эта ответила. Хорошая девушка.

— Как ее зовут?

— Айгюль, хорошее имя, верно? Говорит, закончу институт, приеду на ваш Памир работать врачом. А я говорю, чтоб не приезжала.

— Почему же?

— А что ей здесь делать? Что тут хорошего? Горы? Так это скоро надоест. Я бы по своей воле никогда из города не уехал. Тем более из Фрунзе.

— Что тебе там понравилось?

— Все. Все там хорошо. Как будто не знаете... Там совсем другая жизнь.

— А ты когда-нибудь бывал в городе?

— Нет.

— Почему не съездишь?

— Поеду. Совсем уеду. Да и Айгюль приглашает. Но есть одно... одно препятствие... сестра не отпускает. Кто-то из ребят забарабанил по крыше кабины. Шарип остановил машину, распахнул дверцу и крикнул:

— Что случилось?

К нам подошел ученик шестого класса.

— Агай, я остаюсь здесь,— сказал он.

— Что, разве доехал? — спросил я.

Мальчик кивнул. Я осмотрелся — никакого жилья вокруг.

— А где ваши юрты? Здесь ничего не видно.

— Их зимовье вон за той ложбиной,— ответил за ученика Шарип.— Во-он, где пасутся яки, видите? Всего две юрты.

— Тогда счастливо оставаться,— сказал я мальчику.— Запомни, двенадцатого января я приеду за тобой, будь готов.

— Двенадцатого числа ты поджидай нас вот на этом самом месте,— уточнил Шарип.

Мальчик повернулся и направился туда, где паслись яки. На его спине крупными буквами было написано мелом «Дурак». Мы с Шарипом засмеялись.

Машина снова двинулась с места.

Чем дальше мы ехали, тем глубже был снег. Дорога становилась круче, машина буксовала. Мы все, исключая Шарипа, подталкивали ее, бросали под колеса камни, песок, траву — все, что попадалось под руку. Все устали, измучились. Но вот дорога пошла под уклон, и ребята полезли в кузов.

— А ты почему не залезаешь? — спросил я Садыка, который не спешил занять свое место.

— Я почти что дома,— сказал он и повел рукой направо.

Посмотрев в ту сторону, я увидел вдали две юрты. Между ними на привязи стояла лошадь, бродили три-четыре овцы.

— А, тогда иди...

Я стряхнул снег с сапог, залез в кабину.

— Агай, пойдете к нам, чаю попьете,— пригласил Садык.

— Спасибо, в другой раз,— ответил я.

Машина тронулась. Садык помахал рукой ребятам, направился к зимовью по глубокому снегу. Потом я увидел в окно, как из юрты вышла женщина и двинулась навстречу мальчику. Трудно было идти по глубокому снегу, а она еще бежать пыталась. Падала, выкарабкивалась...

— Мать,— пояснил Шарип.

Так я и подумал. Мы отдалялись все дальше и дальше, постепенно фигуры мальчика и его матери уменьшались,

и теперь, издалека, казалось, что на белом поле медленно подкатываются друг к другу два черных шара. Но вот они встретились и превратились в один шар, который вскоре исчез за поворотом дороги...

К вечеру мы очутились в очередной ложбине. Из-за гор медленно поднималась багровая луна.

Дорога совсем утонула в снегу. Машина едва тащилась. А потом и вовсе застряла в глубокой колее. Шарип злился, поддавал газу, ругался — ничего не помогало. Наконец он вылез из кабины, обошел вокруг грузовика.

— Агай, машина дальше не пойдет, — сказал он.

— Что же будем делать?

— Пойдем пешком. До зимовья Койчумана отсюда три-четыре километра.

Я тоже выбрался из кабины, подошел к заднему борту. В кузове только один Койчуман и остался.

— Эй, Койчуман Абсаматов!

Мальчик не откликнулся.

Шарип заглушил мотор, полез в кузов.

— Эй, ты жив?! — крикнул он.

— А-а, — отозвался Койчуман.

— Вылазь! Пешком вернее будет.

— Ну как, не замерз? — спросил я мальчика.

— Нет, агай. Я в сено зарылся.

Шарип вынул из кабины старое ватное одеяло, закутал двигатель.

По-прежнему светила луна, поблескивал снег. Мы долго шли молча. Койчуман вдруг крикнул:

— Смотрите, волк!

Я поднял голову. Неподалеку от нас по мягкому снегу шел не спеша зверь.

— Это не волк, дурачок, а лиса, — сказал Шарип и свистнул громко.

Однако лиса не испугалась, прошла еще немного так же неспешно, потом остановилась и долго глядела на нас.

Первыми в зимовье встретили нас собаки. Люди еще не спали. Клубы дыма поднимались над юртами. В загоне мы увидели множество овец и яков.

— Которая ваша юрта? — спросил я у Койчумана.

— Вот эта, с краю, — ответил за него Шарип.

— Нет, — поправил мальчик. — Нашей юрты не видно. А была здесь...

Койчуман показал на неровное пятно, черневшее на снегу.

В это время из крайней юрты вышел человек в лисьем малахае.

— Кто вы будете? — крикнул он неожиданно тонким голосом.

— Не узнал, что ли... — проворчал Шарип. И начал мне объяснять: — Его зовут Берди, работает завфермой, мой зять.

— Э-э, да не Акун ли здесь? — завфермой узнал меня. — Каким ветром занесло в наши края?!

— Да вот ребят развозим, — сказал я, протягивая ему руку. — Каникулы.

— Мороз ведь, лучше сидел бы дома, — пожалел меня Берди, — ребята бы сами добрались... А, это ты, Койчуман? Я вчера отправил твоих в Бель. Так что они перекочевали. Окот начался, народу там не хватает. Конечно, тебе туда не добраться: машина туда не ходит, лошадей не хватает. Ничего, у меня погостишь... Ну что же, прошу в юрту.

Я заметил, что Койчуман сразу сник, потрепал его по плечу. Завфермой быстро подошел к своему жилищу, приподнял полог входа.

— Ну, агай, проходите.

Нагнувшись, я переступил через порог. В юрте пожилая женщина в спешке расстилала для нас одеяла.

— Не уставать вам, — поздоровался я.

— Будьте живы, — ответила она, прижав руки к груди и улыбаясь. — Проходите на тёр.

Я посмотрел на свои сапоги.

— Ничего, проходите,— поняла меня женщина.

Я прошел на тёр, уселся, скрестив ноги. Рядом прилег на мягких одеялах Шарип. Последним вошел Койчуман.

— Не уставать вам,— поздоровался он, как взрослый.

— Будь жив, родненький,— женщина поцеловала мальчика в лоб.— Проходи поближе к дядям.

Я оглядел жилище. Оно ничем не отличалось от других памирских юрт: посередине железная печка, труба выходит в тундук — отверстие для дыма наверху; в западном углу — большой сундук, покрытый узорчатой тканью, на сундуке полно всякой посуды, чайники, пиалы; транзистор, будильник, керосиновая лампа с высоким чистым стеклом; слева от входа за изгородью лежали и стояли с десятков новорожденных ягнят.

— Ну, Шарип, исполнил ты мою просьбу? — обратился хозяин к водителю.

— Узнавал,— ответил Шарип.— Пока еще нет в продаже.

— Ага, значит, нет,— почему-то обрадовался завфермой.

— Но желающих очень много: бухгалтер из Кара-Куля, завмаг из колхоза «Мургаб», чайханщик... Это еще не все... А начальство говорит, в первую очередь будут предлагать передовым чабанам, матерям-героиням, депутатам, а если что останется, тогда уж...

— Агай, вы понимаете, о чем мы толкуем? — спросил хозяин.

Откуда мне было знать.

— А дело вот в чем,— пояснил он.— Нашему району дали пять мотоциклов «Урал». Мне нужен один. А как вы уже слышали, пока еще никому не продают. Вот и ломаю голову... В нашем колхозе есть чабан по имени Осмон. Его жена в этом году рождает десятого ребенка, мать-героиня. Вот и хочу воспользоваться ее правами. Понятно, агай?

Я кивнул.

Вернулась жена завфермой, ходившая за кизяком.
— Вас зовет дядя Калык,— сообщила она мужу.

— Байбиче¹, приготовь детишкам Осмона сладостей, чаю, завтра хочу проведать их,— предупредил Берди жену, не обратив внимания на ее слова.

— О аллах, да ты только вчера вернулся от них! — недовольно бросила она.

— Ну и что? — возразил муж.— Она вот-вот должна родить, так что надо быть наготове. Верно говорю, агай? Я промолчал.

Я вышел из юрты и зажмурился — так сильно сверкал снег под утренним солнцем. Зимовье уже проснулось, блеяли овцы, лаяли собаки. Завфермой Берди седлал своего коня. Вдруг он закричал:

— Э-э-эй, Койчуман! Назад! Смотрите, агай,— обратился он ко мне,— мальчишка до своих решил добраться.

Койчуман шел по узкой тропинке, проложенной в глубоком снегу. Был он уже довольно далеко.

— Вот ведь какой упрямый... Еще бы, весь в отца. Э-э-эй, вернись! — еще раз крикнул завфермой.— Все равно сегодня не доберешься до Бея!

Койчуман, словно и не слышал ничего, не оборачивался. Я же вдруг понял, что мой долг — не оставлять мальчика одного.

— Может быть, дадите своего коня? — обратился я к хозяину.— Я найду способ вернуть его вам.

Завфермой, казалось, был несколько удивлен.

— Дал бы с удовольствием,— горячо заговорил он.— Но я должен поехать к той многоде... той женщине, помните, я вчера говорил... Да и всяких других работ много, сами понимаете, время окота... А без коня и шагу не ступишь...

¹ Байбиче — жена, женщина, старшая в семье.

Я пошел догонять Койчумана. Ничего другого мне не оставалось.

Целый день были мы с мальчиком в пути. Светило солнце, холода мы не ощущали. Не спеша идти по тропинке было даже приятно. Но в середине дня небо нахмурилось, поднялся ветер. Ближе к вечеру облака спустились с гор, в густом тумане мы потеряли тропинку. Страшно мне стало. Слава аллаху, Койчуман оказался настоящим памирцем. Он устал, проголодался, но я чувствовал, что он не боится, не было в нем страха, который я испытывал, страха от мысли, что мы можем совсем заблудиться в этот недобрый час, в таком безлюдном месте.

Мы то поднимались по склону, то опускались. Койчуман все время шел впереди.

— Ты вообще понимаешь, куда мы идем? Ориентируешься хоть? — спросил я его наконец.

— По-моему, идем правильно, агай, — тихо ответил мальчуган.

— Откуда ты знаешь, что мы правильно идем? Ведь за десять метров верблюда не увидишь?

Так и было.

— Агай, юрта! — неожиданно зазвенел голос мальчика.

В двух шагах от нас действительно стояла юрта! И сразу отлегло от сердца. Я отыскал вход, заглянул внутрь. Людей не увидел. За изгородкой стояли и лежали ягнята. Я вопросительно посмотрел на Койчумана.

— Где-то рядом должны быть еще юрты, — сказал он. Озираясь, мы пошли дальше.

— Уж очень здесь тихо, — пробормотал я.

— Кто там? — тут же донесся из тумана женский голос.

К нам подошла высокая женщина, закутанная так, что лица ее не было видно. Почему-то она тащила за собой длинный аркан.

— Я учитель. А это — мой ученик. Мы идем на Бель,— сообщил я.

— До Беля сегодня не доберетесь,— сказала женщина.— Идемте за мной.

— Здесь только одна юрта, что ли? — спросил я.

— Почему же одна? Десять их,— ответила женщина. Она все так же волокла за собой аркан.

Через некоторое время мы наткнулись на юрту. Женщина подняла полог, и через ее плечо я увидел двух маленьких девочек, сидевших на тёре.

— Тетя Патма, когда мама придет? — спросила одна из них плачущим голосом.

— Скоро,— коротко ответила женщина и опустила полог.

Мы отправились дальше. В другой юрте семилетняя девочка качала колыбель.

— Еще не спит? — спросила Патма.

Девочка покачала головой.

— Где же их родители? — спросил я у женщины.

— Овец ищут,— ответила она, ведя нас дальше.— Сегодня ночью разбрелись все наши овцы.

На этот раз она не сразу нашла нужную юрту. Остановилась, к чему-то прислушалась, потом окликнула:

— Берди? Берди!

Из тумана донесся детский голос:

— А-а?

— Сиди дома, не выходи! — приказала она.

— Тетя Патма, а можно растопить печку?

— Не смей! Дров нет,— ответила женщина.

Еще что-то сказал мальчик, но она уже не слушала его. Патма стала сматывать в клубок свой аркан. Койчуман все понял, схватившись за волосяную веревку, побежал впереди женщины и исчез в тумане.

Веревка была очень длинная, мы прошли метров двести. Конец был привязан к порогу юрты. Патма, приподняв полог, промолвила:

— Ну проходите.

Я повиновался. Койчуман уже сидел у печки. В углу стояли рядышком две колыбели.

— Проходите на тёр,— пригласила она меня, потом обратилась к Койчуману:— Ты тоже проходи. Не липни к печке, все равно холодная. Со вчерашнего дня не топлена. По всему зимовью и хворостинки не найдешь.

Все же, отбросив в сторону свой волосяной аркан, она открыла заслонку. В печке был давно заготовленный курай, а под ним скомканная бумага.

Прежде чем разжечь, она бросила взгляд на меня, посмотрела на Койчумана. Мы оба дрожали от холода.

Патма тяжело вздохнула, вынула из кармана спички, разожгла огонь. Только теперь я увидел ясно ее увядшее лицо, усталые черные глаза, резкие морщины на лбу. На вид ей было лет шестьдесят.

Меня разбудил лай собаки. В юрте немного потеплело, светила керосиновая лампа. Койчуман спал. Младенцы в колыбели — тоже. И еще я заметил, что аркан, свернутый в клубок, уменьшается в глазах, волосяная веревка уползала из юрты, словно змея.

Я вышел, опустил за собой полог. Темно было. И в этой темноте шел снег.

Постояв немного, взялся я за аркан, и через некоторое время он привел меня к тете Патме. Как только подошел к ней, послышался звон колокольчиков, бляение овец, голоса людей, к нам приближался колеблющийся свет нескольких факелов. В этом неверном свете мимо нас заскользил широкий поток овец. Время от времени раздавались восклицания чабанов: «кош, кош», «тос, тос».

— Погрейтесь в нашей юрте! — крикнула чабанам тетя Патма.

Два факела остались освещать отару. Когда я, порядком озябший, вошел в юрту, там было полно народу.

Места я себе не нашел, так и остался у порога. Меня никто не заметил. Все молчали, сидели понуро — и старики и молодые. Но вот, присмотревшись, я с удивлением стал узнавать знакомые лица: депутат, Паиз, Карачач! Бедные... Все трое вроде похудели. Или мне так показалось.

— Ой, гость-то остался на пороге! — вспомнила обо мне тетя Патма. — А ну, потеснитесь!

— Акун! — крикнул депутат.

— Агай, проходите на тёр, — пригласил Паиз и встал.

Чабаны подвинулись, пропустили меня, и я сел рядом с депутатом.

— Куда путь держишь? — спросил Маман. — Как ты оказался в этих местах?!

— Ребят развожу по домам, каникулы, — ответил я и покосился на спящего Койчумана.

— А-а, сын старика Абсамата. Хороший парень, — дал характеристику депутат.

— Его родители сейчас на Беле, — прибавил Паиз. — А туда не попадете, агай.

— Почему же?

— Перевал сейчас закрыт. Снегу намело.

— Ты, Акун, приехал очень кстати. Мама! — депутат обратился к тете Патме. — Давай скорее приготовь что-нибудь. Отец! — Отцом Мамана оказался седобородый аксакал, перебиравший четки. — Этот джигит приехал из Фрунзе. Учитель, я его привез сюда.

Старик тяжело наклонил голову.

Депутат вынул из ножен большой нож, начал водить лезвием по оселку.

— Ну, рассказывай, как ты живешь? — спросил он меня.

— Спасибо, хорошо. — Я чувствовал себя неловко. Депутат выбрал именно меня в собеседники, не обращая внимания на аксакалов.

— Никто не обижает? Если только кто посмеет, скажи мне, я им покажу!..

Тут люди стали подниматься, по одному выходить из юрты.

— Э-э-э! Куда это? Я собираюсь барана зарезать, а вы что? Прошу остаться.

— Извини, Маман, мы еще не знаем, что у нас делается,— промолвил один из чабанов.— Дети одни остались, что с ними там...

— Тогда приглашу, когда сварится мясо,— согласился депутат.

— Счастливо оставаться, агай,— сказал Паиз.— Спокойного вам сна. Утром ждем у нас.

— Приходите, агай, мы будем ждать,— прибавила Карачач.

— А вы почему прощаетесь? — спросил Маман.— Может, и у вас дети плачут? Оставайтесь, будете помогать. Слышишь, вставай, хватит сидеть,— обратился он к жене, которая кормила ребенка.— Паиз, пойдём со мной.

Женщины приступили к работе: тетя Патма подбрасывала в печь дрова, жена Мамана месила тесто, Карачач с двумя ведрами вышла из юрты. Без дела остались только я и старик, все еще перебиривший четки. Но, приглядевшись, я заметил, что он дремлет.

Карачач принесла оба ведра, набитые снегом. Стала перекладывать белый снег в черный закопченный казан...

— Эй... Эй...

Открыв глаза, я увидел Мамана.

— Что случилось? — Я ничего не понимал спросонок.

— Тсс,— он приставил палец к губам,— говори тихонько, а то разбудишь старика.— Слева от меня спал Койчуман. Справа сидела, обняв колыбель, жена Мамана.

— Что случилось? — спросил я уже тише.

— Выпьем немного,— сказал Маман.

— Нашел время.— Я снова прилег.

Однако Маман ухватил меня за плечо, заставил принять сидячее положение.

— Ты гость, хочу посидеть с тобой.

— Завтра.

— Нельзя. Старик не разрешит пить. Куда спрята-
ла? — обратился Маман к жене.

Женщина только поднялась, заплакал ребенок.

— Достаньте сами,— сказала она мужу.

— Где?

— В шерсти.

Маман осторожно встал, перешагнул через отца, вынул бутылку из мешка с шерстью.

— Это у меня на всякий случай, для гостей.

Сам расстелил дастархан перед печкой, нарезал мясо. Налил водки в две пиалы, одну предложил мне.

— Ну, дай аллах здоровья.

— Почему так много?

— Ничего. Поехали.

Я отпил глоток. Дыхание у меня перехватило.

— Как она? Жар не спал еще? — спросил депутат у жены.

— Вроде поменьше,— ответила женщина.

— Закутай потеплее, может, до утра выздоровеет...
Теперь ты посиди, бача,— сказал он мне.— Пойду прове-
даю овец, сейчас вернусь.

Он взял фонарь, висевший у входа, и вышел из юрты. Ждал я его, ждал, а Мамана все нет и нет. Спать не хотелось. Я оделся, двинулся к выходу, стараясь не шуметь. Только перешагнул через порог, наткнулся на прижавшихся друг к другу овец. Неподалеку маячил фонарь Мамана. Я пробрался к нему, то и дело натыкаясь на овец. Маман принял на руки только что появившегося на свет ягненка, начал вытирать его тряпкой. Я долго стоял, не решаясь заговорить.

— Слушай, Маман,— наконец сказал я.— Ведь заму-
чились все вы тут, в горах. Неужели нельзя жить как-то
по-другому?

До Мамана не сразу дошел смысл этих слов.

— Жить по-другому? Зачем?

— Ну... Ведь переселяют отдаленные высокогорные
кишлаки вниз... Вели бы оседлую жизнь.

— Не понимаю я тебя,— сказал Маман.— Разве мы
так уж высоко забрались? По-твоему, мы здесь плохо
живем?

— А ты думаешь, хорошо? Даже зимой в юрте...

— Значит, юрта тебе не нравится? Хэ...— Депутат
подложил ягненка к овце и выпрямился.— Чудак ты...—
Он как-то снисходительно улыбнулся.

— Ну, скажи,— начал я снова.— Что все-таки держит
вас здесь?

Маман пожал плечами.

— Не знаю... Мы здесь родились. Почему должны
оставить эти места?..

Я сник, ничего не мог возразить.

Через некоторое время Маман взял ягненка на руки.

— Пойдем в юрту,— сказал он.

Я последовал за ним.

Мы с Койчуманом так и не попали на Бель. Наутро
Маман усадил нас на верблюда и отправил назад.

В кишлак мы приехали вечером. Я проводил Койчу-
мана до интерната и пошел домой.

Там ожидали меня новости: дверь была приоткрыта,
в комнате горел свет, печь докрасна натоплена, вовсю
кипел чайник. Я протер глаза рукой. Поселили у меня
кого-нибудь, что ли?

Вошел завуч.

— Удивляетесь? — спросил, улыбаясь, Мамыт-аке.

— Угадали,— признался я.

— К вам сегодня приехала девушка из Фрунзе.

— Айша! — крикнул я. — Где она?

— Пошла в магазин...

Я выскочил из дома. Мы столкнулись с ней на площадке, где обычно играли в ордо. Я обнял ее, закружил.

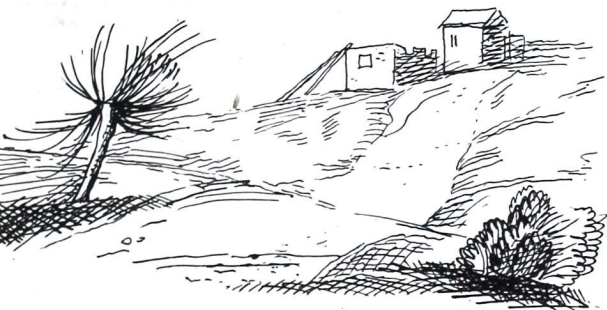
— Да подожди ты, — услышал я ее голос, — все рассыплется!

И вправду, все ее покупки посыпались в снег.

— Луна моя, — сказал я ей. Мы поцеловались и стали собирать печенье, конфеты, консервы, чай. Я ни о чем не спрашивал. Как ей удалось приехать, неужели отец отпустил? Что она здесь будет делать, ведь ей учиться надо. Пока я просто радовался.

— Ой, как неловко вон перед теми людьми, — засмущалась вдруг Айша.

Рядом с освещенным окном магазина стояли директор, продавец и охотник. Они молча смотрели на нас. И специально для них я еще раз поцеловал Айшу.

1

Кишлак наш называется Беш-Кемпир. В нем живут киргизы: ной-гауты, кизил-аяки, бостоны и сасык-букинцы. Эти киргизы — представители древних киргизских родов, образовавшихся в давней давности. Поэтому наш кишлак как бы разделен на четыре микрокишлака. Но приезжий не заметит границ между ними.

Приезжий прежде всего увидит высокие могучие горы и цветущую долину, утопающую в персиковых и урюковых садах. Буйство красок поразит его взор: лиловые, синие и коричневые хребты гор покрыты густыми лесами, на склонах гор пестреют цветы и цветут душистые травы, на вершинах гор сияют ледяные глыбы. У подножья тянутся табачные поля и плантации фруктовых деревьев с побеленными известью стволами. В ущельях пенятся

бешеные горные реки, высоко над ущельями в звонко-си-нем небе парят зоркоглазые орлы. И это богатство — и могучие горы, и терпкое дыхание ветра, и благоухание цветущих садов, и медленные табуны облаков в небе — для всех киргизов одно.

Кишлак Беш-Кемпир расположен уединенно. Белые дома его разбросаны на холмах и в низине. Между домами бегут узкие тропинки и журчат прохладные арыки.

Радио и телеграф провели к нам в кишлак три года назад — из колхозного центра. Колхозного центра отсюда не видно, но его распоряжения, а также слова из Фрунзе и Москвы доходят до нас по этим проводам.

Недавно до Беш-Кемпира донесся слух: «Беш-Кемпир будут переселять в другое место». Почему будут переселять? А потому, что рядом началось строительство большого водохранилища. По проекту воды его будут колыхаться над Беш-Кемпиром. Кишлак останется на дне будущего озера. Странно представить себе родной кишлак на дне озера... Но мало ли поразительных вещей уже повидали на своем веку киргизы? Их не удивляет ни голос далекого человека в телефонной трубке, ни тающий рокот самолета в небе, ни волшебные лекарства в стеклянных ампулах, от которых перестают гноиться раны табунщиков и выздоравливает скот. Да мало ли о чем еще можно вспомнить?

И все же родной дом на дне озера... Сначала бешкемпирцы не очень верили этому слуху, но грохот начавшихся работ на трассе водохранилища подтверждал его.

Как никогда красив в эти майские дни Беш-Кемпир: долина и холмы покрыты молодой душистой травой, с гор дует свежий ветер, цветут сады и домики поселка прячутся в бело-красном тумане урюковых и персиковых цветов. Да, хорош Беш-Кемпир в майские дни.

Немолодая учительница с озабоченным лицом стоит у черной доски и смотрит на класс. На доске мелом написано: «5-е мая 1970 г. Сочинение учеников 10-го класса «Б» по киргизскому языку и литературе. Тема: «Наш кишлак».

В классе царит тишина. Все ученики склонились над своими тетрадями. За окнами класса — горы. Знакомый, привычный и всегда волнующий пейзаж.

Учительница мягко, с любовью смотрит на учеников. Этим ученикам она знает с детства, знает все их достоинства и недостатки, все их радости и огорчения. Жизнь учительницы так сложилась, что у нее никого нет, кроме них. Поэтому она вглядывается в детей с болезненным вниманием, почти по-матерински. Поэтому постигла она их характеры, предвидит будущие судьбы, их победы и поражения.

Вот на последней парте сидят Малике и Аваз. Что представляют из себя этот парень и девушка? У Аваза — доброе лицо, жесткие темные волосы и грустные глаза. Он несколько медлителен, но если решает что-то, то решает уже навсегда. И она знает, что он очень раним, душа у него нежная... А Малике красива, совсем уже девушка. Смуглые щеки ее покрыты золотым пушком, взгляд светло-карих глаз своенравен, движения легкие и женственные. Такие девушки очень нравятся парням, быстро завоевывают их сердца. Пока Малике лишь смутно догадывается о своей силе, но во всех ее повадках, в смехе, во взглядах уже проступает женская привлекательность. Судьба таких девушек бывает или очень счастливой, или драматичной. Интересно, как сложится жизнь Малике?

Учительница видит — Малике наклоняется и заглядывает Авазу в тетрадь. Опять она списывает у него.

Учительница быстро проходит между рядами парт и останавливается у последней парты. Она берет сочинение Аваза.

— Хорошо, Аваз,— говорит она, возвращая ему тетрадь.— Ты хорошо написал. Продолжай...

Она берет сочинение Малике.

Аваз задумчиво смотрит в окно. Пахучая ветка акации протянулась к открытому окну. Пчелы с ровным гудением перелетают с цветка на цветок. Почему ветка цветущей акации заставляет его думать о Малике? О ее карих глазах, о гибких движениях, о легком смехе. Странно...

— Малике! — строго говорит учительница.— Почему твое сочинение так похоже на сочинение Аваза?

Малике быстро взглядывает на Аваза.

— Не знаю, эджеке,— смущенно отвечает Аваз за Малике.— Похоже? Мы живем в одном кишлаке. Наверное, поэтому...

Авазу хочется выручить Малике. Но учительница возмущена; надо заставить Малике думать самостоятельно. А Малике привыкла во всем полагаться на Аваза.

— Замолчи, Аваз! У вас даже слова одинаковы: «...дома нашего поселка прячутся в бело-красном тумане урюковых и персиковых садов». Это ты хорошо подметил, Аваз...

Учительница снова поворачивается к Малике.

— А тебе не стыдно, Малике? Что у тебя, нет своей головы? Разве ты не можешь сама рассказать о своем кишлаке?

— Наш кишлак! — с вызовом отвечает Малике.— Подумаешь, наш кишлак! Есть места и поинтереснее...

— Стыдись, Малике! Глупости ты говоришь.

Малике опускает голову, но она вовсе не смущена. В глазах ее не гаснет веселый блеск.

— Возьми,— учительница с огорчением возвращает девушке тетрадь.— Учись думать самостоятельно. Человек должен любить свои родные места...

Старая учительница поворачивается к классу.

— Я прошу вас, серьезно отнеситесь к этой теме. Наш кишлак — это ваша родина. Эта тема должна пробудить у вас много мыслей. Ведь вы родились здесь и здесь проживете всю жизнь...

Учительница возвращается к доске. Она невысокая, сутулая. Авазу вдруг становится жалко ее. Лицо у нее усталое и озабоченное. Кожа под глазами и у рта сухая. Сколько сил она отдала своим ученикам?

Учительница вновь стоит у доски. Да, она немало потратила сил, чтобы привить своим ученикам любовь к родной природе, понимание красоты, понимание благородства души. Некоторые дети отозвались на ее усилия, некоторые — нет. Душа Аваза отозвалась, она чувствует это. А Малике, пожалуй, становится все легкомысленнее. Голова девушки забита собственной привлекательностью, и это не дает ей покоя даже на уроках. Но семья у Малике хорошая, хотя бригадир Конурбай, конечно, избаловал свою младшую дочку. А вот Аваз... Какое грустное лицо у Аваза! Трудно ему будет жить на свете. И отец его — странный человек, из породы чудаков. Чудачества его обсуждает весь Беш-Кемпир.

Учительница засмотрелась в окно на горы, а Малике снова быстро наклонилась к Авазу и заглянула в его тетрадь. Аваз ладонью прикрыл тетрадь.

— Мне не жалко, но тебе же будет хуже. Попадет,— покорно шепнул он.

Малике хихикнула.

— Малике! — сердито прикрикнула учительница.

Малике снова опустила глаза. В уголках ее губ затаилась лукавая усмешка. Лицо у нее скромное, но так и дышит непокорным весельем, жизнью, упрямством. Малике скучно в классе, ее тянет туда, где в цветущих садах шепчется весна.

В это время зазвенел звонок.

— Ну что ж,— сказала учительница.— Остальное

допишите дома. Но каждый должен написать сам. Это очень важно. Вы поняли?

— Поняли! — закричали ученики. Они повскакивали с мест и захлопали крышками парт.— Мы поняли, эджеке!

2

Каменистая дорога резко перерезает поле, заросшее огненными маками. Маки очень красивы, маки — это цветы Киргизии. Глаз привык к их алому цветению, к их влажному пламени в густой траве.

По каменистой дороге мимо этих красивых маков медленно бредут Аваз и Малике. Оба молчаливы и задумчивы, лица их выглядят усталыми.

Они доходят до щита с надписью «ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ», и Аваз, бросив портфель на землю, ложится в тени щита. Малике гибким движением присаживается рядом. Ее черные мелкие косички замирают на круглых плечах.

Они всегда возвращаются из школы вместе. Оба молчат. Закинув руки за голову, Аваз смотрит на небо. Небо синее-синее. Почему он раньше не знал, что в имени Малике есть и синева неба, и движение этих белых облаков, и шелест травы. Не знал, что в ее имени есть радость и грусть. Но он никогда не сумеет сказать ей этого.

— Сегодня утром наша сука оценилась. Принесла четырех щенков,— неожиданно сообщил Аваз.

— Поздравляю,— пошутила Малике.

— Хочешь посмотреть? Приглашаю тебя на джентек¹.

— Дурак! — рассмеялась Малике.

Аваз замолчал.

¹ Д ж е н т е к — угощение, устраиваемое по случаю рождения ребенка.

— Аваз,— нарушила молчание Малике. Черные косички качнулись в такт ее словам.

— Да?

— Хочешь, после школы поедем вместе в город учиться?

Она быстро взглянула на Аваза.

— Я бы поехал, но не могу оставить отца и бабушку.

— Ой, да оставь ты их! Если будешь думать о них, твоя жизнь жалким образом пройдет в Беш-Кемпире,— пухлые губы Малике капризно надулись.

— Ну и пусть пройдет. Мне здесь хорошо.

— Ах, что ты говоришь, Аваз! Мои родители не хотят отпускать меня в город одну. Они говорят, что были бы согласны, если бы со мной рядом был такой парень, как ты. Ты им нравишься...

Малике испытующе взглянула на Аваза. Аваз молчал.

— Если бы ты знал, как мне надоел наш Беш-Кемпир,— тяжело вздохнула Малике.— Здесь, кроме работы, ничего не увидишь. А я хочу увидеть жизнь. Здесь пойдешь на поле — работа, придешь домой — работа. Нет, во что бы то ни стало надо уехать в город учиться. Только учеба избавит нас от нескончаемых работ Беш-Кемпира.

— Вот бы послушала тебя учительница,— насмешливо сказал Аваз.

— И поставила бы мне двойку? — прищурилась Малике.

— Ну, уедешь... А если не поступишь в институт? — спросил Аваз.— Что тогда?

— Тогда? — Малике прикусила нижнюю губу.— Тогда выйду замуж в Беш-Кемпире. За какого-нибудь образованного человека. За служащего. Служащий — это не колхозник...

Косички ее решительно взметнулись.

— А где в нашем Беш-Кемпире такой человек? Только агроном и председатель, а они уже старики...

— Ты прав,— сдалась Малике.— Этот проклятый кишлак не дал ни одного образованного человека.

— А учительница? Она местная.

— Не могу же я выйти замуж за учительницу.— Малике расхохоталась.

— Есть еще внук деда Бороша... Джали.

— Да-а... Действительно, есть один зубной техник. Но где он? Посуди сам, он бросил свой кишлак и уехал скитаться в чужих краях. Ах, зачем я только родилась в этом Беш-Кемпире? — Малике смешно воздела руки к небу.

В это время из-за поворота быстро выехала синяя «Волга».

— Смотри, председатель едет,— сообщил Аваз.

— Ой, и мой папа с ним! — воскликнула Малике и вскочила с земли.

«Волга» остановилась около ребят. Председатель кивком пригласил их садиться в машину. Дверцу открыл отец Малике. Ребята втиснулись в «Волгу», и машина рванулась.

Через некоторое время «Волга» подъехала к строящемуся водохранилищу. Гул висел над строительством. Терзали землю экскаваторы, рычали бульдозеры, лязгали самосвалы. Сотни людей двигались по трассе.

— Бедный наш Сары-Ой,— задумчиво проговорил председатель, глядя на развороченное поле и на столбы пыли, стоящие в жарком воздухе.— Когда-то здесь росли хороший табак...

— Рис тоже давал неплохой урожай,— добавил отец Малике Конурбай.

— Но мы должны видеть дальше своего носа,— продолжал председатель.— Воды нового озера дадут нам в сто раз большие урожаи...

Вдруг председатель всей грудью повернулся к Конурбайю. Председатель был толстый человек с тяжелым лицом и пышными усами.

— Когда же сыграем свадьбу твоей дочери, Конурбай? — шуточно спросил он. — Вон какая красавица!

— Бог даст, осенью, председатель, — ответил Конурбай.

— Па-ап, ну что ты! — кокетливо протянула Малике, словно обижаясь на отца. Конурбай погладил заплетенные змейкой косички дочери.

Аваз отвернулся и покраснел. В это время шофер резко засигналил. Все посмотрели на дорогу. По дороге, сгорбившись, шел какой-то путник и тащил на спине два седла.

— Это не шорник ли Нишан? — спросил председатель.

— Он, — ответил Конурбай.

Шофер снова засигналил. Старик испуганно сошел на обочину дороги. Председатель в знак приветствия важно кивнул ему головой. Шорник тоже поспешил поклонить голову, хотя машина уже проехала.

— Бедный старик, всю жизнь вырезал седла для продажи, так и прошла его жизнь, — произнес Конурбай.

— Когда-то почти весь район только к нему и обращался за седлами, — сказал председатель. — Хороший он мастер. Я сам два раза покупал у него.

— А теперь люди и даром не возьмут седло. Вот уже год как он ни одного седла не продал. Седла нужны для коней, а коней теперь мало...

— И на что только он живет? Скот, может, имеет?

— Есть у него корова. Она и кормит его со старухой.

— Пусть зайдет ко мне, выпиши ему центнер пшеницы, — великодушно сказал председатель.

Малике любовалась в машинном зеркальце своим красивым лицом. Шофер, увидя ее в зеркале, подмигнул. Малике весело показала ему язык.

— Не отвлекайся, пожалуйста, а то еще наедешь на кого-нибудь или врежешься в отару,— хмуро бросил шоферу Аваз.

Конурбай с председателем удивленно переглянулись, а шофер сразу отвел от Малике глаза и снова засигналил. Оказалось, впереди ехал старик на осле с двумя навьюченными колыбелями. Осел быстро свернул с дороги.

— Это Токтор-колыбельщик,— сказал Конурбай.

— Видать, и ему не повезло,— заметил председатель.

— Нет, все же одну колыбель он продал,— сказал шофер.— Утром он вез три. У этого старика пока продвигается торговля... Дети ведь рождаются.

И шофер расхохотался.

— Вези-ка нас скорее к табачным парникам,— сказал председатель, оборвав его смех и взглянув на часы.— У меня мало времени, а мне надо кое-что сообщить людям...

Вскоре «Волга» остановилась перед табачными парниками. Здесь шла привычная работа. Одни колхозники поливали и удобряли землю, выпалывали сорную траву, другие открывали стеклянные рамы парников или плели из прутьев носилки.

Колхозники с любопытством окружили «Волгу».

— Здравствуйте! — приветствовал их председатель, грузно вылезая из машины.

— Здравствуйте! Добро пожаловать,— ответили ему хором.

— Почему так мало людей? — строго спросил председатель Конурбая.

— Остальные ремонтируют навес под табак,— объяснил Конурбай.— Позвать?

— Да, пусть подойдут,— распорядился председатель.— Я должен сделать важное сообщение...

Люди стали подходить к председателю.

— Товарищи, то, о чем я хочу сообщить, для вас не ново,— начал председатель.— Вы знаете, что наш кишлак должен переселяться в другое место. И по какой причине, вам тоже известно. Поэтому передаю вам приказ: через месяц мы должны начать переселяться!

Председатель замолчал в ожидании ответа. Бешкем-пирцы молча переглянулись между собой.

— А куда будем переезжать? — спросил мужчина с лейкой в руке. У мужчины было одутловатое лицо и выпуклые, влажные, лихорадочно горящие глаза. Это был отец Аваза, который во всем районе был известен под прозвищем Туман-ювелир. Туману-ювелиру было шестьдесят три года. Зимой и летом он носил поношенный чапан и не снимал с головы старый войлочный колпак. Из-под чапана развевались широченные штаны. Обут он был всегда в калоши на босу ногу. Но это не от бедности, а просто у Тумана-ювелира были свои причуды, он из породы чудаков. Чужачества его обсуждал весь кишлак. Туман-ювелир любил произносить длинные речи, часто говорил выпренне, сыпал пословицами. Выпуклые и влажные глаза его такие же горячие и грустные, как у Аваза. Аваз любит своего отца, но и немножко стыдится его. Он никогда не знает, как отец поступит в том или ином случае. А поступает отец часто неожиданно и странно.

На вопрос Тумана-ювелира председатель ответил не сразу.

— В Какыр-Сай,— выдавил он наконец.

Народ заволновался.

— В Какыр-Сай?!

— Но ведь там нет воды!

— И вправду, как можно жить без воды? А если бы там и была вода, разве наш кишлак разместится в Какыр-

Саяе? Это же долина, узкая как коровий язык,— раздались недовольные голоса.

— Тихо! — вмешался аксакал кишлака Борош. Он до сих пор сидел молча и плел из прутьев носилки для табака.

Тут же все успокоились.

— Братья,— снова обратился председатель.— Мы должны переезжать в Какыр-Сай...

Но его прервал старик Борош.

— Сынок, ты не шутишь? — строго спросил он.

— Какие тут могут быть шутки, аксакал? Чудной ты человек,— упрекнул его председатель.— Это решение района. Спроси у бригадира Конурбая, он тоже был там.

— Верно говорит председатель,— подтвердил Конурбай.

— Э-эх,— вздохнул Борош.— Если они так решили, сынок, то неправильно поступили. Всем известно, что Какыр-Сай — безводный пустырь. Земля там испокон веков считалась богарной, ничего там не принималось. А мы дехкане не проживем на одном неполивном посеве. К тому же и местность неудобная для строительства поселка. Долина очень узкая, верно говорят люди, мы там не разместимся. Нет, сынок, предложи нам другое место, а лучше всего оставь в родном Беш-Кемпире.

— Правду говорит дедушка Борош,— поддержали все старика.

— Я знал, что вы будете проявлять недовольство,— сказал председатель.— Но вы вначале выслушайте меня внимательно! Какыр-Сай действительно безводная земля. Это всем известно. В районе тоже это знают. Поэтому там заранее приняли меры. Целая партия геологов бьется сейчас в Каракчи-Куле, чтобы направить в Какыр-Сай воду. Вчера я сам был там. Геологи обещают через десять дней пустить в Какыр-Сай столько воды, что она

будет в силах прокрутить не одно мельничье колесо.

Все обрадованно зашумели. Председатель, довольный тем, что убедил бешкемпирцев, деловито посмотрел на часы.

— На земле Какыр-Сай испокон веков ничего не росло,— сказал он.— Но скоро туда придет вода. И мы будем снимать там обильные урожаи. Вот это и есть новая жизнь.

— Что правда, то правда,— согласился старик Бо-рош.— Лишь бы была вода.

— Говорите, что Какыр-Сай узкая долина, и наш поселок не разместится там,— продолжал председатель.— Конечно, если наши дома расползутся, как в Беш-Кемпире,— одни на холмах, другие в низине... Но теперь мы будем жить по-новому, все вместе.

Толпа снова зашумела.

— Как это вместе? — раздались голоса.

— Как живут в городе,— объяснил председатель.— Беш-Кемпир расположится по обе стороны одной улицы. На этой улице мы построим школу, клуб, больницу, магазин. И начнем жить по-новому.

Толпа радостно зашумела. А молодые, в том числе Малике и Аваз, даже несколько раз крикнули «ура!».

— Думаете, это все? — с гордостью выпятив грудь, расхвастался председатель.— В каждом доме у нас будет газ, водопровод, телефон, поставим телевизоры...

— Вот это да! Такая жизнь мне нравится,— громко прервал председателя Туман-ювелир.— Слава твоему отцу, Ташмат! Ты великий человек. Ты настоящий мудрец!

Услышав такую похвалу в свой адрес, председатель слегка смутился. Возможно, в другое время он отругал бы Тумана за явную лесть, но сейчас он был рад, что его слова нашли поддержку.

— Товарищи, не прерывайте, я спешу в обком,— предупредил он.— Я вам должен сообщить еще вот

о чем. Тем, кто переедет в Какыр-Сай, колхоз окажет всяческую помощь. Обеспечит материалом для строительства новых домов. Конечно, бесплатно. Но никого насильно не заставят переезжать в Какыр-Сай. Если кто-нибудь из вас захочет переехать в другое место, колхоз выплатит вам стоимость вашего дома в Беш-Кемпире и проводит вас с почестями.

Народ снова заволновался.

— Всем ясно? — крикнул председатель.

— Ясно, — раздались голоса.

— Тогда я поехал, товарищи, — сказал председатель. — Если чего не обговорили, обговорим потом. Конурбай! — окликнул он бригадира.

— Слушаю, — отозвался бригадир.

— Через неделю собери всех бешкемпирцев в Какыр-Сае и начни распределять участки!

Председатель сел в «Волгу», и машина умчалась. А бешкемпирцы остались на своих местах.

— Нет, что бы мы ни говорили о нашем Ташмате, а такого председателя нигде не найти, — сказал Туман-ювелир. — Я хорошо знаю Ташмата. Мы вместе боролись против басмачей. И в Отечественную войну воевали вместе. Он смелый человек.

— А мы тоже переедем в Какыр-Сай? — робко спросил Аваз, подойдя к отцу.

— Конечно, сынок, — ответил ювелир. — Первый дом в Какыр-Сае поставим мы.

Произнося эти слова, Туман-ювелир почему-то посмотрел на Сайкал-дженге¹. Сайкал-дженге была худая, высокая женщина с темным, изможденным лицом. Ее недавно бросил муж — Ормотой-штукатур. Услышав слова Тумана-ювелира, Сайкал-дженге ядовито и непочтительно усмехнулась.

¹ Д ж е н г е — обращение к жене старшего брата или родственника.

— Эй, Ормотой! — заметив ее усмешку, неожиданно крикнул Туман-ювелир.— Будешь ты штукатурировать мой дом?

Штукатур обернулся. Это был человек маленького роста, со спокойным и добродушным лицом.

— Я тоже на тебя надеюсь,— крикнул ему еще кто-то.

— Ох и повезло же Ормотою, теперь он у нас будет нарасхват,— подхватил третий.

Ормотой довольно усмехнулся.

Ювелир еще раз исподлобья посмотрел на худую, измученную Сайкал-дженге. А у той от гнева еще больше впали щеки, бескровные губы вытянулись в нитку. Все ее внимание было обращено на пышную Зыйнат — новую жену Ормотоя.

Зыйнат, стоявшая в стороне, гордо ответила за Ормотоя:

— Всем он дома оштукатурит. Лишь бы заплатили как надо.

Услышав эти слова, Сайкал-дженге вскинула голову и демонстративно удалилась. Даже ее сутулая спина выражала гнев и презрение.

Туман-ювелир последовал за ней, но Сайкал-дженге со злостью отмахнулась от него.

— Что тебе надо? Оставь меня,— раздраженно сказала она.

Туман только сокрушенно вздохнул в ответ.

3

Туман, бабушка Унсун и Аваз втроем жили на краю кишлака. Дом их стоял в большом старом саду, обнесённом глиняным дувалом.

Дувал в нескольких местах обвалился, и проемы эти давно служили ленивым людям вместо входных ворот. Но были в дувале и другие странные отверстия,

в которые свободно могла влезть голова человека. Историю этих дыр хорошо знали бешкемпирцы. В двадцать седьмом году эти отверстия были пробиты по просьбе Тумана-ювелира красноармейцами. Из них, словно из бойниц, высовывались дула пулеметов, из которых красноармейцы вместе с Туманом-ювелиром строчили по басмачам. Об этом с гордостью рассказывали Туман-ювелир и другие очевидцы.

Сейчас сад цветет нежно-розовым цветом. На ветках персиковых деревьев висят птичьи клетки. В клетках порхают и поют перепелки. Хозяин очень гордится своими певуньями. Их пение разносится по всему Беш-Кемпиру.

Дом ювелира, пристроенный к южной стороне дувала, состоит из двух комнат и небольшой террасы. Над крышей террасы ласточки слепили свои гнезда, а на самой террасе с потолка свисают пахучие гроздья сушеных трав и кукурузных початков, оставленных на семена.

Под корявым урюком около террасы стоит широкий и низкий топчан, застланный выцветшим ковром. На этом топчане часто восседает бабушка Унсун и, обращаясь к урюку, изливает свои жалобы на жизнь.

За дувалом узкая тропинка соединяет Беш-Кемпир с другими кишлаками.

Аваз подошел по тропе к дому и стал свидетелем возмутительной сцены. Из-за дувала один за другим вылетели четыре крошечных щенка и ударились о землю. Аваз замер в недоумении. Потом стремительно пролез через дыру и оказался у террасы. Ноздри его раздувались от гнева. Он с возмущением уставился на бабушку Унсун, которая, вытирая о передник руки, восседала на своем обычном месте на старом топчане.

— Бабушка! Что ты сделала? — крикнул Аваз.

— Будь прокляты эти щенки, — спокойно ответила бабушка Унсун. — И надо же было этой глупой собаке принести четырех сучек за один раз! Кому они нужны?

— И ты из-за этого выкинула живых щенят?

— Да они уже сдохли. А что мне, по-твоему, с ними было делать? Хватит с меня и того, что кормлю суку. Иди лучше пообедай!

Бабушка ушла в дом. Потрясенный Аваз некоторое время стоял неподвижно и только потом, повесив портфель на ветку дерева, хмуро уселся на топчан. Бабушка вынесла ему обед.

— Краску принес? — примирительно спросила она, подсаживаясь к Авазу.

Аваз молча достал из портфеля пакетик.

— Так мало? — удивилась бабушка Унсун.

— А сколько же ты хотела на свой рубль? — не выдержал Аваз.

Старуха развернула пакетик и взглянула на шерстяные нитки, которые сушила на стойках террасы. Из ниток она должна соткать дерюгу. На террасе для этого установлен самодельный ткацкий станок.

— Сегодня, царство ему небесное, приснился мне твой дедушка,— перевела она разговор на другую тему.

— И наверное, он стоял у ворот рая и манил тебя к себе? — съязвил Аваз.— Ха! Слышали мы эти сказки! Миллион раз!

— Вы бы с отцом лучше подумали о моих похоронах,— буркнула старуха, не обращая внимания на насмешки внука.

— Что же, по-твоему, мы должны делать? Все необходимое для своих похорон ты приготовила уже двадцать лет назад,— сердито сказал Аваз.

— Учитесь оплакивать с причитаниями. Отец твой — мне сын, а ты — внук. Кто же меня оплачет? При жизни ничего доброго вы мне не сделали, так хоть на тот свет проводите как следует. Пусть порадуются мои духи. Ты еще не забыл причитания, которым я тебя учила?

— Будь спокойна. Не забыл.

— А ну-ка поплачь!

— А ты сперва умри. Тоже мне нашла дурачка!

— Ну прошу тебя, порадуй свою бабушку.

— А на кино дашь?

— Да.

— Обещаниям не верим. Нас не проведешь,— ухмыльнулся Аваз.

Бабушка Унсун вытащила из кармана пятидесятикопеечную монету, повертела ее в пальцах, не решаясь отдать Авазу.

— Не жадничай,— Аваз выхватил из ее рук монету.— Поплачу на твои пятьдесят копеек. Умирай теперь!

Старуха вытянулась на топчане и закрыла глаза. Аваз соскочил с топчана, подошел к тандыру¹, взял деревянную палку и вернулся к бабушке.

— И когда только тебе не надоест умирать? — сказал он.— Нашла себе забаву.— Потом, опершись на палку, встал у изголовья бабушки и дурашливым голосом завопил:— Ты была заботлива ко мне, моя бабушка! Ты заменила мне маму, моя бабушка... Только зачем ты выкинула щенков, моя бабушка?

Бабушка Унсун, разгневанная, поднялась с топчана.

— Как ты причитаешь? Мне не нравится такое причитание,— возмущенно сказала она.

— Слова ваши, мелодия наша,— пошутил Аваз.

— А зачем ты кричал про щенков?

— Чтобы ты в другой раз была доброй, бабушка. Старуха недовольно посмотрела на него.

— Ладно, не учи меня. Забудь про этих грязных щенков. Я сложу тебе другое причитание. В нем будет говориться, что я умела ткать красивую дерюгу, и какая я искусная знахарка, сколько людей я вылечила, и как умею заклинаниями сделать так, чтобы один человек полюбил другого или возненавидел. Разве это все неправда?

¹ Т а н д ы р — печь, где пекут лепешки.

— Правда, правда, мать,— раздался голос незаметно подошедшего Тумана.— Но почему после твоих заклинаний Сайкал не полюбила меня?

Аваз и бабушка Унсун повернулись к нему. Туман-ювелир устало присел на топчан.

Лицо бабушки Унсун стало надменным.

— Дело не в моем заклинании, а в том, что ты сам бессилён. Заклинания прилагаются к силе,— сурово ответила Унсун.

Аваз не понял, о чем идет речь. Он смотрел то на бабушку, то на отца. Взгляд сына смутил Тумана.

— Ну-ка дай мне лучше чего-нибудь поесть,— обратился он к матери.

Бабушка Унсун, поднимаясь с топчана, сказала:

— Ладно, я еще раз поговорю с Сайкал. Видно, эта глупая женщина надеется на возвращение мужа. Но ей не дожидаться Ормотоя. Будь у нее не двое детей, а все десять, все равно он не вернется к ней. Ормотой давно уже женился на Зыйнат. Оказывается, они тайком вступили в брак. Об этом говорила сама Зыйнат. Если Сайкал нужен был Ормотой, то зачем она опоила его любимого петуха шампанским и ощипала его? Для Ормотоя его бойцовый петух был дороже всего. Он никогда не простит ей этого. Он своего петуха любил больше родных детей. Нет, Ормотой ни шагу не сделает к Сайкал.

— Бабушка, зачем ты сочиняешь эти небылицы? — разгорячился Аваз.— Петуха напоила шампанским вовсе не Сайкал-дженге. Это сделал ее брат Кадыр, который вернулся из армии. А Сайкал-дженге увидела валяющегося на земле петуха, подумала, что он сдох, и начала ощипывать его. А через час петух пришел в себя. Дядя Ормотой пришел домой, увидел своего ощипанного петуха и давай дубасить Сайкал-дженге. А разве она виновата? И кончилось все тем, что он ушел со своим петухом из дома. Вот как было дело. Все это знают. А ты тут насочиняла...

— Все равно Ормотой не вернется к Сайкал. Если бы он даже и понял свою вину, Зыйнат его не отпустит. А я своими заклинаниями сделаю так, чтобы Ормотой любил Зыйнат. А Сайкал возненавидел...

С этими словами бабушка Унсун ушла в дом. Туману хотелось отвлечь сына от неприятного разговора. Он распахнул чапан и достал из-за пазухи свою шапку.

— Аваз, посмотри-ка сюда,— сказал он, протягивая сыну шапку.

В шапке лежали десять маленьких яиц.

— Ой-ой! — У Аваза загорелись глаза.— Это куропаткины?

— Да. Я их нашел сегодня в ложбине Каранчи. На прошлой неделе там было всего четыре яйца, а сегодня в гнезде лежало десять.

— А когда должны вылупиться птенцы?

— Через сорок дней. Подложим их под курицу. Но смотри, чтобы их, как прошлой весной, не съела собака.

В это время из-за дома появилась их черная сука. В пасти она держала одного щенка. Она положила мертвого щенка на солнцепеке у двери и, скуля, снова скрылась за домом. Вид у собаки был недоумевающий. Она словно не понимала, что ее щенки умерли. Аваз не мог оторвать глаз от щенка. Щенок лежал неподвижно, он уже окоченел. За домом было слышно, как жалобно скулила собака.

Как понять эту бабушку Унсун? Иногда она очень добра, особенно к нему, Авазу, а иногда творит злые дела. На сердце у Аваза было тяжело.

4

Сегодня в Какыр-Сае идет распределение участков земли. Пришли сюда все бешкемпирцы. Люди взволнованы. Шутка сказать — надо выбрать место под дом и сад. Здесь начнется их новая жизнь.

Впереди всех идут бригадир Конурбай и Аваз, а люди спешат за ними. Авазу поручена роль землемера, и он очень гордится этой ролью. Аваз измеряет саженью землю, а Конурбай назначает, кому будет принадлежать участок. Земля в Какыр-Сае везде одинакова, и люди берут участки безропотно. Одни тут же начинают очищать свои клочки земли от камней, другие с задумчивым видом размышляют, где удобней поставить дом, где вырастить сад.

— Девятнадцать, двадцать, двадцать один,— равномерно отсчитывает Аваз.

— Дедушка Борош! — крикнул Конурбай,— смотрите, ваш участок вот до этого камня...

Старик молча кивнул головой.

— Теперь отдели мне,— сказал Авазу шорник Нишан. Аваз снова начал отмеривать.

— Раз... два... три...

— Эй, парень, считай точнее! — прикрикнул на него Нишан.

— Что же, вы думаете, я считать не умею? — обиделся Аваз.

Старик Борош положил на ладонь щепотку новой земли и с грустью смотрел на нее. Какая-то здесь будет жизнь? Нелегко все начинать заново, когда тебе столько лет... Он перевел взгляд на своего будущего соседа, Нишана-шорника. Нишан с женой, растянув длинную веревку, прикидывали план нового дома. Оба были увлечены этим занятием. То же делали на своих новых участках и другие колхозники. Почти все уже получили участки.

— Сайкал, я возьму участок по соседству с тобой,— сказал Сайкал-дженге Туман-ювелир.

Но Сайкал сделала вид, что не слышит его слов. Туман сокрушенно взглянул на упрямую женщину и опустил голову. Ну что она нашла в этом маленьком Ормотое, бросившем ее из-за ошипанного петуха? Кто поймет сердце женщины?

А Сайкал, сжав тонкие губы, с гневом смотрела, как Зыйнат и Ормотой вдвоем ходили по своему новому участку.

Там, привязанный к палатке, стоял голый петух, виновник ее несчастья.

5

Старик Борош работал на крыше своего старого дома. Вокруг дома цвел урюковый сад. Старик кетменем сгребал с крыши землю. Вот уже кое-где показались деревянные балки. Жена его Каным во дворе связывала в тюки одеяла.

— Здравствуйте, дедушка Борош!— услышал старик голос Аваза.— Дай вам бог здоровья, бабушка Каным!

Аваз с портфелем под мышкой стоял на тропинке перед их домом и, задрав голову, смотрел на старика Бороша.

— А-а, это ты, Аваз,— произнес Борош и рукавом длинной рубахи смахнул с лица пот.

— Аваз-джан¹, ты бы написал письмо моему Джали,— попросила Каным.

— Я уже много раз писал, бабушка,— ответил Аваз.— И во Фрунзе писал, и в Джамбул... Но он не отвечает.

— Собачье он отродье, видно, опять подался куда глаза глядят,— сурово сказал Борош.— Зря мы столько труда на него потратили. Как-никак он отпрыск моего единственного сына. Я носил его на руках, когда он был маленький. Пять лет учил его в городе, чтобы сделать из него человека. А он чем отплатил своему деду? Забыл свою родину и родных и скитается бог весть где ради своего живота. Непутевый он человек!

— Аваз, я отыскала еще два его письма,— сказала старуха Каным, подойдя к Авазу.

¹ Дж а н — ласкательная частица, добавляемая к именам.

— Бабушка, это его старые письма,— сказал Аваз, возвращая затрепанные конверты.— Вы мне их уже показывали. После этих писем он переменял много адресов.

— Нечего ему писать!— заявил старый Борош.— Я отрекаюсь от такого внука. И без него проживем как-нибудь... Запрещаю тебе говорить о нем, Каным!

После этих слов старик снова принялся за работу, а Каным, опустив голову, пошла связывать свои тюки.

Жалея осиротевших стариков, Аваз попрощался с ними и отправился дальше.

* * *

Он вышел на пыльную тропу, которая вела к его дому. Вдруг ему навстречу выбежал мальчишка. К спине мальчишки было привязано тяжелое седло. Аваз с удивлением уставился на мальчишку.

— Эй, кто за тобой гонится?— крикнул он.

Но мальчик пробежал мимо. Вдруг из-за кустов орешника выскочил еще один мальчик, а за ним еще двое. К их спинам тоже были привязаны седла. Видно было, что мальчишкам тяжело тащить седла, но их разгоряченные лица сияли от радости.

— Эй, что происходит? Чьи это седла?— крикнул им Аваз.

На его крик один мальчик обернулся и вместо ответа, подражая коню, заржал. А со стороны кишлака бежали еще дети, и у каждого на спине было по седлу. Все они изображали из себя скакунов, ржали, кусались и толкали друг друга.

Только теперь Аваз понял, чьи это седла. Он сошел на обочину дороги и с серьезностью взрослого с ухмылкой наблюдал за ребятами. Давно ли он сам носился по тропинкам, подражая скакуну и подставив разгоряченное лицо теплomu ветру?

Он схватил одного из мальчишек за руку, но тот с громким криком попытался укусить его. Аваз выдернул руку, рассмеялся и пошел дальше.

Вскоре он встретил старика Нишана с женой. Через плечо Нишана был перекинут курджун¹, в руке он держал сундучок с инструментами для вырезывания седел. Жена его вела корову, на которую были навьючены тюки с одеялами и всякая домашняя утварь.

— Уже переезжаете?— спросил Аваз.

— Да, сынок,— ответил шорник.— Все равно заставят. Нужно успеть кое-что посадить на участке и построить дом, пока не застала зима.

— Дай бог долгой жизни нашей учительнице. Это она помогла нам переехать,— вступила в разговор старуха.— Привела своих учеников, раздала им седла, и приказала, чтобы они отнесли их на новое место.

Старики снова двинулись в путь. Аваз долго смотрел им вслед. Со стороны строительства донесся глухой звук взрыва. Там продолжалась работа.

6

Перед рассветом, когда звезды начинают постепенно редеть и восток медленно белеет, Аваз и его отец торопливо шли в темноте вдоль телеграфных столбов.

— Вот здесь. Стой,— шепотом сказал Туман-ювелир, когда они дошли до столба с подпоркой, напоминающего воткнутую в землю перевернутую рогатину.

— Ты хорошо помнишь?— вполголоса спросил Аваз.

— Мне да не помнить?— усмехнулся Туман.— Я хорошо знаю это место. Сколько раз сторожил здесь. Они будут лететь слева, со стороны горы.

¹ Курджун — переметная сума.

— А родник с какой стороны остался?

— С правой. Садись. Будем ждать.

Отец и сын сели около столба, спинами прислонились к нему. Некоторое время они сидели молча.

— Аваз,— заговорил Туман.

— А?

— Ты, наверное, догадался, что я собираюсь снова жениться. Ты не будешь против?

— А почему я должен быть против?— застенчиво пробормотал Аваз.

— Тогда хорошо, сынок. Тебе тоже пора жениться. По нашим законам, если отец не женат, то сыну нельзя жениться. Такой обычай народа.

— Знаю,— пробормотал Аваз.— Но я еще не собираюсь жениться. Я и не думал об этом.

— Зато о тебе думает твой отец. Ранний посев дает ранний урожай. Я в твои годы уже был женат на твоей матери, и у нас родился ты.

— Отец,— робко спросил Аваз.— Говорят, ты пять раз был женат. Это правда?

— Шесть,— горделиво уточнил Туман-ювелир.— Я был непоседливый человек, да и характер у меня странный. Я не мог ужиться ни с одной. Где теперь мои жены и дети? Будешь жив, придет время, разыщешь их и сроднишься. Я про них ничего не знаю. Вот только ты у меня... Говорят, будто один из твоих братьев живет во Фрунзе и сочиняет книги.

— Неужели?— поразился Аваз.

— Да, такие ходят слухи.

— А какой была моя мать?

— Твоя мать была прекрасной женщиной. Я любил ее больше всех. Но она, бедняжка, умерла молодой.

Некоторое время они сидели молча.

— Да, сынок,— задумчиво проговорил Туман.— В свое время и твой плохой отец был первым джигитом айла. А каким я был мастером-ювелиром! Все женщины

округи, молодые и старые, носили только мои браслеты и кольца! И с помощью моих серебряных наперстков вышивали платочки своим любимым джигитам. Если не веришь, спроси у любой женщины моего возраста в нашем кишлаке, помнят ли они Тумана-ювелира? Женщины сначала задумаются, а потом ответят с грустью: «Ах, Туман-ювелир? Помним ли мы его? Можем ли мы забыть свою молодость?» И, вздохнув, они потрогают украшения в своих косах. Имя твоего чудака отца пробудит в них воспоминание об их молодости...

— Как ты хорошо говоришь,— сказал Аваз улыбаясь. Ему было приятно слушать отца.

— Да, так было,— сказал Туман.

Он задумался.

В это время в небе донесся издали особый шелестящий звук. Это летели куропатки.

— Тише, сынок,— прошептал ювелир.

В посветлевшем воздухе над головами стремительно пролетела стая куропаток. Телеграфные провода издали гулкий стон, и одна куропатка неподалеку тяжело ударила о землю.

— Готово!— радостно воскликнул Аваз.— Упала!

— Жаль, что только одна,— вздохнул Туман-ювелир и встал с земли — Поднимайся, сынок. Ничего, и на том спасибо. Будет нам куропатка на ужин...

— Посидим еще,— попросил Аваз.

— Нет, сегодня надо прийти в Какыр-Сай пораньше. Пока солнце не пригрело, начнем формировать кирпичи. Ты ведь знаешь, как тяжело работать в жару?

Они прошли несколько шагов и выбрали в густой траве разбившуюся о провода куропатку.

— Глупая,— сказал Аваз.— И почему они бьются?

— Зато она жирная,— радостно пробормотал Туман-ювелир.— И у нас хороший будет ужин. А если б они не бились, сидели бы мы сегодня без ужина, понял?..

Уже с утра в Какыр-Сае бешкемпирцы усердно труди-

лись на своих участках. Одни что-то сажали, другие формовали кирпичи, третьи уже начали класть стены домов. Дома были расположены по обе стороны прямой широкой улицы. Между домами проведены арыки, вдоль арыков высажены молодые тополя.

Многие из бешкемпирцев, поставив юрты или палатки, жили на своих участках. Над очагами клубился дым, к палаткам и юртам был привязан скот.

Перед палаткой Нишана лежали седла. Юрта Токтора-колыбельщика была окружена пестрыми колыбелями.

Туман и Аваз остановились около участка Сайкал-дженге. Сайкал — одинокая женщина, и поэтому она работала на своем клочке земли одна. Никто не помогал ей.

— Здравствуй, Сайкал! — громко поздоровался Туман-ювелир.

— Здравствуйте, Туман-аке, — устало поднимая голову и расправляя плечи, ответила Сайкал-дженге.

— Аваз, дай-ка куропатку, — вдруг приказал Туман. — Иди, сынок, я сейчас догоню тебя.

Аваз удивленно взглянул на отца и протянул ему куропатку. Туман с куропаткой в руке направился к Сайкал-дженге.

— Дети спят? — спросил Туман, кивнув на палатку, около которой стояла привязанная корова.

— Спят.

— Возьми эту куропатку, сварить детям.

— Что вы, и так каждый день приносите, — смутилась Сайкал. — Своим бы лучше отнесли.

— Им пока хватает.

— Спасибо.

Сайкал положила куропатку на гряду, окаймляющую рисовое поле, и хотела снова приняться за работу. Но Туман со вздохом опустился рядом с ней на зеленую траву.

— Передохни чуток. Работа никуда не убежит.

Сайкал не решилась отказаться и неохотно присела рядом.

— А где же твои поденщики?— спросил Туман, глядя на кирпичи, сложенные в штабеля рядом с палаткой.

— А, будь они прокляты!— ответила Сайкал, утирая концами платка пот со лба.— Кто хочет помогать одинокой женщине? Они оказались настоящими бездельниками. День поработают, два дня пропадают...

— Да, трудно тебе. Если дело так будет продвигаться, вряд ли ты в этом году достроишь свой дом,— сочувственно произнес Туман-ювелир.— Сайкал, давай сложимся и построим один дом. У тебя двое детей, у меня старуха-мать и сын. Будем все шестеро жить под одной крышей.

Сайкал-дженге неприветливо взглянула на него и кисло улыбнулась.

— Нет, Туман-аке,— проговорила она.— Я же сказала вам, что Ормотой все равно вернется ко мне.

— Ормотой не вернется к тебе,— угрюмо произнес Туман.— Он женился на Зыйнат. Теперь они муж и жена. Взгляни, они вместе строят себе дом. Не придет к тебе Ормотой. Если бы он хотел вернуться, то уже давно бы был здесь.

Сайкал-дженге поднялась с земли и, не обращая внимания на Тумана-ювелира, молча принялась обрабатывать свой рисовый участок.

— Все равно он вернется ко мне,— неожиданно повернувшись к Туману, уверенно сказала она.— Зыйнат бесплодная. Никто не хотел жениться на ней. Навряд ли она родит Ормотою ребенка. Никогда не родит. А у меня их двое. И оба они от Ормотоя. Он завтра же со своим петухом под мышкой вернется ко мне.

Ее худое, темное лицо осветилось улыбкой, и на миг Сайкал-дженге стала даже красивой. Разочарованный Туман-ювелир поднялся с травы.

В это время на улице нового поселка верхом на коне показался бригадир Конурбай.

— Ну-ка все на работу!— крутятся на коне, закричал он.— Собирайтесь, пока не припекло солнце! Джакын!— окликнул он джигита, формирующего кирпичи.— Ты сегодня пойдешь на культивацию!

— Что ты выдумал, бригадир? Так мы никогда не достроим свои дома!— недовольно буркнул Сулейман. Он с женой уже штукатурил стены своего дома.

— Ничего, достроите!— резко ответил Конурбай.— Я ведь тоже, как и вы, строю себе дом. И успеваю работать в колхозе. Ну-ка, Ормотой-аке, ты тоже сейчас же отправляйся в поле!

Ормотой в это время закладывал фундамент дома. А Зыйнат, усевшись возле палатки, что-то шила. Перед палаткой на расчищенном пятачке земли стоял привязанный за ногу голый петух. У петуха был удивительный вид: на его розовом теле не было ни перышка. К другой ноге его был привязан маленький колокольчик.

— Конурбай, завтра воскресенье, разреши мне съездить в район на базар? Мне нужно сделать кое-какие дела,— обратился к Конурбаю Ормотой.

— Знаю я твои дела! Нового петуха купил?— рассмеялся Конурбай.— Или у твоего Басмача за один месяц выросли перья? Но, глядя на него, этого не скажешь...

— Оставь моего петуха в покое,— заворчал Ормотой, отворачиваясь от Конурбая.— Дался вам всем мой петух!

Ормотой терпеть не мог, когда ему напоминали историю с петухом.

— Эй!— крикнул Зулун, заметив Таштана, который сидел на его огороде.— А ну, встань сейчас же! Ну и подлец же ты, Таштан! Сидел бы на своем огороде, так нет же, обязательно нужно гадить на мою землю...

Таштан, придерживая штаны, не спеша поднялся.

— Ну что ты кричишь?— недовольно произнес он.— Я ничего плохого тебе не делаю. Удобряю твою землю...

— Тьфу, будь ты неладен со своим удобрением! На другой стороне улицы их сверстник Берди, закатав рукава матроски, строил в конце огорода уборную.

— Эй, вы!— крикнул он своим друзьям.— Пора жить культурно! Берите с меня пример. В первую очередь нужно построить удобства.

— Правильно говорит Берди,— поддержал его Конурбай.— Пусть каждый имеет свою уборную. Мы должны жить не хуже, чем в городе. Ну а теперь за работу! Колхозные дела не могут ждать. Ассалом алейкум, Борош-аке! Как ваши дела?

Борош плотничьим топором стругал бревно. А старуха Каным сидела на другом конце бревна, чтобы оно не двигалось. На приветствие бригадира старик важно кивнул головой:

— Доброго здоровья тебе, Конурбай! Дела, как видишь, продвигаются.

Туман-ювелир подошел к сыну, который ловко формовал кирпичи. Равнодушно оглядев кирпичи, Туман тихо сказал Авазу:

— Сынок, кончай работу. Уже жарко.

Сын удивленно взглянул на отца.

— Если мы так будем работать, то и в этом году не закончим наш дом,— сказал он недовольно.

— Ну и пусть! Эх ты, чудак! В этом году не успеем, в будущем закончим,— легкомысленно произнес Туман.— Не стоит переживать. Куда нам спешить?

— Как куда спешить? В этом году снесут все дома в Беш-Кемпире!— сердито сказал Аваз.— Ты забыл об этом? И наш дом тоже. Все переедут в новые дома, а мы куда?

Лицо Тумана было спокойным.

— Не беспокойся, сынок. Пока я есть, тебе не о чем волноваться. Лучше вернемся к бабушке Унсун и напьемся чаю. Чай в такую жару облегчает душу. Ох, можно было куропатку зажарить, да я ее отдал детям Сайкал...

Теплая ночь. За поселком темнеют горы. Яркая луна висит над садом Тумана-ювелира. На широком топчане, громко охая, лежит бабушка Унсун, а Аваз трет ей спину. Недалеко от них стоит на привязи большая черная корова со сломанным рогом и медленно жует жвачку. Влажным лиловым глазом наблюдает она за Авазом и бабушкой Унсун.

— Ой, спина моя!— жалостно стонет Унсун.— С утра до вечера ткала я дерюгу, все тело мое занемело. Ой, всю жизнь потратила я на вас... варила еду, ткала дерюгу, продавала ее на базаре, чтобы только прокормить вас... Ой, помни спину повыше! Слышишь, внучек! Не ленись! Помоги своей бабушке! Ох! Ох!

Унсун застонала еще усерднее.

— Мы не забудем твою щедрость,— насмешливо сказал внук.— Когда умрешь — похороним тебя с почестями. Будем хорошо над тобой петь!

— Не петь, а оплакивать, безумец!

— Ладно, будем оплакивать.

В это время за глинобитным дувалом послышался громкий свист.

— Это ребята меня зовут,— сказал Аваз.— Я пошел, бабушка!

— Вернись пораньше!— закричала ему вслед Унсун.— Завтра утром поедешь на базар за краской. Понял?

— Понял, понял.

Аваз перелез через забор к друзьям: его ждали Кабыл и Максат.

— А где остальные? Почему больше никого нет?— удивился Аваз.

— С ними договорились встретиться в саду дедушки Бороша,— объяснил Максат.

Ребята побежали к саду старика Бороша.

В саду никого не было. Лишь яркая белая луна одиноко освещала темные деревья.

— Эй, где вы?— крикнул Кабыл.

Вместо ответа из-за дома, оставленного стариком Борошем, показались три фигуры в белых саванах. Фигуры медленно двинулись по тропинке и завывали на разные голоса.

— Ну и испугали же вы нас!— засмеялся Аваз.

— Хватай их! О! У-у!— закричали привидения и бросились на ребят.

— Да вы нас до смерти испугали!— пренебрежительно сказал Максат.

Девочки, радуясь своей выдумке, громко захохотали и стали стаскивать с себя простыни.

— Где вы взяли простыни?— спросил Кабыл.— Ну и попадет вам дома!

— Ничего, мы их тихонько положим на место,— отвечали девочки.— Зато было весело!

— Ну а теперь что будем делать?— спросил Аваз.

— В нашем саду остались качели,— вспомнила Малике.

Аваз сразу сорвался с места.

— Ах, вот ты какой!— закричал Максат и кинулся за Авазом. Остальные с радостными криками побежали за ними.

Как и все сады Беш-Кемпира, опустел и сад Малике. Темными развалинами стоял дом.

Качели были привязаны под высоким пышным урюком. Ночной ветерок легко раскачивал их. Первым схватился за веревки Аваз. Но не успел он вскочить на качели, как к нему подбежал Максат. Они стали, хохоча, отталкивать друг друга. Потом свалились на землю и продолжали бороться. Кабыл следил за их борьбой. А на качели вскочила Малике. Девочки помогли ей раскачаться, и вскоре качели взлетели высоко вверх.

Драчуны, запыхавшись, лежали на земле и следили за Малике.

— Эй, отчаянная, больше не раскачивайся! А то сорвешься!— закричал Максат.

Но Малике продолжала раскачиваться.

Аваз, лежа на земле, глядел на ее гибкую фигурку, то возносящуюся к ночному небу, то летящую к земле, и чувствовал непонятную грусть.

— Я хочу выше! Еще выше!— кричала она.

Неожиданно ветер сорвал косынку с ее головы, и косынка медленно поплыла над садом.

— А-а-ай!— весело закричала Малике.— Моя косынка пропала!

Кабыл на лету поймал косынку, скрутил из нее плетку и стал хлестать ею по спине Малике, когда она на качелях пролетала мимо него.

— А ну-ка скажи, как зовут твою свекровь!— приговаривал Максат.— Назови имя своей свекрови.

А Малике ласковым голосом умоляла его, чтоб он оставил ее в покое.

— Хлещи, Кабыл, хлещи сильнее!— хохотали ребята.

— Да ответь же, Малике, что-нибудь этому непутевому!— пожалела подружку Асель.— А то он всю исхлещет тебя!

Но Малике не пожелала признаться и назвать имя будущей свекрови и вдруг, замедлив темп, спрыгнула с качелей. Максат и Кабыл схватились за веревки. Снова началась борьба, шум, смех. Каждый тянул веревку к себе. Вдруг веревка оторвалась.

— Что вы наделали, сумасшедшие?— крикнула Асель.

Аваз попытался связать веревку, но ему это не удалось. Веревка была сильно потертой.

— Ну вот, катайтесь теперь на здоровье, добились своего!— капризно крикнул Аваз и лег на землю.

Ребята наконец успокоились и растянулись рядом с ним на траве. Девочки молча сели поодаль.

Вдруг над ними, разрывая ночное небо, медленно проплыл самолет. Дальний рокот его таял среди звезд. Все молча повернули головы вслед удаляющимся в ночном небе огонькам самолета.

— Самолет летит. Куда?— тихо и задумчиво сказал кто-то.

— Эх, хоть бы артисты к нам приехали,— с сожалением произнес Кабыл.

Все рассмеялись.

— Ты что, бредишь?— бросил ему Максат.— На этом самолете, что ли?

Кабыл молчал.

— Аваз, ты помнишь, как мы ставили «Вишневый сад»?— спросила Малике.

Вместо ответа Аваз вскочил и восторженным голосом произнес:

— Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставайте, друзья!

Эти слова заставили и Малике подняться.

— Как хорошо вы говорите!— поддерживая игру Аваза, сказала она. И переведя дыхание, продолжала:— Сегодня здесь дивно!

— Да, погода удивительная.

— Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде? Я любила его так нежно, мне казалось, что на земле нет лучше места, чем наш сад...

— Вся Россия — наш сад. Земля велика и прекрасна, есть... А дальше забыл,— сокрушенно сказал Аваз.

— Дом, в котором мы живем, давно уже не наш дом, и я уйду, даю вам слово...— продолжала Малике.

— Сумасшедшие,— сказала Асель.— Помнят наизусть весь «Вишневый сад».

Остальные смеялись.

— Добрый вечер, ребятки!— вдруг раздался рядом с ними голос.

Никто не заметил, как в сад вошел человек в городском плаще и шляпе, с рюкзаком за плечами. Незнакомец уже давно стоял за деревом и молча прослушал всю сцену из «Вишневого сада».

Юные бешкемпировцы вскочили на ноги.

— Добрый вечер!— снова лъстивым голосом произнес незнакомец.

— Что вы сказали?— удивленно переспросила Датка. Она не поняла незнакомца, ибо в киргизском языке нет такого приветствия.

— Я сказал: «Здравствуйте!»— снисходительно глядя на ребят, сказал незнакомец.

Малике расхохоталась.

— Глупцы!— упрекнула она ребят.— Человек говорит с нами литературным языком, а мы не поняли. Здравствуйте, агай! Мы вас не знаем. Кто вы такой?

— Я тоже бешкемпирец,— сказал незнакомец.— Но я уже несколько лет не бывал в Беш-Кемпире. Мне пришлось жить в других краях. Скажите, пожалуйста, что случилось с нашим кишлаком? Я приехал домой, а вместо дома нашел одни развалины. Неужели здесь было землетрясение?

— А к кому вы приехали?— спросила Малике.

— К старику Борошу.

Юные бешкемпирцы обрадовались.

— А, это вы! Сказали бы сразу, что вы Джали, внук дедушки Бороша.

— Кто знает мое имя?— спросил Джали.

— Я, Кабыл. Вы помните, я относил ваше письмо в стихах жене Сулеймана?

— Не помню,— ответил Джали, ничуть не смутившись.— Но, наверное, так было.

Ребята поспешили ему представиться.

— Меня зовут Максат. Я внук Токтора-колыбельщика.

— А меня — Аваз. Я сын Тумана-ювелира.

— А я — Малике.

— Ого, оказывается, вы все свои,— сказал Джали.—

А теперь ответьте мне, куда девались все остальные. Друзья, перебивая друг друга, стали объяснять Джали:

— Всех переселили в Какыр-Сай.

— И ваших дедушку с бабушкой тоже.

— На месте нашего кишлака будет водохранилище...

— Кабыл и Максат уже работают на этой стройке.

Они бульдозеристы.

— Вот так чудеса,— удивился Джали.— Оказывается, вот какие дела здесь происходят!

— А вы надолго к нам приехали?— с любопытством спросила Малике.

— Навсегда,— вздохнув, ответил Джали.— Хватит, наскитался в чужих краях. Теперь буду трудиться на родной земле, для блага своего народа.

— Ура!— закричали ребята.

Малике с интересом рассматривала Джали. Он был высок и силен в плечах, но лицо у него было маленькое, острое. Черные глаза без блеска не смеялись, когда он смеялся. Жидкие усики обрамляли узкий рот.

— С завтрашнего дня я приступаю к работе. Сообщите всем, кто желает вставить себе зубы,— пусть приходят в дом к дедушке Борошу. Я могу вставить любые зубы: золотые, серебряные, железные, пластмассовые...

— А коронку можете вставить?— спросила Малике.

— Как вас зовут?— поинтересовался Джали.

Малике смущенно вспыхнула.

— Джали-аке, называйте меня на «ты». Вы же старше. Меня зовут Малике.

— Нет-нет. Обращаться к девушке на «ты»— невежливо. Некультурно. Значит, вас зовут Малике? Вы решили вставить себе коронку?

— Нет,— застеснявшись, ответила Малике.— Я на свои зубы не жалуясь. Но один зуб... Нет, пожалуй, вставлять не надо.

— Не стесняйтесь,— успокоил ее Джали.— Хорошие зубы украшают человека. Если вас раздражает какой-нибудь некрасивый зуб, то давайте мы заменим его на золотой или серебряный. Ну, хорошо, подумайте. А теперь мне пора идти. Значит, мне нужно добираться

до Какыр-Сая? До свидания. «Спокойной ночи»,— как говорят русские.

Джали пожал всем руки и ушел. Его юные земляки глядели ему вслед.

— Вот это мужчина,— с восторгом сказала Малике.— И какой он вежливый. Вот что значит образованный человек! Как он говорит... До сегодняшнего вечера ни один бешкемпирский мужчина не обращался ко мне на «вы»...

Малике торжествующе оглядела ребят.

— Подумаешь! Ну и что такого?— вспыхнул Аваз.

— Ах, ты ничего не понимаешь,— небрежно уронила Малике.

Она снова снисходительно оглядела ребят.

— Девочки, давайте завтра все вместе явемся к нему,— предложила Малике.

— А что мы там будем делать?— наивно спросила Датка.

— Будем разговаривать на «вы»,— серьезно пояснила Малике.

— Я и не подумую пойти!— заявил Аваз.

— А я пойду,— упрямо тряхнула косичками Малике.

7

Шумит районная колхозная ярмарка. Повсюду толпится народ. Люди приехали сюда издалека. Ряды базара завалены фруктами, овощами, мясом, медом. Впряженные в брички, стоят усталые кони. Лоснятся потом загорелые лица торговцев.

Больше всего людей собралось перед старой чайханой. Там в тени высокого дерева происходит бой куропаток.

Птицы взлетают в воздух, сшибаются, перья их летят на толпу. Раздаются азартные возгласы, крики и смех. Наконец птицы устали и упали на маленький расчищен-

ный клочок земли. Это быстро решило исход боя. Одна из птиц была побеждена.

— А теперь начинаем петушиный бой!— торжественно провозгласил старик судья.

Он обратился к толпе:

— Люди! Слушайте! Сегодня к нам приехал гость из Коканда. Пожалуйста, покажитесь народу!— попросил он гостя.

Из толпы вышел узбек в нарядном халате, богатырского сложения и с зобом величиной с хандаляк¹. Он поклонился толпе и подошел к судье со своим петухом, не уступающим по размеру шестимесячному барашку.

Судья поднял петуха над головой и стал демонстрировать его толпе. Люди с одобрением рассматривали мощный петушиный клюв, огненно-черные крылья, сильные, узловатые ноги и когти. Послышались возгласы восхищения. Болельщикам очень понравился черно-рыжий петух узбека. Но владельцам других бойцовых петухов такой грозный враг пришелся не по душе, и они смотрели на него с опаской. Петух же ни на кого не обращал внимания, равнодушно прикрывая пленкой круглые глаза, и лишь изредка недовольно встряхивал крыльями.

Судья обошел круг и возвратил петуха хозяину.

— Гость ставит сто рублей,— объявил судья.— Есть желающие?

Никто не решался.

— Неужели нет желающих?— удивился судья.

— Я ставлю!— послышался чей-то голос.

Расталкивая зрителей, из толпы вышел штукатур Ормотой из Беш-Кемпира. Увидев Ормотоя, толпа радостно загудела.

— Ормотой!— обрадованно крикнул судья.— Где ты пропадал? Четыре недели тебя не было видно!

Судья обнял штукатура и похлопал его по спине.

¹ Х а н д а л я к — сорт скороспелой дыни.

— А ну-ка покажи нам Басмача!

Ормотой поднял над головой своего петуха. Толпа снова загудела, но уже не от радости, а от удивления. Оказывается, штукатур одел своего петуха в жилет. Жилет был пестрый, сшитый из яркой материи, с нарисованными пальмами и парусными лодками.

— Что ты сделал со своим бойцом?— изумился судья.

— А-а!.. Чепуха! Подрезал перья, чтобы ему не было так жарко в бою,— не смущаясь, ответил Ормотой.

Толпа засмеялась. Судья тоже.

— Нет, я так не согласен,— сказал гость из Коканда. И обратился к Ормотою:— Если вы хотите, чтобы ваш петух дрался с моим петухом, снимите с него жилет.

— Раздеть петуха и пустить голого?— возмутился штукатур.— Что это значит, дорогой гость?

— А почему он у вас голый?

— Такая уж у него судьба,— вздохнул Ормотой.— Но в нашем Киргизстане не принято выпускать в единоборство голого петуха.

Народ давился от смеха.

— В нашем Узбекистане тоже,— не сдавался гость.— Однако и в одежде не выпускают. Такого правила нет. Ты, братец, уж раздень его. Иначе я так не согласен.

— Ормотой,— обратился судья к штукатуру.— Справедливость на стороне гостя. Сними с петуха жилет.

— Станный вы человек, дядя Джолдош,— возмутился Ормотой.— Жилет ведь стеган из собственных перьев Басмача. Вот посмотрите, коли не верите.— Ормотой надорвал край жилета и вытащил оттуда несколько петушиных перьев.— А теперь посудите сами, как я могу раздеть его?

— Ормотой, подойди поближе,— строго сказал судья.— Мы с тобой тридцать лет занимаемся петушиными боями. Ты выпускаешь петухов, а я справедливо сужу бой. Скажи мне, ты видел чтобы петухи дрались в одежде? Нет, Ормотой, такого порядка нет.

— Ну и что же? Значит, нужно ввести такой порядок,— сердито предложил штукатур.— До каких пор мы будем жить старыми обычаями?

— Об этом придется подумать,— согласился судья.— Потом мы обсудим и послушаем, что скажут люди... Но сейчас раздень своего петуха. А то никто не выпустит бойца против твоего Басмача.

Ормотой недовольно оглядел петуха гостя и начал неохотно распарывать жилет на Басмаче. Люди в ожидании необычного боя молча следили за движениями рук Ормотоя. А когда из жилета вылез голый петух, толпа взорвалась от смеха.

Судья не обращал внимания на смех.

— Деньги готовы чистоганом,— сурово сказал он хозяевам петухов.

Оба выложили деньги. Судья пересчитал их и по обычаю заложил за ухо.

— Тихо! Объявляю бой!— Судья поднял над головой руку.

Толпа стихла.

Петухи были испытаны в боях и бились безжалостно. Они дрались не на радость своим хозяевам, а для того, чтобы насмерть заклевать друг друга. Они то сходились в горячей схватке, то зорко выслеживали один другого. Кокандского петуха, очевидно, возмущал непривычный вид его голого соперника. Было видно, что он во что бы то ни стало решил заклевать врага. Скоро бешкемпирский петух был весь в крови и цветом напоминал спелый арбуз. Аваз, стоя в толпе, с жалостью наблюдал за ним. Но и кокандский петух лишился одного глаза и был изрядно потрепан.

Через полчаса судья поднял руку и объявил, что бой окончен.

— Победил петух из Коканда!— крикнул он.

Бешкемпирский петух был побежден. Бедная птица совсем обессилела и истекала кровью. Басмач еле стоял,

спрятавшись между ногами зевак. Штукатур подбежал к своему петуху и поднял его с земли.

— Хорошо дрался, правда?— спросил он у Аваза.

— Дрался на славу. Молодец,— улыбнулся Аваз, чтобы поддержать расстроенного штукатура.— А он не подохнет, дядя Ормотой?

— Не подохнет,— вздохнул Ормотой.— Зыйнат его выходит. Лишь бы он не потерял своего боевого духа.

Штукатур ушел и унес петуха. Аваз, в надежде увидеть отца, огляделся по сторонам. Отца нигде не было, и Аваз вышел из возбужденной толпы, громко обсуждающей только что закончившийся бой.

В рядах, где продавали колыбели, Аваз увидел Токтора-колыбельщика и спросил его, не знает ли тот, где Туман.

— Его требует базарком,— пояснил Аваз колыбельщику.

— Ищи отца в Большом магазине, он любит наведываться туда,— ответил колыбельщик.

Большим магазином Токтор назвал универмаг. Аваз направился к универмагу.

В универмаге покупателей обслуживали двое продавцов. Один был уже пожилой толстый мужчина в синем халате и в очках, а другой — худощавый юноша с едва пробивающимися усиками. Оба усердно беседовали с покупателями, показывали товары. Вдруг юноша быстро наклонился к пожилому продавцу.

— Поглядите, вон тот человек, о котором я вам говорил,— тревожно прошептал он.

Очкастый посмотрел, куда указывал ему парень, и увидел Тумана-ювелира, склонившегося над витриной с украшениями.

Очкастый рассмеялся.

— Успокойся, Кадыр,— улыбаясь сказал он.— Этот человек здесь никогда ничего не тронет. Все, что лежит в той витрине, он может сделать своими руками...

— Но ведь я заметил его с первого дня своей практики. Он все время слоняется здесь,— возразил продавец.

— А я его знаю всю жизнь,— резко сказал продавец в очках.— Это Туман-ювелир. В прошлом знаменитый мастер. Иди на свое место и работай.

Молодой продавец недовольно отошел и снова оглянулся на Тумана-ювелира.

В магазин торопливо вошел Аваз и направился к отцу.

— Папа, тебя требует базарком,— сказал он.

Но Туман не отрывал взгляда от витрины.

— Взгляни-ка сюда, сынок,— сказал он сыну, с восхищением указывая на витрину.— Красивые здесь лежат вещицы... И каждую я бы мог сделать своими руками.

Под стеклом витрины на черном бархате сверкали разным цветом и переливались золотые, серебряные и медные украшения.

— Вот эти браслеты золотые, а те кольца и кулоны серебряные, а серьги медные... А глазок вон у того перстня изумрудный. А те длинные серьги чеканные.

Глаза Тумана-ювелира горели восхищением.

— Пойдем же, отец! Тебя зовет базарком. Ты ему срочно нужен,— умолял отца Аваз.

Но Туман-ювелир не слушал сына.

— А в прошлый раз в магазине у скотного базара я заметил перстень с яхонтовым глазком,— увлеченно говорил он.— Хочешь, сынок, сходим, посмотрим?

— Потом, отец. Базарком предлагает тебе подработать, пока базар в разгаре.

— Подработать? Чем?— удивился Туман.— Ну, ладно, идем. Там узнаем...

И Туман неохотно оторвался от витрины.

Базарком, о котором говорил Аваз, был огромный мужчина с могучими плечами и сутулой спиной. Спина у него была похожа на горб верблюда. Но голос у него оказался неожиданно тонкий.

Он со скучающим видом сидел на скамейке около конторы и наблюдал за толпой, кипящей на базарной площади. Рядом с ним сидела немолодая, однако еще красивая, стройная женщина лет пятидесяти, с худым, смуглым лицом и тонко изогнутыми, соболиными бровями. В руках она держала старый волосяной чембур.

Увидев Тумана, базарком заметно оживился, а женщина широко раскрыла красивые глаза и даже привстала со скамьи. Она пристально и удивленно смотрела на Тумана, но он не обратил на неё никакого внимания.

— Туман, я давно тебя жду. У этой женщины пропала корова,— сказал базарком, указывая на женщину.— Надо огласить.

— И это все?— разочарованно сказал ювелир.— За этим ты звал меня?

— Нет. Нужно огласить еще одно объявление.

Базарком вытащил из кармана смятый лист.

— Что это?— спросил ювелир.

— Объяви народу, что по всему району распространился ящур. У тебя хороший голос, люди тебя слушают. Объяви, что это очень опасная болезнь, и пусть люди слушаются ветеринаров. Пусть они ходят по опилкам, пропитанным лекарствами, которые мы всюду насыплем на их пути к скотным дворам.

— А кто заплатит мне за оглашение?

— Главный ветеринар района. Я уже с ним договорился. Не могу же я сам кричать своим тонким голосом. Поэтому я и позвал тебя.

Туман самодовольно улыбнулся. Потом повернулся к женщине:

— Следуй за мной, женщина. Мы отыщем твою корову. Это я обещаю тебе.

Женщина, с тем же удивлением продолжая смотреть на него, молча поднялась.

Туман с важным видом шел впереди, за ним следовали Аваз и хозяйка потерянной коровы. Людской

поток вынес их на середину базара, где они и остановились.

— Когда пропала твоя корова?— спросил Туман у женщины.

— На прошлой неделе,— ответила та.

— Какие у нее приметы?

— Белая с черными пятнами. Между рогами висит амулет.

— Из «Ак Байтала»?

Женщина кивнула.

Туман прокашлялся.

— Ну что ж,— важно сказал он.— Сначала совершим государственное дело. Сообщим народу о напасти на скот...

— Слушайте, люди!— громовым голосом закричал он.— На наш скот напала опасная болезнь! В районе распространился ящур... Вы знаете, что это такое! Во всем доверьтесь коровьим докторам и делайте все, что они вам прикажут...

Толпа затихла и внимательно слушала его.

— О чем он кричит?— спрашивали люди друг друга.

— На наш скот напал ящур. Гибнет скотина... На полы скотных дворов надо класть в опилки лекарства и ходить по этим опилкам, чтобы болезнь, как змея, не проползла дальше...

Аваз с гордостью смотрел на отца. Ему очень нравилось, с каким почтением и вниманием его слушают люди.

Когда первое сообщение было сделано, Туман перешел ко второму.

— Слушайте, люди! На прошлой неделе в колхозе «Ак Байтал» пропала корова! Белая с черным, между рогами висит амулет. Эй, люди, кто видел, кто слышал о ней, сообщите нам! За добрую весть получите вознаграждение! В сумме пятидесяти рублей!

— О господи, да у меня нет таких денег!— возмутилась женщина и толкнула глашатая локтем.

— Не беспокойся и доверься мне, женщина,— успокоил ее ювелир.— Как только корова отыщется, вознаграждение упадет до пяти рублей.

В это время мимо них проковылял Нишан-шорник, сгибаясь под тяжестью двух седел. Вид у него был грустный и озабоченный. Он не заметил Тумана и Аваза.

— Не продал,— пожалел старика Аваз.

— Да, похоже, что в кармане у него нет ни гроша,— вздохнув, сказал ювелир и обратился к хозяйке коровы:— Женщина, если найдется твоя корова, ты дашь что-нибудь и мне?

— Конечно,— ответила она.

— Тогда беги, сынок,— приказал Туман.— Передай шорнику, пусть через час придет в чайхану. Будем вместе чаевать. Утешим старика.

Аваз побежал за шорником.

Туман еще раз прокричал о потере черно-белой коровы.

— Туман-аке,— вдруг ласково обратилась к нему женщина, называя его по имени.

Удивленный ювелир оглянулся на нее.

— Туман-аке, вы не узнаете меня?— покраснев, спросила женщина.

— Нет, не узнаю,— только и мог произнести ювелир.

— Может, узнаете вот это?

Хозяйка потерянной коровы дотронулась рукой до красивых серебряных украшений, вплетенных в ее длинные черные косы.

Ювелир просиял от удовольствия.

— Конечно, узнаю,— гордо ответил он.— Как не узнать свою работу? Хотя давно это было... Эти украшения сделаны моими руками. Значит, вы еще не забыли Тумана-ювелира?

— Как я могу вас забыть?— засмеялась женщина.— Из-за вас я тогда чуть не разошлась со своим женихом.

— По какой причине, если не секрет?— полюбопытствовал Туман-ювелир.

— Помните старый урюк в Конгур-Дёбе?— лукаво спросила женщина.— И под ним качели?

— Так это были вы?— изумился Туман-ювелир.— Сколько с тех пор прошло лет? Вы были тогда совсем молодой. И красавицей...

— Вы тоже изменились.

— Ничего не поделаешь,— сказал Туман-ювелир с грустью.— Время быстро летит и берет свое... Эх, как тогда мы были молоды и беспечны! Да и красоты нам было не занимать. Особенно вам...

— Нет, вам,— сказала она.— Вы были удивительно стройным джигитом!

— Нет, это вы были красавицей! Я хорошо помню вас.

Аваз вернулся на базарную площадь и увидел своего отца и хозяйку потерянной коровы. Отец восторженно смотрел в лицо чужой женщины и радостно трогал серебряные украшения, вплетенные в ее черные с проседью косы. А женщина благодарно и ласково смотрела на него.

Туман-ювелир и хозяйка потерянной коровы казались помолодевшими на тридцать лет.

8

В Какыр-Сае уже несколько дней шумит ливневый дождь. В горах грохочет гром. На вершинах тяжелыми шапками лежат дождевые облака. Все бешкемпирцы попрятались в своих юртах и палатках или в недостроенных домах. Только Туман-ювелир и Аваз, насквозь промокшие, не обращая внимания на ливень, складывают во дворе кирпичи в высокие штабеля.

Среди строящих дома бешкемпирцев Туман-ювелир на последнем месте. Многие уже поставили стены, на-

крыли крыши, а кое-кто даже успел вставить рамы и двери и уже принимался штукатурить. А Туман-ювелир и Аваз даже и не начинали постройку. Правда, на расчищенном месте, где должен был возводиться дом, уже лежали стройматериалы, выданные колхозом.

Отец с сыном сложили все кирпичи в штабеля и укрыли их сеном. Туман вытер рукавом мокрое от дождя лицо.

— Да ну их! Хватит, сынок!— сказал Туман, раздраженно махнув рукой.— По мне, так пусть они раскиснут от этого проклятого дождя и превратятся в глину. Все равно в этом году не буду строить дом! Эй, Сайкал!

У Сайкал-дженге дом был уже достроен, и она с детьми сидела на пороге.

— Продаю кирпичи, не купишь?— крикнул Туман-ювелир.

Аваз изумили слова отца. А Сайкал-дженге лишь презрительно сдвинула брови.

— Господи, о каких кирпичах ты говоришь?— раздраженно спросила она.

— О моих кирпичах. О каких же еще!

— А сам из чего будешь строить дом?

— Это мое дело. Ты лучше скажи, купишь или нет?

— Хорошо, что я умная женщина и не согласилась строить с тобой дом,— задумчиво сказала Сайкал-дженге.— А то осталась бы сейчас без дома. Тебе доверять нельзя.

— Ну и не доверяй!— раздосадованно сказал Туман-ювелир.— А Ормотой все равно не вернется к тебе.

— Вернется,— спокойно ответила Сайкал.— Никуда он не денется.

— Идем отсюда, сынок,— повернулся Туман к Авазу.— Зачем слушать глупую женщину? Мы в другом месте найдем желающих.

Аваз не успел раскрыть рта, как отец уже направился к другому двору.

— Отец, с ума ты сошел?— крикнул Аваз, догнав отца.

— Дом мы построим в следующем году, сынок,— безмятежно ответил ювелир.— Все равно в этом году нам уже не успеть...

— А где мы будем жить зимой? Ведь осенью все старые дома снесут,— растерянно спросил Аваз.

— Не беспокойся, сынок, на улице не останемся. А может, в этом году и не снесут? Иногда раньше времени наводят панику.

Отец с сыном шли вдоль улицы.

— А красивая получилась улица,— задумчиво произнес Туман, оглядывая ровный ряд домов.

— Да, красивая,— сердито ответил Аваз.— Только где на этой улице наш дом?

— Не волнуйся. Со мной не пропадешь,— Туман-ювелир самодовольно погладил подбородок и взглянул на сына.

Аваз с грустным сомнением опустил глаза.

— Эй, Зулун! Продаю кирпичи!— крикнул Туман.— Не нужны ли тебе?

Зулун с женой сидели на пороге своего нового дома. Они переглянулись и пожали плечами.

— Зачем нам кирпичи? Мы уже построились,— ответил Зулун.— А чьи они?

— А ну тебя!— махнул рукой ювелир и отправился дальше. Аваз плелся за ним.— А тебе, Таштан, нужны кирпичи? Дешево продам,— снова крикнул Туман.— Ну, решайся!

— На черта они мне нужны?— холодно ответил Таштан.— Мне хватило моих. Но что заставляет тебя продавать кирпичи?

— Это мое дело,— надменно ответил ювелир.

Таштан крикнул своему соседу Зулуну:

— Эй, Зулун, что это с ним? Какая нечистая сила его попутала?

— Да кто его поймет? Всегда он был чудак, а сейчас что-то совсем взбесился,— ответил сосед.

Туман и Аваз в поисках покупателя дошли до конца улицы. Но ни в одном доме не нашлось человека, которому были нужны кирпичи.

— Да никто и не купит,— сердито сказал Аваз.— Что они, дураки, чтоб покупать твои кирпичи? Все уже построили дома...

Аваз с упреком взглянул на отца.

— Погляди-ка, кажется, Ормотой еще не достроил,— вспомнил Туман.— Он только недавно заложил фундамент. Идем к нему. Почему же я раньше не вспомнил о нем?

Отец с сыном пришли к Ормотою. Но штукатурка не было дома.

— Ормотой сейчас у Бороша,— сообщила Зыйнат, которая подсыпала зерна голому петуху.— Джали вставляет ему зубы...

Туман и Аваз отправились к старику Борошу.

Дом старика Бороша был уже достроен. В этом была большая заслуга Джали. Только поэтому старики простили внуку его старые грехи.

Сейчас на террасе их дома несколько человек укрывались от дождя. Здесь был и бригадир Конурбай со своей женой и Малике, Токтор-колыбельщик и подруги Малике — Асель и Датка. Все они уставились в угол террасы, и казалось, что они с увлечением смотрят телевизор. Там демонстрировал свое искусство Джали. Его пациентом был штукатур Ормотой.

Туман и Аваз поднялись на террасу.

— Ой, бедняги, вы промокли, скорее проходите,— приветствовала их старуха Каным, сидевшая за прялкой.— Ну-ка, ребятки, подвиньтесь и уступите им место.

Зрители потеснились.

— Ну как, кончили работу? Сложили кирпичи?— спросил Тумана Токтор-колыбельщик.

— А пропади они пропадом!— ответил Туман и распахнул намокший чапан. Там у него за пазухой попискивали несколько птенцов куропаток.— Я продаю кирпичи. Есть среди вас желающие? Ормотой, по-моему, тебе пригодятся мои кирпичи!

Рот штукатура был открыт, в нем возился своими щипцами Джали. Поэтому Ормотой только вытаращил глаза и помотал головой.

— Не нужны?— удивился Туман.

— Эй, чудака, что с тобой творится?— удивился старик Борош, перебирая четки.— Что ты придумал?

— Я решил строиться в будущем году,— объяснил Туман.— В этом я уже не успею. А в следующем начну с ранней весны...

— А до весны где собираешься жить?— поинтересовался Конурбай.— Осенью твой старый дом снесут.

— Что-нибудь придумаем,— не унывая ответил Туман.

— Так не годится, это ребячество, Туман,— упрекнул ювелира старик Борош.— Не к лицу это тебе в твоём возрасте!

— Да что вы все поучаете дядю Тумана?!— вмешался в разговор Джали.

И, вытащив изо рта штукатура щипцы, обратился к Туману:

— Каждый живет своим умом, дядя Туман. Я так понимаю. Значит, вы решили продать свои кирпичи?

— Да,— коротко ответил ювелир.

Он вытащил из-за пазухи птенца и начал кормить его яичным желтком. Он ловко разводил птенцу клюв и пропихивал в него кусочки желтка, смоченные слюной.

— А что вы собираетесь делать со стройматериалом, который вам выдал колхоз?— спросил Джали. Хитрые глазки его блеснули.

— Тоже продам.

— Я тебя предупреждаю, Туман,— сурово обратился к ювелиру Конурбай.— Колхоз больше не выдаст тебе материала.

— Ну и пусть не выдаст. Сам найду,— безмятежно ответил ювелир. Он вытащил из-за пазухи второго птенца и принялся кормить его.— Сейчас мне нужны деньги. Я хочу снова жениться, да и сына пора сватать.

Аваз покраснел от отцовских слов и, наклонившись, начал смущенно возиться со своими промокшими ботинками.

— Дядя Туман прав,— повернувшись ко всем, заявил Джали.— На две свадьбы понадобится куча денег. Я его выручу. Его кирпичи и стройматериалы куплю я!

Все, пораженные неожиданными словами Джали, уставились на него.

— А зачем они тебе?— удивился Туман.— Ты ведь уже закончил свой дом.

— Этот дом я помог построить старикам,— важно ответил Джали.— А теперь хочу построить дом для себя. Я ведь уже не мальчик, до каких пор мне жить под опекой родных? Мне тридцать лет. Я хочу иметь свой дом. И если кто-нибудь выдаст за меня свою дочь, я женюсь. Что вы на это скажете?

Его взгляд задержался на Малике. Малике вспыхнула и опустила глаза.

— Что ж, Джали говорит дело,— одобрили присутствующие. Обрадовались и старик Борш со старухой Каным.

— Жир тебе в рот, кормилец наш,— довольно произнесла старуха Каным.— За твое доброе намерение, как говорят в народе, солнце озолотит твою голову, а луна осеребрит твои ноги...

— Намерения у тебя хорошие, внучек,— сказал Борш.— Но, может, было бы лучше, если бы ты и твоя жена поселились с нами вместе под одной крышей? Мы со старухой только бы радовались.

— Нет,— возразил Джали.— Я хочу построить себе другой дом. Двухэтажный.

— Двухэтажный?— сорвалось у Малике. Девушка смутилась и быстро опустила глаза.

— Двухэтажный,— решительно ответил Джали, глядя на Малике.— Такого дома здесь еще не было. Внизу будет гостиная, амбар и кухня; наверху — спальня и мой кабинет. Готовить будем только на газе. В доме устроим паровое отопление.— Джали с гордым видом оглядел всех.— Я бывал в таких домах...

— Да-а,— протянул Токтор-колыбельщик.— В нынешние времена не тот больше знает, кто долго прожил, а тот, кто много видел. Нынешней молодежью мы можем гордиться...

— Вот так, дядя Туман,— сказал Джали.— Как только перестанет дождь, пойдём оценим стройматериалы и кирпичи. Но скажу наперед: сегодня я дам половину суммы, а другую половину вы получите осенью после обмолота риса.

— О каком рисе ты говоришь, Джали? У тебя же его нет,— удивился Туман.

— Вы правы, у меня нет риса. Но зато он есть у других бешкемпирцев,— спокойно ответил Джали.— А все бешкемпирцы мои должники. У кого только сверкнут во рту новые вставленные зубы, знайте, он мой должник.

Джали был прав. Поэтому все сидящие на террасе расхохотались, и у большинства во рту сверкнули новые зубы. Правда, все они были из дешевого сплава. А золотые были только у родителей Малике и у самой Малике...

9

Полдень. Знойное марево дрожит над табачными полями, которым нет ни конца ни краю. Вдали темнеют высокие горы, сверкают их ледяные шапки. От сверкания далекого снега в низине кажется еще жарче.

Мимо высоких табачных кустов, среди которых можно спрятать верблюда, вьется узкая дорога. По дороге, дребезжа, катится старая бричка, запряженная двумя лошадьми. За вожжами сидит Аваз.

Большие тюки с табачными листьями выстроились вдоль дороги. Возле тюков стоят сборщицы табака — девушки и женщины. Они ждут Аваза. Погрузив тюки на бричку, работницы плетутся вслед за бричкой.

Жарко печет солнце. Все устали. Однако в толпе девушек раздается смех.

— Аваз, можно я к тебе сяду? — кокетливо спрашивает Асель, поравнявшись с бричкой.

— Пройдешься пешочком. Это полезно, — невозмутимо отвечает Аваз.

— А меня посадишь? — задорно спрашивает Датка.

— Вы что, очумели? — вмешалась в разговор жена Сулеймана. — Он посадит рядом с собой только Малике.

Женщины и девушки громко рассмеялись и отстали от брички. Аваз даже не обернулся. И поехал дальше один.

У дороги нет больше ни одного тюка. Но Аваз остановил бричку.

— Эй, Малике! — встревоженно крикнул он. — Где же ты? Неси скорее!

Из-за куста с огромным тюком на спине показалась Малике. Девушка еле донесла тюк до брички.

— Прими же! — приглушенно крикнула она из-под тюка.

Но Аваз не успел подхватить тюк, и тот упал на землю.

— Э-эх ты, слабачка! — засмеялся Аваз и соскочил с брички.

— Я слабачка? — возмущенно воскликнула Малике. — А ну подними-ка сам, тогда узнаешь!

Малике вытерла концом платка пот со смуглого лба.

Аваз легко поднял тюк и вскинул его на бричку.

— Где твоя мама, Малике?— робко спросил он.

— Она еще рвет табачные листья,— ответила Малике.

Взгляд Аваза упал на расстегнувшийся ворот платья Малике. В воротах виднелась ее золотистая грудь. У юноши перехватило дыхание. До чего же красива Малике! Он и не знал, что от женской красоты может так сладко колотиться сердце...

— Ну и припекает же сегодня солнце,— вздохнула Малике.

Аваз нежно погладил ее влажный лоб. Малике растерялась. Но она не ударила его по руке. И девушка молчала, когда губы Аваза приблизились к ее лицу.

Аваз тихо поцеловал ее в лоб. Волосы Малике пахли полынью. Кожа ее была соленой и теплой. Никогда ничего подобного не знал Аваз.

Малике наконец опомнилась.

— Дурак!— крикнула она Авазу и побежала по дороге.

Аваз на бричке догнал ее.

— Садись,— сказал он, не глядя на девушку.

Малике не остановилась. Несколько минут с опущенной головой она шла рядом с бричкой. Потом отстала, улыбнулась и незаметно села на торчащую сзади тележную ось.

Аваз оглянулся. За высокими тюками он не увидел Малике. Однако он заметил ее тень на дороге, скользящую вместе с бричкой. Он засмеялся. На душе его стало радостно и легко.

— Но-о-о!— весело подстегнул он вожжами лошадей.

Они подъехали к арыку. В арыке, журча, струилась холодная вода. Лошади начали жадно пить воду. Капли воды стекали с их губ и сверкали на солнце.

— Аваз, посмотри, что творится в воде!— вдруг крикнула Малике.

По арыку, медленно кружась, плыли яблоки, персики, алыча. Это было необыкновенное зрелище. Блестящие,

омытые водой плоды, плавно покачивались и сталкивались друг с другом.

Аваз спрыгнул с брички и полез в воду. То же сделала и Малике. Весело толкая друг друга, они с жадностью ловили плоды в воде между ногами лошадей.

— Малике, эти урючины из сада дедушки Бороша,— смеясь кричал Аваз и набивал рот спелым урюком.

— А эти яблоки приплыли из нашего сада,— хохотала Малике.— Я узнала их!

— А эти чудесные персики из нашего сада...

Аваз и Малике стояли в воде среди плывущих плодов и, весело хохоча, смотрели друг на друга.

10

В Какыр-Сае, на том месте, где хотел поставить свой дом Туман-ювелир, строил дом Джали. Ему помогали Сулейман и Ормотой. По всему видно, что дом действительно будет двухэтажный.

Аваз на порожней бричке уже который раз проезжал мимо этой стройки.

— Эй, Аваз, останови-ка бричку!— крикнул Джали и слез со стены.— За табаком едешь?

— За табаком. А что?

— А вот что!— обратился к юноше Джали.— Может, ты ответишь на мой вопрос? Ты ведь учился с Малике... Хорошая она девушка? Что она из себя представляет?

Аваз оторопело смотрел на Джали. Тот усмехнулся, и в глазах его вспыхнул недобрый свет.

— Малике — очень хорошая,— удивленно пробормотал Аваз.— А почему вы спрашиваете?

— Да вот хочу посоветоваться,— небрежно бросил Джали.— Я обещал своим старикам построить дом к седьмому ноября. И просил их сосватать мне невесту. А они навесили серьги на ухо Малике...¹ Ты слышал об этом?

¹ Навесить серьги на ухо — киргизский обычай сватовства.

Аваз побледнел.

— Нет, не слышал. Значит, теперь Малике выйдет замуж за вас?— сдавленным голосом пробормотал он.

— Конечно. Если я захочу,— самодовольно ответил Джали.— Я еще не решил. Хочу знать, что о ней думают люди...

Аваз до крови закусил губу. Он ничего не ответил Джали и бешено стегнул лошадей. Лошади рванулись прочь. Аваз стоял в бричке во весь рост и яростно нахлестывал лошадей. Глаза юноши жгли слезы.

А Джали, усмехаясь, смотрел ему вслед. Он знал, что именно так закончится этот разговор.

11

Осень. Оголились поля в Беш-Кемпире. Леса в горах пожелтели, а в долине кажется, что сады горят золотым и алым пламенем. Прозрачный воздух чист и грустен.

Аваз, о чем-то размышляя, стоит в саду старика Бороша.

Осеннюю тишину нарушает рев бульдозера. Бульдозер работает в саду, с корнем выкорчевывая из земли деревья. Трепеща пожелтевшей листвой, деревья со стоном валятся на землю. Повсюду лежат срубленные шершавые стволы урюка.

Аваз махнул бульдозеристу рукой. Кабыл весело выглянул из кабины и заглушил мотор.

— Эй, Аваз! Куда ты идешь?— крикнул он улыбаясь.

Аваз изменился за эти дни. Лицо его стало жестче, глаза смотрят сурово.

— Корову нашу ищут,— неохотно сказал он.— Случайно не видел?

— Недавно несколько коров прошли к саду Малике. Ищи там,— сказал Кабыл и вытащил из кармана сигареты и спички.— Закуришь?

Аваз кивнул. Кабыл дал ему прикурить. Оба затянулись.

— Ты слышал, Аваз, что наша Малике теперь работает продавщицей в новом магазине?— спросил Кабыл.

— Слышал,— хмурясь ответил Аваз.

— Это хорошо,— засмеялся Кабыл.— Будет у кого стрелять сигареты взаимы...

Аваз не улыбнулся в ответ.

— А когда свадьба Джали, знаешь?— осторожно спросил Кабыл.

— Отец говорил, кажется, седьмого ноября,— угрюмо ответил Аваз.

Некоторое время оба молчали.

— Сколько здесь валяется дров...— сказал Аваз, глядя на вывороченные стволы деревьев.

— Да, весь сад,— с грустью сказал Кабыл.— Возьми себе эти дрова. Старику Борошу этих дров хватит до конца жизни...

— Я лучше возьму из сада дяди Ормотоя. Все же поближе к нашему дому. Когда ты там будешь корчевать?

— На будущей неделе.

Аваз кивнул.

— Пока светло, пойду искать корову,— сказал он и бросил окурочек в траву.

— Иди,— согласился Кабыл, закладывая свой окурочек за шапку. Он снова включил мотор.

Аваз отправился искать корову, а Кабыл еще долго смотрел ему вслед.

Аваз остановился у сада Малике. Сколько раз он бывал здесь раньше! Сколько раз провожал он сюда Малике из школы! И что же из этого получилось? Ему не хотелось видеть Малике. Куда подевалась эта проклятая корова? Вечно она пропадает...

Вдруг Аваз увидел Малике. В своем синем платице девушка, напевая, погоняла хворостинкой козу и несколько овец. Лицо у нее было безмятежным и веселым, она

нисколько не изменилась. Такие же красивые глаза и брови, такой же золотой пушок на коже, такие же ловкие быстрые руки.

Сердце Аваза заколотилось. Малике — невеста этого ненавистного Джали! Его родные навесили ей серьги на уши. И она довольна этим! Смеется и напевает, когда у него сердце заходится от боли. Нет, он не должен показывать ей этого!

Малике увидела Аваза и резко остановилась. Она смутилась, а лицо Аваза помрачнело.

— Здравствуй, Аваз,— тихо сказала Малике.

— Здравствуй,— ответил Аваз.

— Что ты делаешь в нашем саду?

— Ищу корову. Случайно не видела?

— Вашу корову? Нет. А что ей здесь делать?

— Говорят, забрела в вашу сторону...

Некоторое время оба молчали.

— На мою свадьбу придешь?— неожиданно спросила Малике. Глаза ее сверкнули.

Аваз не ответил, повернулся и пошел прочь.

— Аваз!— крикнула Малике.— Подожди.

Аваз обернулся. Брови его угрюмо сдвинулись.

— Ты на меня сердишься?— тихо спросила Малике.

— Нет,— ответил Аваз.

— А я думала, что сердишься,— лукаво сказала Малике.

— Почему я должен сердиться?— еще больше нахмурился Аваз.

— Не знаю,— ответила Малике.

Она отчего-то вздохнула.

— Ты ведь встретила в нашем кишлаке образованного человека. Не колхозника,— насмешливо сказал Аваз.

— Да, встретила,— тряхнула косами Малике. Она тоже нахмурилась. Лицо ее стало упрямым.

Аваз повернулся и пошел из сада. Малике смотрела ему вслед. С ветви старого дерева сорвался желтый

лист и, медленно планируя, летел прямо в лицо Авазу. Но Аваз не видел этого.

Малике прикусила губу, но потом тряхнула косами и улыбнулась. Взмахнув хворостинкой, она снова погнала овец и козу к своему дому.

12

День выдался прохладным и пасмурным. В небе медленно плыли тяжелые тучи.

По каменистой, блестящей после дождя дороге, подпрыгивая, тащится бричка. На бричке свалены огромные тюки табачных листьев. На тюках восседает Аваз и негромко насвистывает какую-то невеселую мелодию.

Вдруг Аваз заметил незнакомую женщину. Женщина сидела на земле у дороги и кормила грудью ребенка. Женщина была городского вида, полная, желтоволосая, не очень красивая. На земле около нее стоял большой черный запыленный чемодан.

Бричка поравнялась с ней, и женщина что-то крикнула Авазу по-русски. Аваз не расслышал и остановил бричку.

— Куда вы едете?— повторила женщина, приветливо улыбаясь. Глаза у нее были голубые, слегка выцветшие. Под глазами легкие морщинки. Во рту сверкали два золотых зуба.— Не в сторону ли Какыр-Сая?

Аваз понимал по-русски.

— Да,— ответил он коротко.

— Это как раз то, что нам нужно,— сказала женщина, поднимаясь.— Молодой человек, возьмите нас с собою. Мы тоже едем в Какыр-Сай. Я вас очень, очень прошу...

— Садитесь,— сказал Аваз, кивнув головой.

Женщина подхватила чемодан и подошла к бричке. Аваз помог ей с ребенком взобраться на бричку.

— Ну, вот... Большое, большое спасибо,— благодарила женщина, удобно усаживаясь на тюках.— Фу, я бы пропала без вас...

Голос у женщины был приятный, и она чем-то понравилась Авазу. Может, тем, что она так спокойно и уютно устроилась на тюках, не смущаясь, что они незнакомы.

Бричка тронулась с места. Женщина поправила одеяльце на ребенке и снова приветливо обратилась к Авазу:

— Значит, вы едете в Какыр-Сай? А сами вы откуда будете?

— Из Беш-Кемпира,— ответил Аваз.

— А, вот как!— обрадовалась женщина.— Тогда скажите мне, знаете вы Джали Борошева?

— Знаю.

— Он раньше жил в Целинограде. Значит, он приехал к себе в деревню?

— Приехал.

— А сейчас он там?

— Там.

— Ага... Там...— Что-то прикидывая, женщина опустила голову и задумалась. Потом резко подняла голову.— А говорил, что пробудет здесь не больше недели... Лгун! Негодяй!— с презрением сказала она, и голубые глаза ее загорелись гневом.

Аваз, ничего не понимая, удивленно смотрел на незнакомку.

Она снова повернулась к Авазу:

— А мы как раз к этому Джали и едем. Мы, как говорится, его семья.

— Его семья?— воскликнул Аваз.

— Ну да! Я его жена, а ребенок — его сын. Его зовут Аваз.

— Аваз?!

— Да. Так назвал его сам Джали. Он говорил, что в вашей деревне есть очень славный парень, которого зовут Аваз. Есть такой парень?

Аваз смутился, не зная, что ответить.

Малике в магазине деловито смахивала щеткой пыль с тугих рулонов материи.

Открылась дверь, и со смехом вбежали Асель и Датка. — Ой, сестрица, налей-ка нам водочки, не вечны мы в этом мире, — смеясь и передразнивая кого-то, жалобным голосом проговорила Асель. Датка оперлась о прилавок и тоже смеялась, показывая белые зубы.

Малике вступила в игру.

— Ах вы пьяницы! — ответила она, подходя к подружкам. — Не налью я вам никакой водки. А то жены устроят вам хорошую взбучку.

Все трое расхохотались.

— Ты во время обеда была дома? — спросила Датка у Малике.

— Нет, — ответила та.

Датка и Асель переглянулись и загадочно улынулись.

— К старику Борошу приехала какая-то русская женщина с грудным ребенком, — сообщила Асель.

— Мы идем поглядеть на нее, — добавила Датка.

— Русская? А зачем она приехала? — удивилась Малике.

Но девушки вместо ответа рассмеялись и выбежали из магазина. Малике не успела их окликнуть, как в магазин вошел Зулун.

— Ой, налей-ка, сестрица, водочки для тленной души, — заклинул он, глядя на Малике осоловелыми красными глазами. Видно было, что он возвращался с очередной попойки.

— Нет для вас водки, дядя Зулун, — сердито ответила Малике, с тревогой глядя в окошко на удаляющихся подруг. — Расплатитесь-ка лучше с прежними долгами...

Во дворе старика Бороша собрались жители почти всего поселка. Они пришли взглянуть на приехавшую русскую женщину.

Перед домом на покрытом ковром топчане сидела желтоволосая незнакомка с ребенком на руках. Рядом с нею стоял большой черный чемодан.

Бешкемпирцы глазели на женщину и ребенка, а женщина спокойно и приветливо улыбалась им.

— Вы же считаетесь одним из мудрейших в нашем кишлаке, Борош-аке,— укоризненно говорил Туман.— Разве можно так встречать приезжего человека? Гость у нас священен. К тому же это женщина с ребенком...

— Туман верно говорит,— поддержал его Таштан.— Эта гостя с ребенком приехала издалека. Я по ее лицу вижу, что она ехала долго...

— Нет, нет!— не соглашался Борош, нервно стуча палкой о землю. Он был в ярости.— Не уговаривайте меня! Мне и во сне не снилась такая жена Джали. Ни за что не соглашусь принять ее! Откуда она свалилась на нашу голову?

— Да что ты стоишь как истукан? Мужчина ты или нет?— крикнул Туман-ювелир стоявшему в сторонке испуганному Джали.— Ответ своему деду что-нибудь! Заварил кашу, так расхлебывай сам...

— Дедушка!— приглушенным голосом умоляюще произнес Джали.

— Замолчи, негодяй!— крикнул старик Борош и стукнул палкой о землю.

Никто не заметил, как во двор вошли Конурбай и его жена Заура. Лицо бригадира было мрачным, вид у его жены подавленный. Конурбай вел за собой корову, а Заура держала в руках большой узел. Из узла выпирали разноцветные ткани. Все уставились на них.

Бригадир молча привязал к забору корову, подошел к Борошу и достал из-за пазухи толстую пачку денег.

— Борош-ава¹, я возвращаю вам ваш калым за невесту,— сказал он, протягивая деньги багровому от стыда старику.— А это ваши подарки, ткани на одежду невесты и скотина. Если мы что-нибудь забыли, напомните. Мы тут же принесем...

¹ А в а — почтительное обращение к старику.

Конурбай и Заура оставили корову и узел и молча пошли прочь со двора.

— Эй, Конурбай!— спохватился Борош.— Конурбай! Заура! Подождали бы, родные, пока дело не выяснится. Нельзя же так сразу решать. Заура! Конурбай!— заметался старик.

Но родители Малике даже не обернулись.

Старик обратился к Авазу:

— Аваз, родной, не опозорь меня перед людьми. Ты знаешь русский язык. Скажи, сынок, этой женщине, пусть сейчас же уезжает туда, откуда приехала. Отправь ее, родимый! Все дорожные расходы я оплачу. Скажите все вместе, люди!

И, не дожидаясь ответа, старик Борош подбежал к женщине и бросил ей на колени деньги, которые принес ему Конурбай. Деньги рассыпались по одеялу ребенка.

— На! На! Бери и немедленно уезжай! Уедешь?— кричал он, показывая женщине на дорогу.

Женщина сначала поглядела на старика, потом на глазевшую на нее толпу и неожиданно усмехнулась. Затем люди стали свидетелями странной сцены: женщина запеленала ребенка вместе с деньгами, достала из чемодана вещи ребенка и его игрушки и положила рядом... Потом поцеловала ребенка и, ухватившись за чемодан, встала.

— Прощай, сынок. Оставайся со своим отцом,— сказала она.— Живы будем, может, когда-нибудь свидимся...

Так она попрощалась со своим сыном и, не глядя на удивленных людей, пошла по дороге.

— Ева! Ева!— не выдержал Джали и кинулся за ней. Но женщина не обернулась.

— О господи!— забеспокоилась старуха Каным и подбежала к младенцу.— Эта пропащая бросила нам своего ребенка!

Старик несколько секунд стоял в полной растерян-

ности, не зная что делать. Потом тоже подошел к младенцу.

— Люди добрые!— подавленно обратился он к толпе.— Уберите с моих глаз этого ребенка. Аваз! Туман! Возьмите эти деньги, отдайте ей! Делайте с ними что хотите, но помогите мне... Уф-ф!

Обессиленный, бледный Борош опустился на топчан. А Туман-ювелир вдруг оказался возле ребенка и, подхватив его на руки, выбежал со двора вслед за Евой.

— Аваз!— крикнул он сыну.— Идем! Будешь переводчиком.

Аваз, беспокойно оглядываясь на людей, поспешил за отцом.

13

В один из теплых осенних дней Туман-ювелир сидел в своем саду на топчане и стригся. Его парикмахером была Ева. Кроме Тумана на топчане примостились Аваз и бабушка Унсун. Старушка кормила ребенка кашей, Аваз исполнял роль переводчика.

— Аваз, скажи Еве,— попросил Туман,— что председатель Ташмат — мой друг. Он ни в чем мне не откажет. К тому же в Какыр-Сае обязательно нужна парикмахерская. А помещение для парикмахерской подыщем. Если не найдется, я сам построю...

— Ты только говорить мастер, а как коснется дела, то в сторону,— проворчала бабушка Унсун. Но ее никто не слушал.

Аваз перевел слова отца.

— А теперь, Аваз, переведи отцу,— попросила Ева.— Пусть он скажет председателю, что я мужской мастер. Но если нужно, я могу стать и дамским. Еще. Если председатель захочет, пусть установит для меня зарплату, а если нет, то я согласна работать за трудодни.

Туман внимательно слушал Еву. Для того чтобы разговаривать с ней, он понемногу учил русский язык, но пока не мог обходиться без помощи сына.

Аваз не успел перевести слова Евы. За глинобитным забором зарокотали трактора. Все тревожно переглянулись. Грохот тракторов усиливался. Через несколько минут перед хозяевами дувал в двух местах с треском обвалился и за ним показались бульдозеры.

Туман вскочил с места.

— Э-й-эй! Что вы делаете?— закричал он, глядя на приближающиеся бульдозеры. Потом спрыгнул с топчана и забегал по саду.

Бульдозеры остановились. За рулем сидели Кабыл и Максат. Они виновато переглянулись.

— Простите, Туман-ава,— смущенно произнес Кабыл.— Мы думали, что вы уже переехали...

— Вы не виноваты,— тихо ответил Туман. Потом медленно перевел взгляд на сидящих на топчане. И опустил голову. Ему было стыдно смотреть им в глаза.

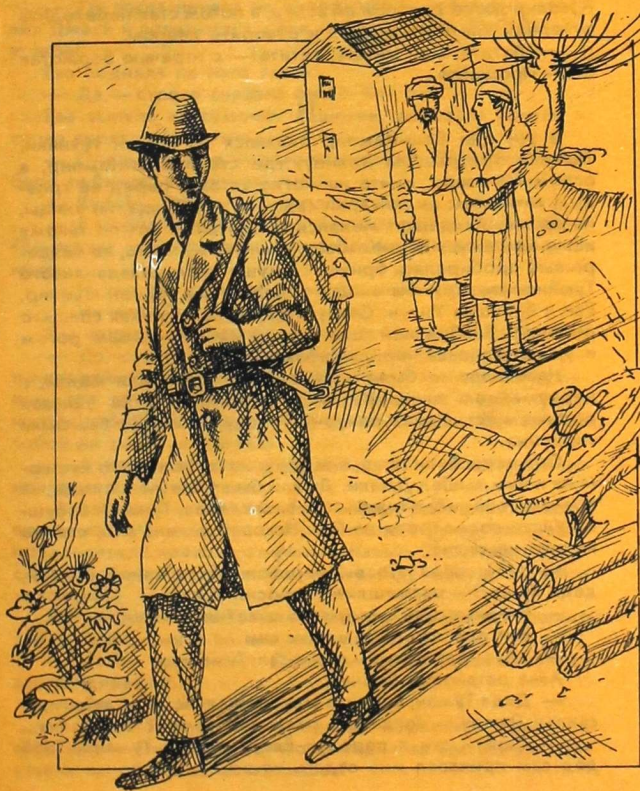
— Аваз, запрягай бричку,— сморщился он, словно от сильной боли.— Будем переезжать...

Аваз вопросительно посмотрел на него, хотел что-то сказать, но не решился. Он тихо слез с топчана и удалился.

Туман повернулся к бульдозеристам. Кабыл и Максат ждали, что он скажет им. Туман дал знак, что они могут приниматься за свою работу. Кабыл и Максат запустили моторы, и громадный персиковый сад наполнился треском и гулом падающих деревьев.

— Идите собирайте вещи,— кивнул Туман Еве и бабушке Унсун. Те молча поднялись и ушли в дом.

Туман посмотрел на клетки, висящие на деревьях. Грубый рев бульдозеров заставил перепелок неистово заматываться в клетках. Туман вынул нож, срезал веревку, на которой висела ближайшая клетка, и отворил дверцу. Из-за долгого заточения птица отвыкла от легкого полета. Она тяжело вспорхнула и неуклюже полетела над садом.

Ювелир долго смотрел ей вслед, а потом стал переходить от одной клетки к другой и отворять дверцы.

— Летите, мои милые, летите!— с горечью бормотал он.— Прощайте...

14

В эти дни Беш-Кемпир оказался во власти техники. Техника превращала долину, где стоял Беш-Кемпир, в огромное озеро. Ничто не могло устоять перед ее грозным натиском: ни дома, ни сады, ни кладбища, ни улицы, ни арыки. Ландшафт менялся на глазах. И вот по такому изменившемуся Беш-Кемпиру, по голому полю, по бездорожью пробиравась бричка с имуществом незадачливого Тумана-ювелира. На вещах сидели Аваз, Туман-ювелир, Ева и бабушка Унсун. Старуха держала на руках спящего ребенка. За бричкой шла корова со сломанным рогом и уныло плелась черная собака.

Невеселое то было переселение. Все ехали молча, с недоумением оглядываясь по сторонам и не узнавая родных мест. Туман понурил голову, и только Ева была спокойна.

Они пересекли поле, как вдруг из-за колючего кустарника к ним вышел Джали. Джали был в светлом плаще, за плечами его висел тяжелый рюкзак. Аваз, Туман и бабушка Унсун посмотрели на Еву. Но она сделала вид, словно никого не видит.

— Эгей, куда это вы переезжаете с такой оравой, дядя Туман?— насмешливо спросил Джали.

— В Какыр-Сай,— коротко ответил Туман.

— Вот оно что. А я шел к вам.

— Аваз, останови,— приказал Туман.

Аваз остановил бричку.

— Дядя Туман, верните мне, пожалуйста, те деньги,— сказал Джали.— Тогда дед раскидал их просто сгоряча...

— Деньги эти я передал Еве,— сказал Туман.— Твой дед сам приказал мне отдать их ей.

— Он тогда ничего не соображал,— небрежно ответил Джали и повернулся к Еве.— Это правда, Ева? Деньги у тебя?

Ева подняла на него глаза.

— Да,— строго сказала она.— Вот они.

Ева вынула из сумочки кошелек, показала Джали и снова спрятала обратно.

— Очень хорошо,— довольно сказал Джали.— Тогда бери ребенка, и едем со мной.

— Куда?— язвительно спросила Ева.

— В город. На этот раз мы поедem в Ленинабад. Там живет мой приятель, он работает в городской клинике...

— И что же дальше?— тем же тоном спросила Ева.

— Ничего. Там мы будем жить.

Ева некоторое время пристально смотрела на Джали.

— До чего же ты все-таки мерзкий человек, Джали,— с презрением сказала она.— Неужели ты всерьез думаешь, что после того, что случилось, я соглашусь снова жить с тобой? Нет, дорогой, я остаюсь здесь, больше за тобой ни шагу не сделаю.

— А что ты собираешься здесь делать?— насмешливо поинтересовался Джали.

— Работать,— ответила Ева.— Буду работать по своей профессии. Мир не без добрых людей. Туман попросил председателя колхоза открыть в Какыр-Сае парикмахерскую. И еще я сделаю вот что: выйду замуж за этого человека!

И Ева указала на Тумана-ювелира. Джали вытаращил глаза. Такое ему и во сне не снилось.

— Что?— воскликнул Джали.— Ты выйдешь замуж за этого человека?

— Да.

— Дядя Туман, она бредит?— обратился Джали к ювелиру.— Она говорит, что выходит за вас замуж. Неужели вы обещали ей жениться?

— Женюсь, если только она согласится,— твердо произнес Туман.

Джали не знал, что отвечать. Наконец он с кривой улыбкой обратился к Еве:

— Ты с ума сошла! Он же тебе в отцы годится.

— Тем лучше,— сказала Ева.— Заодно буду иметь и отца. Ведь у меня его не было...

— Посмотри на него! Он же беззубый. Я сам вставил ему три верхних зуба. Он еще даже не расплатился со мной за них...

Ева невозмутимо взглянула на Джали.

— Лучше иметь мужем пожилого порядочного человека, чем молодого негодяя,— с презрением сказала она.

Глаза Джали вспыхнули яростью.

— Ладно,— прошипел он.— Тогда верни мне деньги и я поеду один.

— Вот это уже другой разговор,— насмешливо сказала Ева.— Давно бы так и сказал. Я понимаю, почему ты хочешь уехать со мной. Так вот, дорогой, тебе больше не видать этих денег. Считаю, что ты выплатил мне алименты за десять лет вперед. Это будет справедливо.

— Ева!— взмолился Джали.— Имей совесть, это ведь деньги моего деда, а значит, и мои...

— И ребенок твой. Хочешь, я сейчас верну тебе сына и деньги?

Джали испугался. Лицо его пожелтело. Он затряс головой.

— Я знала, что ты не захочешь этого,— сказала Ева.— Аваз, поехали!

Аваз слушал весь разговор молча. Ему было неловко за отца, и его злило поведение Джали. Кто из них прав? Но теперь после слов Евы он успокоился. Джали плохой человек, и Ева права. Аваз резко хлестнул лошадей, и бричка снова двинулась в путь.

— Подождите!— отчаянно крикнул Джали.

Туман и Аваз переглянулись, и Аваз снова остановил лошадей. Джали быстро подбежал к ним.

— Ты едешь в Какыр-Сай,— обратился он к Еве.— А где ты там будешь жить? Твой жених не позаботился о твоём будущем.

— Покороче,— сказала Ева.— Что тебе надо?

— У меня в Какыр-Сае остался двухэтажный дом. Если хотите, можете купить его у меня. За мои же деньги.

— Об этом ты говори с Туманом,— равнодушно сказала Ева.

— У него же нет ни гроша за душой. Всякий это знает,— скривившись в улыбке, сказал Джали.— Он живет как перекасти-поле...

— Если он захочет, то купит твой дом,— твердо сказала Ева.— Мои деньги — его деньги.

— Ах, вот как? Значит, мои деньги — его деньги?

— Слушай, не задерживай нас.

— Ладно,— тяжело вздохнув, сказал Джали.— У меня нет другого выхода.

Он повернулся к Туману-ювелиру:

— Я продаю свой дом. Двухэтажный.

— А как же ты сам?— спросил Туман.

— Обо мне не беспокойтесь,— разозлился Джали.— Будете покупать?

— За сколько?

— Пять тысяч.

— Дорогой, хорошенько поторгуйся,— сказала Ева Туману.— Он мошенник и обманет тебя.

— Тысяча рублей,— предложил Туман.

— Что?!— крикнул Джали.— Вы что, шутите? Вы подумайте, прежде чем говорить! Вы знаете, сколько в городе стоит такой дом? Десять тысяч!

— Вот иди и продавай в городе,— спокойно ответил Туман.— Аваз, поехали!

Аваз дернул вожжи, но Джали взял лошадей под уздцы.

— Дядя Туман,— произнес он более спокойно,— вы же видите, мне приходится поневоле продавать дом. Вы сами свидетель, что после того, что произошло, мне здесь оставаться нельзя. Я уезжаю, а дом так и останется...

— Если ты уедешь, колхоз использует твой дом под детский сад,— сказал Туман-ювелир.

— Это, конечно, было бы хорошо. Тогда я продал бы дом колхозу. Но я был у председателя, и он мне отказал. Говорит, что весной сам построит детсад по типовому проекту. А у всех бешкемпирцев уже есть дома. Кроме вас...

— Я тоже, если мне будет суждено, весной построю себе дом.

— Нет, дядя Туман, когда есть готовый дом, зачем строить новый? Лучше давайте доведем дело до конца. Назовите соответствующую цену.

— Две тысячи,— сказал Туман.— И ни на копейку больше.

— Три тысячи,— возразил Джали.— И без того мои денежки плачут.

— Не хочешь, так пускай пустой дом заплачет. Но-о, поехали, сынок!

— Согласен,— сказал Джали, с ненавистью глядя на сидящих в бричке.

— Мать, дай мне те деньги, которые он мне заплатил за стройматериалы,— попросил Туман.

Бабушка Унсун молча вынула из кармана халата деньги, завернутые в узелок. Следуя ее примеру, Ева тоже протянула свои деньги Туману.

— Возьми,— сказал Туман.— Вторая пачка — это те деньги, которые ты дал мне за колхозные стройматериалы. Узнаешь их? Я ни копейки не потратил. Присоедини их к Евиным деньгам. И успокойся. Дело слажено честно.

— Ох и погорел же я,— уныло простонал Джали.— Такое со мной случилось впервые. Давайте деньги!

— Ну нет,— сказал Туман, отводя протянутую руку Джали.— Сначала ты дай мне ключи от дома. Я вчера видел на дверях большой черный замок.

Джали в сердцах плюнул и вытащил из кармана большой ключ. Туман взял ключ и только после этого отдал Джали деньги.

— А теперь, Аваз, поехали,— приказал он.

Аваз радостно хлестнул лошадей.

— Погоняй-ка, сынок, не жалея!— довольно крикнул Туман.

— Гэ-гэ-гэ-эй!— закричал Аваз, стоя в бричке во весь рост.

— Слава богу, мы избавились от этого плохого человека,— спокойно сказала Ева Туману, ласково глядя на него.— Теперь он оставит нас в покое...

Бричка, подпрыгивая, неслась по полю, за нею, словно ужаленная оводом, бежала корова, мчалась собака, громко лая.

Джали, стиснув в руке пачку денег, мрачно смотрел им вслед.

15

Единственная прямая улица Какыр-Сая видна с начала и до конца. Ближе к Какыр-Саю придвинулись горы. Раннее утро. В узкой долине прохладно и свежо.

Над домами из труб поднимается в прозрачное осеннее небо густой синий дым. Одни дома уже совсем готовы, другие еще недостроены, но люди живут и в тех, и в других.

Если взглянуть на Какыр-Сай с самолета, то квадратики домов с синими струйками дыма из труб, вытянутые в

одну ровную линию, похожи на взлетную полосу аэродрома.

Вдоль улицы уже врыты столбы и натянуты провода. Радио успели провести, и из установленного возле сельсовета репродуктора гремит на всю долину марш утренней гимнастики.

В это утро улица готовится к празднику Великого Октября. Всюду висят плакаты и лозунги и развеваются красные флаги. Прямо перед двухэтажным домом Тумана на небольшом постаменте стоит под брезентом памятник. Это памятник сыну старика Бороша — Герою Советского Союза Эрмату Борошеву, погибшему в Великую Отечественную войну. Открытие памятника приурочено ко дню Седьмого ноября. Улица так же названа именем Эрмата Борошева.

Железные таблички с номерами домов прибывает к стенам домов сам старик Борош. Через плечо его перекинут курджун, в руке молоток и гвозди. Подойдя к стене очередного дома, он достает из курджуна первую попавшуюся табличку и прибывает ее. Старик Борош не разбирается в цифрах. Потому номера домов перепутаны: рядом с домом номер девятнадцать стоит дом номер шестьдесят, далее следует дом под номером сто восемь, а следующий дом номер пять. Некоторые таблички прикреплены вверх ногами.

Старику Борошу доверили это ответственное дело, чтобы порадовать его. Никто не подумал, что он неграмотен. Однако это дело поправимое. В будущем все таблички с помощью Аваза или любого грамотного парня окажутся на своих местах. А пока старик Борош трудится с важным видом.

— Ассалом алейкум, Борош! — поздоровался со стариком Токтор-колыбельщик. Он вез на осле две колыбели. — Чем это ты занимаешься в такую рань?

— Эге, чудак, номерую дома, — с гордостью ответил старик, показывая Токтору квадратные таблички. — Здесь

написано имя моего сына. Понял? А насвай¹ у тебя есть?— старик Борош старался хоть немного задержать колыбельщика, чтобы похвастаться перед ним.— Теперь эта улица будет носить имя моего сына. Если ты откуда-нибудь получишь письмо, на конверте будет написано: «Вручить Токтору-колыбельщику, проживающему по улице Эрмата Борошева».

— Да, я об этом уже слышал,— ответил Токтор-колыбельщик, протягивая Борошу свою тыквенную насвайницу.— Председатель говорил, будто из Фрунзе привезут кино и ты сам будешь открывать памятник, а Джали будет прибывать номерки.

— Ты прав, кино действительно привезут,— объяснил Борош.— Памятник откроется в праздничный день.

— А почему же ты сам прибываешь номерки, а не Джали?— поинтересовался колыбельщик.

Старик Борош с досадой причмокнул языком.

— Неужели ты не слыхал? Этот бродяга продал свой дом Туману и уехал куда-то. Вот я и прибываю сам. Эти номера уже давно лежат у меня, и Зулун успел украсть один и прибить на свои ворота.

— Ну что ж, значит, он облегчил твой труд,— философски произнес Токтор.— Прощай, Борош, я спешу на базар. Кхэ,дохлый!

Колыбельщик погнал осла, а Борош снова принялся за свой труд. Мимо, сгибаясь под тяжестью двух седел, проковылял Нишан-шорник.

— Дай бог тебе силы, Борош,— произнес он, поравнявшись со стариком.

— Доброго пути, Нишан,— ответил Борош.— Подожди-ка. Есть у тебя насвай?

Старику Борошу хотелось похвастаться и перед Нишаном. Нишан остановился, скинул на землю седла и принялся рыться в карманах, отыскивая насвай.

¹ Н а с в а й — нюхательный табак.

— Вот прибываю номера,— важно сказал Борош, протягивая руку к насвайнице Нишана.— Все они с именем Эрмата.

— Привалило же тебе счастье, Борош,— грустно позавидовал Нишан.— Твой сын погиб, и ему дали имя Героя. Авторитет твой перед народом поднялся. А от моего — ни весточки. Двадцать пять лет уже прошло, а я не знаю, жив он или нет. Написали «пропал без вести»... Как пропал, куда пропал? Мы со старухой все ждем его. А ведь на фронт он ушел вместе с твоим Эрматом...

Старик Борош хотел разделить с соседом свою радость, а получилось наоборот — разделил чужое горе. Чуткий старик сразу поспешил исправить ошибку.

— Не горюй, Нишан,— сказал он, возвращая шорнику насвайницу.— Не теряй надежды... Может, в один прекрасный день твой сын заявится сюда и скажет тебе: «Ассалом алейкум, отец!» Возьми хотя бы Ормотоя-штукатура, он ведь тоже вернулся только через восемь лет после войны.

— Э-эх, если бы так... Слишком много лет прошло,— вздохнул Нишан и пошел своей дорогой.

Старик Борош взял следующую табличку с номером и начал прибывать ее к воротам Тумана-ювелира. Стук молотка заставил Тумана проснуться. Зевая и потягиваясь, он выглянул на улицу из открытого окна на втором этаже. Тумана-ювелира трудно было узнать. Вместо озабоченного, неряшливого мужчины перед стариком Борошем предстал помолодевший ювелир в новой полосатой пижаме. Усы и борода у него были аккуратно подстрижены, голова выбрита. Морщины на его смуглом лице разгладились, глаза глядели весело.

— Э-эй, Борош-аке!— крикнул он.— Зачем это вы ломаете мои ворота? Ведь ваш внук не дарил мне этот дом, а продал его за деньги!

— Не беспокойся, Туман,— недовольно ответил Борош.— Я не порчу твое добро.

Борош презирал Тумана за то, что тот оставил Еву в кишлаке, а потом еще и женился на ней. И мало того, купил у Джали дом. И в этом прекрасном доме живет не внук Бороша, Джали, а процветает этот чудаковатый ювелир.

Старик из-под бровей взглянул на Тумана.

— Зачем мне ломать твои ворота?— сурово спросил он.— Я не из тех, кто отбивает чужих жен и покупает чужие дома.

— Борош-аке, прежде чем говорить, подумайте,— обиделся Туман.— Вы же знаете, чужая жена сама вышла за меня. А дом мне продал бесчестный человек. Это тоже вам хорошо известно. Ему нечего было делать в нашем поселке, и он снова сбежал. В чем же я виноват?

Истина была на стороне ювелира. Это хорошо понимал старик Борош. Да, по правде сказать, Борош не злился на Тумана. Просто ему было грустно, что его надежды не оправдались и в этом доме живет не Джали с юной Малике, а Туман с Евой. Обидно, что у него оказался такой легкомысленный и никчемный внук...

— Бродяга этот Джали!— неожиданно взорвался старик.— Был бы с умом, жил бы здесь с семьей, а не скитался по чужим краям. Ты прав, Туман, он один во всем виноват!

Старик Борош совсем рассердился и с громким стуком забил последний гвоздь.

— Э-э, дядя Борош, вы мне так и не сказали, что вы делаете с моими воротами?— снова с беспокойством закричал Туман-ювелир.

— Бирку я прибавляю, чтобы твой дом имел номер,— ответил Борош.— Вот что я делаю!

— Ах, номер,— успокоился Туман-ювелир.— Так бы и сказали сразу, дорогой. И сколько номеров вы прибавляете к моим воротам?

— Один, конечно. Сколько же еще?

— А по-моему, два номера. Этажей-то два.

Старик Борош задумался.

— Не знаю,— сказал он.— Председатель велел мне прибить только один.

И Борош отправился дальше.

— Если у вас останется номерочек, то имейте в виду меня!— крикнул ему вслед ювелир.

— Посмотрим,— важно ответил Борош.— На той стороне я еще не начинал прибывать...

Борош ушел, а Туман почесал грудь и протяжно и сладко зевнул. И вдруг его зоркие глаза разглядели петуха Ормотоя во дворе Сайкал-дженге. У петуха за это время выросли перья, и он стал еще красивее.

— Что это значит?— удивился ювелир и позвал сына.— Аваз, Аваз!— закричал он, не отрывая глаз от петуха.

Из соседнего окна выглянул сонный Аваз.

— Что случилось, отец?— спросил он.

— Аваз, погляди-ка, это Басмач?— спросил Туман, указывая на важно прогуливающегося по двору петуха.

— Точно, он,— ответил Аваз, окончательно проснувшись.

— Почему он там очутился?— встревожился Туман.— Наверное, эта кифярка Сайкал, в отмщение Ормотою, украла у него петуха.

Словно в ответ на его слова, со двора Сайкал-дженге раздался счастливый смех. Ювелир нагнулся и увидел Сайкал-дженге, сидящую около коровы. Сайкал доила ее. Белые пенистые струи молока со звоном ударялись о дно ведра. Ювелир не успел ее окликнуть, как из дома Сайкал вышел Ормотой в белых кальсонах и белой рубашке.

— А! Добилась-таки своего!— сказал Туман и посмотрел на Аваза.

Аваз пожал плечами.

В это время в среднем окне показалась Ева в красивом шелковом халате.

— Ф-фу!— вздохнула она, сладко зевнув, и оперлась на подоконник белыми локтями.— Доброе утро, Аваз! Аваз улыбнулся ей в ответ.

С улицы слышался голос мальчика.

— Ева-дженге,— звал мальчик,— мама сказала, чтобы вы постригли меня!

Ева вопросительно взглянула на Аваза. Аваз перевел слова мальчика.

— Его мать просит, чтобы вы постригли его,— сказал он.

— Ой,— сказала Ева,— ведь сегодня воскресенье и я отдыхаю. На двери висит расписание на киргизском языке. Почему никто не читает? Аваз, висит там расписание или нет?

Аваз нагнулся и посмотрел на дверь. На двери белел листок.

— Висит,— сказал он.

— Ну что мне с ними делать?— развела руками Ева.— Никак не могу приучить к порядку. Ладно, скажи мальчику, пусть подождет немножко... Ой, ты мой хороший! Ой, ты мое солнышко!

Последние слова Евы относились к ее собственному ребенку, который тоже проснулся. Бабушка Унсун держала его на руках, стоя у четвертого окна. Маленький Аваз увидел маму и, улыбаясь, вырывался из рук бабушки и тянулся к Еве.

— Э-эй, сынок!— бормотал Туман-ювелир, лаская маленького Аваза.— Ух ты, уже проснулся! Ух ты, мой маленький жеребеночек!

— Туман!— сурово окликнула сына Унсун.— Ева — моя невестка. А как она будет оплакивать меня, когда я умру?

Туман, видимо, не задумывался над этим. Поэтому он взглянул на Аваза. Тот пожал плечами.

— По-русски будет оплакивать,— наконец ответил Туман.— А как же еще?

— А кто у нас понимает по-русски?— сердито спросила Унсун.

— Ну, плач-то ее поймут. Ведь все народы плачут одинаково.

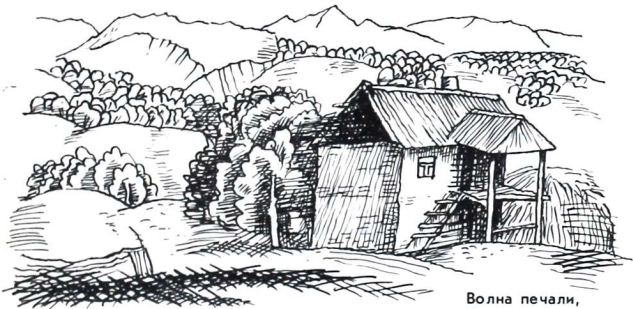
— Плакать одно, а отпевать совсем другое,— сурово возразила старуха.— Невестка должна уметь оплакивать с причитаниями. Это обычай народа. Его нельзя отменять.

Ювелир снова задумался.

— Э-э! Зачем нам над этим преждевременно ломать голову?— весело сказал Туман.— Что-нибудь придумаем... Ведь мы пока еще живы. Что ты скажешь, сынок? Ах, ты птенец мой, ах ты мой маленький озорник...

Туман снова повернулся к маленькому Авазу.

Ребенок радостно махал ручонками и тянулся к тем, кто стоял рядом.

Волна печали,
Пощади, пощади.
Я вижу остров
Далеко впереди.
Я вижу остров
В сиянии дня.
Волна печали,
Пощади меня.

(Ленгстон Хьюз.
«Остров»)

1

Проснулась она от собственного крика. Видела Джаныл удивительный сон. По главной улице города незнакомая старушка гнала десяток белых коз. Мимо с вжиканием проносятся автомашины. А старушка хоть бы что: гонит своих коз...

Вдруг Джаныл узнала в старухе приемную мать отца (своих родителей отец не помнил). В прошлом году

бабушка целый месяц гостила у них.. Испугавшись за жизнь старушки, Джаныл следила за ней не отрывая глаз, с замиранием сердца... Троллейбус на полном ходу мчался прямо на бабушку! Джаныл закричала... И проснулась.

В этом доме никто никого не будил по утрам. Каждый просыпался сам, торопливо умывался, торопливо завтракал. Все спешили и в одиночку разбегались в разные стороны: отец — в академию, мать — в поликлинику, сестра — в университет, брат — в техникум. Джаныл вставала позже всех. «Опять опоздала!» — говорила себе каждый день, взглядывая заспанными глазами на часы.

Так было и в это утро. Торопливо одевшись, прибрав постель, умывшись и причесавшись, она вбежала в столовую. Обычно в такое время там уже никого не было. Но сейчас за столом сидела вся семья. Ели молча. Завтрак как всегда: кефир, молоко, сливки, масло, хлеб, чай. Джаныл села так же молча, налила в пиалу молока, намазала масло на хлеб.

— Хоть и трудно языком повернуть, но мог бы хоть кто-нибудь из вас крикнуть: мол, вставай! — сказала она, спустя некоторое время, ни к кому не обращаясь.

Никто даже не взглянул на нее. Все молчали.

— Надо было не читать до двух ночи, — выдержав паузу, уколола сестра, как бы между прочим.

— Ничего ты не знаешь! — подхватил брат. — Не читала она, а ждала телефонного звонка. Вдруг позвонят из зоомузея.

— А-а... — протянула сестра. — Что-то не заметно, чтобы соскучились по нас в этом музее.

Джаныл вспыхнула. Но постаралась взять себя в руки.

— Вы-то чего за меня беспокоитесь? — обратилась она одновременно и к сестре и к брату. — Ведь с некоторых пор даже здороваться перестали. А ты, братишка, сдал уже хвосты по русскому и политэкономии?

— Ох, убила!— с сарказмом воскликнул брат.

— Сдай уж, бога ради,— продолжала Джаныл.— Вечно ты с хвостами и без стипендии, в семье дармоедом живешь. Не стыдно такому щеголю?..

— Эй, ты говори, да не заговаривайся!— огрызнулся брат.— Раза два дала на кино, так нечего упрекать и чепуху молоть.

— А ты, сестра?— повернулась к ней Джаныл:

— Что я?— насторожилась та.

— Сумеешь стать кандидатом в этой пятилетке? Или еще одна потребуется? Другие-то защищаются за три года.

У сестры заблестели глаза.

— Знаешь что, барышня,— сказала она зло,— не твое это дело.

— Ах, вот как! Ну, в таком случае, сестрица, и в мои дела не лезь, договорились?

С улицы раздался гудок клаксона. Это за отцом. Он вытер губы салфеткой, собираясь встать.

— Подбросишь меня?— спросила мать.

— Нет, спешу.

— Что-то ты все спешишь в последнее время,— многозначительно заметила мать.

Отец сердито взглянул на нее и молча поднялся.

— Кстати, папа,— остановила его сестра,— говорят, ты вчера уволил кого-то. Правда?

— Предположим.

— Эта работа подошла бы мне...

— Возможно,— твердо сказал отец,— но ты не подходишь к этой работе.

«Вот тебе!»— злорадно подумала Джаныл.

В передней отец подошел к зеркалу. Задерживаться у этого зеркала стало у всех в их семье привычкой. Отец с тревогой разглядывает свою уже седеющую шевелюру, морщины на шее и под глазами. Мать расчесывает коротко подстриженные, как у мальчика, волосы,

долго массирует лицо и пудрится. Брат же уверен, что всегда будет молод и красив, поэтому если и взглянет в зеркало, то лишь для того, чтобы убедиться в своей молодости и красоте. Не задерживаясь, он пригладит небрежно длинные, до плеч, кудри и отойдет. Брат всегда собой доволен. А сестра, наоборот, большую часть утра проводит перед зеркалом. Чересчур она толста, бедняжка. И все продолжает полнеть. Какую обнову ни купит, через месяц мала, и это ее бесит.

— О черт! Всего-то два раза надела, опять тесный,— злится она, оглядывая в зеркале свой новый костюм.

— Продай мне,— просит Джаныл.

Ей очень нравится этот костюм. Сестра без разбора, идет ей или нет, всегда покупает самые дорогие вещи. Джаныл рада бы подражать, да не может.

— Ты выступи сперва за платье, которое носишь,— съязвила сестра.

— Так ведь всего десять рублей осталось! В этом месяце получишь,— начала оправдываться Джаныл.

Но мысли сестры уже заняты другим.

— Мама, возьми мою дочь из садика?— кричит она вслед уходящей матери.— После работы мне необходимо повидаться с руководителем...

— А я после работы пойду на рынок!— вспылила мать.— Вы за меня не ходите на базар, зато вечером все садитесь за стол. Не так ли?

Высказалась и ушла.

— Ой, что же мне делать?— заныла сестра, все еще вертясь перед зеркалом.— Джаныл, ты не смогла бы?

— Нет,— отрезала Джаныл.— Вечером позвонит Искандер, мы пойдем.

— Кто вас разберет? Я думала, что твой Искандер испарился. Красив он больно, у таких любовь короткая.

— Типун тебе на язык!

В перепалку вмешался брат.

— Сестрица, а сестрица,— заюлил он, возвращаясь с

порога,— не пожалеешь червонца, приведу твою дочку.

— Не то что червонца, копейки нет,— пожаловалась сестра.

— А куда ты деваешь алименты своего доцента-мужа?

— В землю зарываю, а сверху... Прочь с дороги! Оба, толкаясь, вышли.

«И так каждый день,— с грустью подумала Джаныл, подходя к зеркалу последней,— оскорбим, обидим друг друга. И разойдемся. Что с нами происходит?..»

Зазвонил телефон. Джаныл кинулась к нему, взяла трубку.

— Это театр?— спросил женский голос.

— Да,— ответила Джаныл,— театр пяти актеров.

2

Спустя полчаса она, запыхавшись, вбежала в свою аптеку.

— Ай-яй-яй,— сказала Анна Никифоровна с напускной строгостью.— Когда ты перестанешь опаздывать?

— Перестану, Анна Никифоровна,— пообещала Джаныл, прильнув к ней,— завтра же перестану.

Аптека была маленькой. Одного «здравствуйте» хватало на всех. В аптеке работают всего пять человек. Заведующая Анна Никифоровна выдает лекарства по рецептам. Люба — кассир. Самар — продавец «ручного» отдела. Остальные — Сеил, Нурия и Джаныл — изготавливают лекарства.

Быстро натянув халат, Джаныл заняла свое место.

— Мне никто не звонил?— спросила она, едва начав работу.

— Кому охота с утра говорить о любви,— за всех ответила Анна Никифоровна.

Остальные засмеялись.

— А у меня новость,— объявила Сеил.— На заводе

моему Абакиру хотят квартиру дать. Возможно, к Новому году мы навсегда распрощаемся с чужими углами.

— Ай, поздравляю!— взвизгнула от радости Джаныл.— Товарищи, вы слышите! Сеил получит квартиру!

— Нам она об этом сказала, как только пришла,— ответила Люба.

— Ты опоздала на пять минут,— добавила Анна Никифоровна.— Можно ли целых пять минут держать в себе такую новость?

Слова ее покрыл смех.

— Еще бы!— откликнулась Сеил.— Ожидая квартиру, я успела нарожать троих детей.

— Говори уж четверых,— уточнил Самар, намекая на ее беременность.

— Получишь квартиру, наладишь жизнь, бог каждый год будет давать тебе по ребенку,— пошутила Нурия.

— Бог не даст, сама сделаю,— отпарировала Сеил.— В моем доме есть мужик...

Дружный смех снова наполнил аптеку. Не смеялась одна Нурия. Ответ Сеил показался ей вызывающим. Они ровесницы — обеим по двадцать пять лет. Нурия уже успела развестись с мужем и давно живет одна. Сеил сейчас напомнила ей об этом. У них вошло в привычку обмениваться колкостями.

— Пчч!..— ограничилась Нурия презрительным возгласом вместо ответа.

Зазвонил телефон. Джаныл вздрогнула, будто от испуга, и бросилась к аппарату. Но ближе к нему сидела Анна Никифоровна и трубку взяла она:

— Аптека...— Джаныл замерла в ожидании, сердце колотилось.— Есть... Нет, только по рецепту врача.

Анна Никифоровна положила трубку, бросив взгляд на Джаныл. Та понуро поплелась на свое место.

— Почему сама не позвонишь?— спросила Сеил, заметив ее огорчение.

В этой маленькой аптеке тайн друг от друга не имели.

Если и скрывалось что, то мелкое, несущественное. А большая тайна, не уместаясь в душе, рано или поздно пробивалась наружу, как родник. Джаныл чистосердечно призналась:

— На последней встрече мы с ним поссорились. Он меня обидел. Теперь я звонить не буду, пусть сам. Позвонит, если любит.

Такая категоричная принципиальность вызвала улыбки.

— А чем он обидел?— спросила Анна Никифоровна. Джаныл замялась:

— В тот вечер я пошла к нему домой... Он потребовал того, что делают после свадьбы...

Теперь все смеялись. Джаныл покраснела и, чтобы скрыть смущение, засмеялась вместе со всеми.

— О господи, нашла на что обижаться!— сквозь смех воскликнула Сеил.— От жизни ты отстала. Современные девушки, если хочешь знать, репетируют свою роль до поднятия брачного занавеса. Вот хоть бы я... Еле перешагнула порог мужниного дома потому, что живот во какой был большой! Ха-ха-ха!— Сеил расхохоталась и заразила всех смехом. Джаныл сначала тоже смеялась, но вдруг помрачнела:

— А я так не хочу!

Все невольно посерьезнели.

— Ты поступаешь правильно,— спокойно сказала Нурия.— Пусть Сеил свой опыт оставит при себе.

На этот раз спасовала находчивая Сеил, задетая за живое. Взгляд ее растерянно забегал по лицам присутствующих...

— Нурия, к тебе пришли,— позвала в это время Анна Никифоровна.

За стеклянным барьером в маленьком зале стоял мужчина лет тридцати пяти, но уже с сединой в волосах. Увидев Нурию, он чуть кивнул ей и светло улыбнулся. Та тоже заметно обрадовалась, но виду не подала: будто нехотя поднялась и направилась в зал. Встретились они

молча и тотчас вышли из аптеки. Оставшиеся проводили их глазами до двери.

— Знаете, кто этот джентльмен?— спохватилась растерявшаяся Сеил.

— Архитектор,— ответила наивная Люба.

— А еще кто?

— Человек, которого любит наша Нурия.

— А также муж другой женщины и отец ребенка. Можно любить такого человека? Это преступление!

— Ох, Сеил, Сеил,— укоризненно отозвался Самар из-за стеклянного барьера.— Всякое ведь бывает в жизни. Может, он разлюбил свою жену, не чаает, как от нее избавиться, и собирается развестись. Кто знает...

— Не понимаю я таких людей. Живут-живут вместе и вдруг становятся чужими. Вот и сама Нурия тоже... Какой был у нее завидный муж: и красив-то, и умен, и образован, и зарабатывал-то вдвое больше моего Абакира. Как такого человека не любить? И так хорошо жила с ним да вдруг сама ушла. Поражаюсь я...

— Была, наверное, причина,— оборвала ее Анна Никифоровна.

— А причина та,— продолжил Самар примирительным тоном,— что мужу ее приглянулась другая. Мужик ведь он. Нурия об этом узнала...

— Я бы простила,— перебила его Сеил.— Отхлестала бы по щекам, сама бы поплакала в уголке на кухне да и забыла бы.

— Так ты — это ты,— подчеркнула Анна Никифоровна. Джаныл внимательно слушала этот разговор. И думала о своей любви.

За работой и болтовней подошло время обеда.

— Снимайте халаты,— сказала Анна Никифоровна,— пора перекусить.

— Я не пойду,— отказалась Джаныл.

— И-и, боишься, что он позвонит в обеденный перерыв,— усмехнулась Сеил.— Принести тебе чего-нибудь?

— Угу. Молока и пирожков,— попросила Джаныл, доставая из сумочки рубль.

— Скучно будет, можешь почитать мою книгу,— с участием сказала Люба.

— Там мой транзистор,— сказал Самар.

Все ушли.

Джаныл повесила на дверь табличку «перерыв» и отправилась в соседнюю комнату мыть руки. Вытирая их, подошла к окну. Это окно аптеки выходило в маленький двор. Посередине двора росло старое персиковое дерево, под которым стояла почерневшая деревянная скамейка. Сейчас на ней сидели Нурия и мужчина с проседью. Он что-то старательно объяснял, она внимательно слушала. «Конечно, говорит о том, как им быть вместе»,— подумала Джаныл и позавидовала им. Снова вспомнила о своем любимом: «Почему не звонит?» Боясь, что не услышит телефона, поспешила обратно в свою комнату. Долго с надеждой смотрела на аппарат, потом вышла в зал и включила транзистор Самара. Запел женский голос. Две фразы песни укололи сердце:

Первая любовь придет и уйдет,
Как прилив и отлив...

«Неужели?»— подумалось ей горько. Подошла к кассе и стала рассматривать себя в зеркале Любы. Перед кассиршей всегда были наготове зеркало и раскрытая книга. Чуть передышка — Люба любуется собой, или читает, либо грызет фисташки.

«Постарела»,— сказала себе Джаныл, пристально вглядываясь в зеркало. Смешно, конечно, услышать такое от восемнадцатилетней девушки. Сказала бы хоть, мол, подурнела.

Зазвонил телефон. Джаныл подбежала, схватила трубку.

— Алло?

— Джаныл, это я, мать. Приходи, вместе пообедаем.

— Мама, мне есть не хочется.

— Вот те раз... А я хотела поговорить с тобой.

— О чем?

— Об отце.

— Что с ним случилось?

Мать помедлила:

— Отец обманывает меня. Нечисто у них с его смазливой секретаршей.

— Ой, мама, не говори глупости!— обиделась Джаныл за отца.— Папа не такой. Да и старый уже...

— Вот и я об этом же говорю. Стыдно... Ну, ладно, люди подошли... Так, значит, не пойдешь обедать?

— Нет... Мама?

— А?

— Если во сне коз видеть, к чему это?

— М-м... Кажется, к болезни. Козы тебе снились?

— Да. Но не я их гнала, а бабушка.

— Бабушка? Какая бабушка?

— Папина мать.

— А-а,— успокоился голос в трубке,— значит, она больна.

Раздались короткие гудки — мать положила трубку.

«Фу, ну и сказанула,— расстроилась Джаныл.— Зачем ей болеть, бедняжке. Хорошая такая старушка...»

Вернувшись в соседнюю комнату, Джаныл снова подошла к окну. Нурия и седой все еще сидели на скамейке. Но теперь говорила уже Нурия, заметно, в хорошем настроении: радостная, улыбающаяся. Глядя на нее, Джаныл сама невольно улыбнулась. Но, уйдя в свои мысли, снова погрустнела. «Почему он не звонит?»— подумала с тоской. Пошла к телефону. Немного посидела у аппарата. И позвонила отцу. Трубку взяла секретарша.

— Позовите директора,— потребовала Джаныл, не поздоровавшись. Трубка некоторое время молчала. Потом раздалось резкое «Да» отца.

— Это я, папа.

— И-и,— произнес он.

— Где живет моя бабушка?— напрямик спросила Джаныл.

— Бабушка?— отец удивился.— О какой бабушке ты говоришь?

— Сколько же у меня бабушек?!— рассердилась Джаныл.— О матери твоей говорю!

— А-а... С чего это вдруг о ней вспомнила?

— Должен же ее кто-нибудь помнить. Если сын не вспомнит, если невестка...

— Мм...— опешил отец.

Кажется, он удивился. Наверное, благодарен дочери и про себя улыбается... Джаныл тоже улыбнулась.

— Бабушка снилась мне сегодняшней ночью,— продолжала она.— Болеет бедная.

— Болеет?— отец, кажется, забеспокоился.— Ну это ж во сне. Мало ли что приснится.

— Но некоторые сны сбываются. Мои, например, всегда.

— Все может быть, дочка. Старый человек...

— Съездил бы да проведал ее. Как-никак это твоя мать.

— Как я могу, дочка? На кого оставлю работу?

— Работа, работа, работа! Все вы только и знаете, что свою работу. Ну ладно, если не поедешь, я поеду сама. Скажи только, где она живет.

— Ты погоди, доченька, здесь меня люди ждут. Мы еще поговорим об этом. Я сам тебе позвоню, хорошо?

— Она говорила, что живет в Арстанбабе,— не отставала Джаныл.— Но Арстанбаб ведь — леса без конца и края. В каком месте живет бабушка?

— В Кызыл-Ункуре,— отец бросил трубку.

«Верно! Бабушка называла это место. Славная старушка». Целый месяц она прожила в одной комнате с Джаныл и нарасказала ей всяких чудес о своей родине, о людях, там живущих, об их жизни. «По бабушкиным словам,

так Арстанбаб — сущий рай... А что, если взять да и съездить туда? И не только... Вообще туда уехать! Вот тогда они узнают, что такое скучать и тосковать...»

4

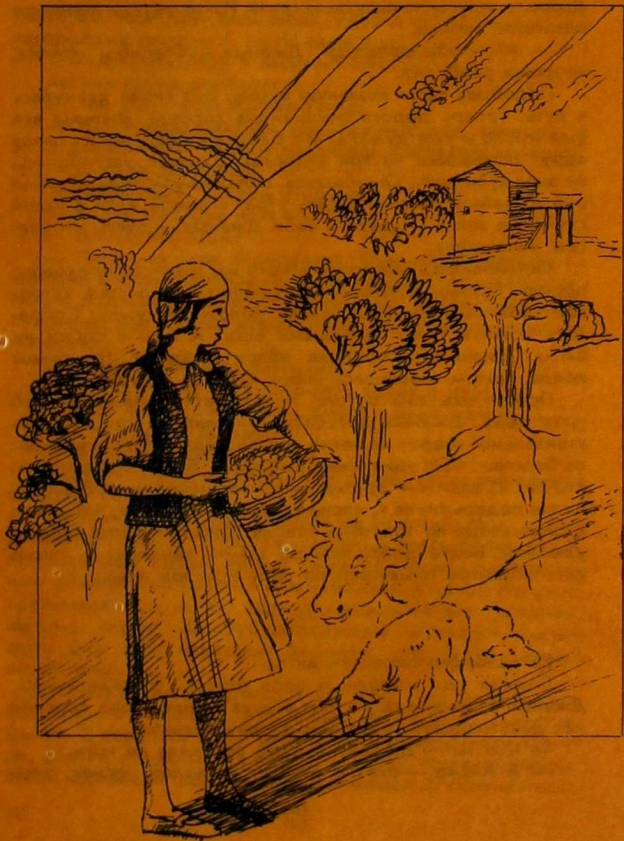
Как она решила, так и сделала: уехала в Арстанбаб. Летела на самолете, мчалась в автобусе, тряслась в кабине грузовика. И наконец добралась до Арстанбаба. В Кызыл-Ункур попутной подводой не оказалось. Пришлось пятнадцать километров идти пешком...

Был разгар осени. Пламенел лес, покрывающий горы и долины, ущелья и балки. Перезревшие плоды грецкого ореха, яблонь, груш, алычи, черной смородины, шиповника, боярышника, «коровьей слюны» и еще каких-то деревьев и кустарников, названий которых Джаныл даже не знала, мягко падали на устланную золотыми листьями землю. Воздух был напоен ароматом осени и запахом прели...

Джаныл шла по извилистой тропе, то поднимаясь вверх, то спускаясь. В лесу было пусто и тихо. Тени деревьев и лучи заходящего солнца, казалось, гонялись друг за другом, будто играли в прятки. Изредка каркнет ворона, перебежит тропу заяц...

На полдороге внезапно наступила ночь. Боясь сбиться с пути, Джаныл решила посидеть под раскидистым толстым ореховым деревом и дожждаться лунного света. «Если луны не будет, здесь и переночую», — решила она. К тому же давала себя знать усталость. Прислонившись к дереву, Джаныл вытянула ноющие от долгой ходьбы ноги и стала смотреть на переливающиеся звезды... Вдруг совсем рядом раздался дикий крик. Джаныл вздрогнула и взгляделась в темноту: сквозь спутанные ветви на нее в упор смотрели две желтые одинаковые звезды. Филин. «Уф, как напугал!» — сказала ему Джаныл улыбнувшись.

Долго глядела она на круглые горящие звезды и незаметно для себя задремала... Снова закричал филин.

Джаныл испуганно раскрыла глаза. Из-за черных деревьев полыхало зарево.

— Ай,— обрадовалась Джаныл.— Спасибо, филин, вовремя разбудил.

Подобрав свою кожаную сумку, она снова двинулась в путь. Теперь дорога была видна хорошо. Джаныл все шла и шла и уже думала, что близка к цели, когда тропа вдруг разошлась на три стороны. Джаныл растерялась, не зная куда идти. Ошибешься, попадешь не туда. Думала она думала и решила ждать утра. «Нельзя идти в такой глуши на авось,— сказала себе Джаныл,— пусть уж совсем рассветет».

Остановилась она возле такого же толстого орехового дерева. Руками и ногами подгрести сухие листья, устроила себе постель. Под голову положила сумку. Собралась ложиться, но захотелось есть. А еды с собой не было. Джаныл насобирала яблок и алычи. Не спеша поела. Потом завалилась набок и сразу уснула.

Проснулась она оттого, что с ветки прямо на лоб упал орех. Джаныл догадалась — упал не сам. И действительно: вверху на ветке, поблескивая глазками, сидела белочка. Она удивленно смотрела, будто спрашивала: кто ты? «Салам!»— дружески приветствовала ее Джаныл. Белка подпрыгнула и, словно шаловливое дитя, побежала игриво вверх по толстому стволу. Джаныл проводила ее улыбкой. Белка добралась до самой вершины и оказалась в центре плывущей по небу круглой луны.

5

Ее разбудил перестук дятла.

Солнце уже взошло, и пели птицы. Приподнявшись, Джаныл вскрикнула: метрах в двух от нее стоял паренек лет девятнадцати, одетый в форму лесника.

— Кто ты?— Джаныл быстро вскочила на ноги.

— Я Айдар,— охотно ответил молодой лесник, улы-

баясь во весь рот. Белозубая улыбка очень шла к его загорелому лицу.— А ты-то сама кто?

— Я Джаныл. Иду в Кызыл-Ункур.

Лесник снова улыбнулся:

— Так это и есть Кызыл-Ункур.

— Да?— обрадовалась Джаныл.— Вчера вечером я заблудилась здесь на трех тропинках и осталась ночевать.

— К кому ты идешь?

— К бабушке. Знаешь старушку Айкыз?

— А как же! Она моя мать.

— Каким образом?

— Пуповину мне перерезала. Она самая старшая из женщин в Кызыл-Ункуре. Больше половины нашего населения родилось у нее на руках. Она перерезала всем пуповину, она давала всем имена. Мы все называем ее матерью.

Джаныл радостно улыбнулась.

— Какая же из этих тропинок ведет к ней?

— Иди по средней. Это дорога нашей матери.

— Спасибо. Будь здоров.

— В добрый путь.

Джаныл пошла по указанной тропе. Молодой лесник смотрел ей вслед.

Тропинка стала подниматься на пологий холм с впадинами по обеим сторонам. Деревья здесь росли реже, но были еще толще. Между ними виднелись разбросанные домики кыштака. Они напоминали детский рисунок, сделанный цветными карандашами,— белые, красные, желтые, серые. Из труб поднимался сизоватый чистый дым. Вид этих нарядных домиков поднял у Джаныл настроение.

Тропа уперлась в красноватую гору. Она была сплошь покрыта по-осеннему румяными деревьями и кустарником. С вершины горы, сверкая на солнце сквозь заросли, сбегал пенистый водопад. А внизу, куда он падал, стоял одинокий домик, прилепившийся к склону горы.

Его можно было назвать двухэтажным. Верхнее помещение, по-видимому, было жилое: перед комнатой маленькая веранда на двух подпорках. На одной из них висело старинное киргизское ружье, на другой — огромный капкан. Нижний этаж не имел стен. С трех сторон он был открыт, четвертую заслонял выровненный кетменем склон крутой горы. Верхний этаж держался на четырех толстых столбах. Нижняя часть дома, возможно, служила конюшней, а скорее всего — убежищем для коз. Сейчас там их было около десятка, все привязаны к аркану. Одну из них доила дряхлая старушка. Джаныл сразу узнала приснившихся ей коз и гнавшую их бабушку.

— Бабушка! — закричала она, подбегая к дому.

Старуха поднялась, держа в руках деревянную миску.

— Ах ты, милая! — воскликнула она, целуя Джаныл. — Каким ветром тебя занесло?

— Я приехала быть вам дочерью. Папа с мамой прислали, — солгала Джаныл, — сказали, бабушка уже старенькая, поезжай хотя бы дней на пять, помоги ей по дому, облегчи ее жизнь. Это будет нашей помощью.

Старуха с сомнением посмотрела на Джаныл. Поверила она или нет, Джаныл так и не поняла. Бабушка отвела взгляд и мягко улыбнулась.

— Правильно поступили твои родители, — сказала она, протягивая Джаныл миску. — На, попей, пока теплое.

— Некипяченое?

— Пей, пей! Оно как лекарство.

Сказала так и начала прилаживать мешочек к вымени другой дойной козы. Джаныл взяла парное молоко. Отхлебнула с края миски. Никогда прежде не приходилось ей пить сырое молоко, да еще козье. Но оказалось оно очень вкусным. Благодарно поглядывая на бабушку, Джаныл пила. Отсвет от белого молока падал на белое лицо девушки, делая его еще чище и красивее. Джаныл сама это чувствовала.

— Пей, милая, пей,— приговаривала бабушка.

Подвесив под вымя одной козы мешочек, она вымя другой смазала глиной. Затем, выгнав всех коз и козлят, молча стала подниматься на второй этаж дома. Джаныл, держа в руках свою сумку и пустую миску, последовала за ней. Они шли по земляным ступенькам, вырубленным кетменем.

— Входи,— предложила старуха перед порогом, но прежде сама вошла в комнату.

Внутри домик оказался просторным и светлым. Из двух противоположных окон видны впадины, по правую и левую сторону холма пестрели цветные домики. Войдя в комнату, Джаныл уловила какой-то сильный, непривычный запах. От порога до другой стены весь пол был устлан разноцветными шкурами и шкурками. Тут и медвежья, и львиная, и тигровая, и волчья, и барсучья, и лисья, и сурочья... А стены сплошь увешаны рогаатыми головами дикого козла, марала, косули, пучками сухих трав и крылышками лесных птиц.

Джаныл, пораженная, смотрела на это убранство.

— Я, кажется, говорила тебе, что твой покойный дед был охотником,— пояснила бабушка.— Хороший был человек, да будет он в раю. Недолго ждать осталось, скоро и я к нему отправлюсь... Проходи же.

Джаныл поставила на пол сумку и миску, сняла обувь и уселась на медвежью шкуру.

Но только она села, как тут же, испуганная, вскочила, заметив вцепившихся в потолок живых летучих мышей. Лицо бабушки, расстилавшей скатерть, было спокойно. Взглянув на него, Джаныл тоже успокоилась. Даже развеселилась. Старуха тем временем поставила на скатерть сливки, масло, положила испеченные в очаге кукурузные лепешки.

— Голодная небось?— спросила она.

В этот миг появился джигит богатырских размеров, лет тридцати пяти, в камзире и штанах из звериных

шкур, обутый в самодельные чарыки. Дикость его вида дополняли толстая цепь с заткнутым за нее огромным топором и всклокоченная борода. В руках он держал на весу убитую куропатку. Переступив порог, джигит крикнул:

— Мама!— но, увидев Джаныл, остановился как вкопанный и уперся в нее взглядом.

— А-а, это ты, Алишер? Проходи, проходи,— ласково сказала бабушка, принимая из его рук куропатку. Великан бросил быстрый взгляд на старуху и снова перевел его на Джаныл.— Это дочка твоего фрунзенского брата. Проходи, садись с ней рядом, поешь.

Алишер ослабился и несмело приблизился к медвежьей шкуре. Уселся напротив Джаныл, скрестив ноги. Тотчас привычным движением стянул с головы колпак, засунув его под мышку. На темной бритой голове великана белели от лба до макушки пять глубоких шрамов. Джаныл только успела на них взглянуть, как Алишер, заметив это, тем же быстрым движением напялил свой колпак.

— Опять зубами горло перегрыз? Ах, чтоб тебя!— сердито закричала старуха, указывая на куропатку.— Будто я не купила тебе нож!

— Потерял,— виновато произнес Алишер.

Посмотрев на Джаныл, он смутился и отвернулся. Старуха принесла черную деревянную миску с айраном, поставила перед Алишером:

— Покроши хлеба и ешь.

Потом напустилась на Джаныл:

— А ты чего так на него смотришь? Он тоже мой сын. Трехлетним остался один, без родителей. Я взяла его на воспитание. Теперь взрослым мужчиной стал, бедняжка мой. Ешь, ешь,— старуха сама накрошила в миску Алишера хлеб.— Если бы еще женила его, тогда уж до конца исполнила бы свой долг. Да вот никто за него не идет, не находится подходящей невесты.

— А Зулейка?— напомнил Алишер и, мельком взглянув на Джаныл, снова застеснялся.

— Так и не можешь ее забыть? Когда девушкой была, все твердил: Зулейка да Зулейка. Теперь она с мужем развелась, и опять имя ее не сходит с твоего языка! А мне всегда не нравилась эта непутевая дочь мельника Сыдыка. В девках она была озорницей. Замуж вышла, двоих детей родила, не остепенилась. Будет она играть тобой, как котенком,— разволновалась бабушка.

— Пусть попробует...

— К тому же она говорила, будто за сержанта Серкебаева замуж выходит?

— Сержант Серкебаев заявление подал, просит перевести его в город Ош. Зулейка на это сказала ему, что я, мол, уже пожила в Оше со своим ошским мужем, теперь умру, а туда не поеду. Так как же они могут пожениться, если оба в разные стороны тянут?

— Ну, ладно уж, замолвлю за тебя словечко мельнику,— смягчилась бабушка.— Но ты и сам не зевай, завлекай Зулейку. Толку мало, если отец согласится, а дочка будет против. Теперь другой обычай. Действуй сам. Да за собой больше следи. В таком виде ты Зулейке не понравишься, она в городе жила. Глянь-ка, на одежде твоей пятна крови, сока алычи, яблок, ежевики... Зря я стараюсь. Ведь недавно совсем сшила тебе... Кстати, ты зачем напился в прошлое воскресенье, несчастный? Говорят, пьяный гонялся за женщинами, которые копали картошку. Это правда?

— А-а, все он виноват, сержант Серкебаев...— потупился Алишер, потом поднял глаза на Джаныл.— Пристал, день рождения, мол, у меня, давай стаканами чокнемся...

— Лучше бы на свет не родиться твоему сержанту!— возмущалась снова старуха Айкыз.— Мало того, что сам пьет, еще и тебя приучает... Не пей, несчастный!

Бес в тебе просыпается! И так уж все говорят: «Бесноватый Алишер, дикий Алишер».

— Пусть говорят,— равнодушно отмахнулся он.

— И не живи ты в этой своей пещере,— перешла бабушка на умоляющий тон.

Алишер сразу насупился. Поерзал на месте. Несколько раз провел пальцами по дну опустевшей миски, благословляя дастархан. Молча встал и ушел. Бабушка и Джаныл растерянно смотрели ему вслед, пока он не скрылся за дверью.

— Привычку ломать все одно что корову седлать,— досадливо проговорила старуха.— Тысячу раз твердила ему, а не смогла заставить уйти из пещеры.

— Из какой пещеры?— спросила Джаныл, ничего не понимая.

— Есть у нас такая пещера Кызыл-Ункур. Красная пещера. Я, наверное, тебе уже рассказывала о ней. Народ называет ее домом Дикого человека. Еще недавно он жил там...

— Дикий человек?!

— Ну да. Жил, а потом ушел оттуда. Алишер захотел там ночевать и спугнул его. Правда, лет восемь назад Дикий человек снова вернулся в свой дом и оцарапал спящего Алишера. Видела на его голове пять белых бороздок? Это следы когтей Дикого человека. С тех пор мой бедный сын умом тронулся. Ходит вроде нормальный, да вдруг ни с того ни с сего взбесится. Особенно когда выпьет хоть немного...

— А почему он в пещере хочет жить?— допытывалась Джаныл, не переставая удивляться.

— Соловьев в тех местах много,— объяснила бабушка.— Если пойти туда весной, то оглохнуть можно от соловьиных трелей: и тут поют, и там поют. Кругом! А Алишер соловьев с детства любит. Вот ради них только... Каждой весной уходит из дому в пещеру. Зимой возвращается. А в прошлом году и зимовал там. «По-

чему?»— спрашиваю. Отвечает: разведу, мол ночью большой костер и слушаю. Кажется ему, будто соловьи поют. О боже! Повредился умом малость дитяtko...

— А что он еще делает? Где работает?

— Дровосек он. Зимой и летом заготавливает дрова для лесхоза. Если увидишь в лесу дрова, так и знай — это Алишера работа... Ну, давай благословим дастархан. Оомин, воздай пахарю и сеятелю...

После молитвы бабушка начала собирать посуду. Джаныл помогла ей.

— Теперь сбей сливки на масло,— попросила старуха, указывая на деревянную пахталку в углу.— А я общипаю куропатку Алишера.

— А-а... как сбивать сливки?— спросила Джаныл смущенно.

Бабушку это не удивило:

— Сейчас я тебя научу. Она вынесла Из комнаты на веранду полную сливок пахталку с мутовкой для сбивания и показала, что надо делать. Работа была не трудной. Джаныл освоила ее быстро. Ритмично двигая вверх и вниз мутовку, она любовалась окрестным лесом, разноцветными домами в низине, красноватой горой и мчавшимся с вышины водопадом...

6

Когда масло было сбито, куропатка ощипана, вымыта, положена в котел, бабушка неожиданно сказала:

— Ну, теперь пойдем поработаем.

— А что же теперь будем делать?— наивно спросила Джаныл, когда они вышли во двор.

— Орехи собирать будем, дочка. Для лесхоза будем их собирать. Главная сейчас работа у нас — собирать орехи. Сено уже скошено и заскирдовано, план по сдаче яблок и алычи выполнен, картошка почти вся выкопана... Если быстро соберем орехи и сдадим их государству, с делами этого года будет покончено.

— Неужели здесь даже таких старых, как ты, заставляют работать?— поразилась Джаныл.

— Нет,— успокоила ее бабушка,— старые люди работают у нас только по доброй воле. Если есть силы и желание...

Мимо дома протекала горная речка. По быстро текущей воде плыли яблоки, алыча, орехи, сухие листья.

— Ой!— обрадовалась Джаныл, выловив красное яблоко.

— Это водопад приносит их сюда,— заметила старуха, уверенно ступая по толстому прогнившему бревну, заменявшему мост.

Джаныл любовалась лесными яблоками, ореховыми и алычовыми деревьями, густо покрывающими склон горы, и по кусочку откусывала яблоко. Когда они прошли с километр, бабушка остановилась.

— Здесь мы и работаем.

— Так ведь тут никого нет,— удивилась Джаныл, оглядываясь по сторонам.

— Лес-то большой, дочка,— усмехнулась бабушка. Сняла с себя пояс, который оказался длинной сумкой, и протянула Джаныл.— Сюда будешь собирать.

Сама она подхватила одной рукой концы подола, а другой стала быстро-быстро кидать туда что-то. Джаныл же, волоча за собой пустую сумку, наклонилась к самой земле, но ничего, кроме толстого слоя опавших листьев, не видела.

— Орехов-то совсем здесь нет!— воскликнула она огорченно.

— А ты под листьями пошарь,— посоветовала бабушка.— Возьми прутик да повороши их.

Джаныл так и сделала. Оказалось, что орехи, падая на землю, теряют зеленую кожуру и желтеют. Тогда их уже почти невозможно отличить от желтых листьев. Джаныл быстро освоила эту непривычную для нее работу и вскоре уже довольно ловко орудовала прутиком и

руками. Да так увлеклась, что потеряла старуху из виду.

— Бабушка!— прокричала она в разные стороны. Ответа не было. Боясь заблудиться в глухом лесу, Джаныл растерялась. Она металась среди молчаливых деревьев и время от времени звала: «Ба-бу-ушка!»

Вдруг из высокой белесой травы возник огромный фазан, страшно ее напугавший. Джаныл закричала и отскочила в сторону. От вопля «а-а-а-а!» испуганный фазан улетел.

— Бабу-ушка-а!

Второй испуг снова исторг из Джаныл дикий крик: прямо на нее бежали два жеребенка. Она успела увернуться, а жеребята, резвясь, догоняя друг друга, так же внезапно исчезли. «Уф!»— выдохнула Джаныл, глядя им вслед и дрожа всем телом.

— Ба-буш-ка-а!

— А кто твоя бабушка?— раздался сбоку голос.

Джаныл опять вздрогнула. Метрах в десяти от нее стояла молодая женщина, по-видимому тоже собиравшая орехи. За ее спиной был привязан младенец. Девочка лет пяти прижималась к матери. Джаныл почему-то не обрадовалась встрече, вероятно, стыдясь своей трусости.

— Не уставайте!— сказала она женщине. По рассказам бабушки, так приветствовали в Арстанбабе.

— Будь здорова,— откликнулась незнакомка, разглядывая Джаныл.— Ты, похоже, не здешняя. Так кого же ты называешь бабушкой?

— Айкыз-апу¹,— ответила Джаныл, приближаясь к женщине.

— А-а, так ты, значит, внучка нашей повивальной матери?— обрадовалась та.— Ведь ты из Фрунзе приехала? То-то она говорила, что во Фрунзе живет ее сын. Подойди, поцелую...— Хотя этой женщине не было еще и тридцати, она, по обычаям пожилых, поцеловала Джа-

¹ А па — обращение к пожилой женщине.

ныл в лоб. Затем бросила на землю наполненную орехами сумку и уселась на траву.— Ух!.. Посиди со мной, сестричка!

— Нет, я лучше пойду поищу бабушку,— отказалась Джаныл.

— Бабушку твою волк не съест, ходит она тут где-нибудь... Доченька, развяжи.

Девочка подбежала к матери и размотала большой платок, которым был привязан младенец. Женщина подхватила ребенка и, не стыдясь, стала кормить его. Обнаженная грудь ее была полной и смуглой, как лицо и руки.

— Решила проведать бабушку? Правильно сделала.

— Нет, я насовсем к ней приехала,— ответила Джаныл.

— А-а, тогда и вовсе хорошо поступила. Будешь утешением для нашей повивальной матери. Не кусайся, вот я тебя!— последние слова женщина обратила уже к младенцу, слегка шлепнув его по пухлой щечке.

В это время зашуршали листья от чьих-то шагов. Вскоре показался джигит в белом джеелеке и, не глядя в их сторону, прошел мимо. В руке он держал саквояж. «Похож на врача»,— подумала Джаныл. А женщина окликнула:

— Осман!

Джигит в белом джеелеке оглянулся и повернул назад:

— А-а, Зулейка! Не уставай,— сказал он игриво, приближаясь. На Джаныл посмотрел вопросительно и с откровенным любопытством.

— Будь здоров,— ответила на приветствие женщина, которую называли Зулейкой.— Помажь чем-нибудь уши моей Бактыгуль. Вчера повивальная мать проткнула их для сережек, а сегодня они почему-то распухли.

— Отдам я когда-нибудь под суд эту вашу ведьму! — закричал Осман и, присев на корточки, начал открывать свой саквояж.

Он оказался фельдшером: в саквояже лежали медицинские инструменты и лекарства.

— И-и, что тебе сделала плохого эта старушка?— лукаво спросила Зулейка, подмигнув Джаныл.

— Давно прошло время знахарей. Больные обязаны теперь обращаться к фельдшеру, ко мне то есть. Знаешь ведь? А вы как? Голова заболит, живот заболит, все бежите к этой старухе Айкыз. А уж при родах и говорить нечего! Два года как я приехал сюда, и ни один человек не обратился ко мне со своей болезнью, ни одну женщину не отвез я рожать в райцентр. А в районе меня же и ругают: чем ты там занимаешься, спрашивают, за что зарплату получаешь? Я объясняю все как есть: народ здешний до самой смерти здоровый, а если и заболит кто, так у них есть своя лекарка, к ней бегут, она вылечивает их всякими там травами, плодами, звериным жиром или сырым мясом. И роды принимает эта старуха. А они меня еще пуще ругают: неужели, говорят, не можешь ты победить дряхлую старуху? Должен ты беспощадно бороться с этим пережитком прошлого. Ты сам, говорят, должен искать больных и заранее брать на учет всех беременных женщин, наблюдать за ними. Что поделаешь, приходится подчиняться. Не видишь, что ли, с утра до вечера хожу я и ищу больных...

Зулейка и Джаныл переглянулись, пряча улыбки.

— И как, удачно?— с ехидством осведомилась Зулейка.

— Нет больных,— огорченно ответил Осман.— Но беременных женщин я уже шесть насчитал. Надеюсь, еще прибавится...— Фельдшер посмотрел на живот Зулейки, потом заглянул ей в лицо и ухмыльнулся, явно намекая на что-то.

Зулейка вскипела.

— Желаю удачи,— сказала она сухо.— Но сколько бы мы ни рожали, все равно наши женщины не пойдут к тебе.

Осман говорил, а сам тем временем делал приготовления: повесил на шею трубку для прослушивания, надел на руки перчатки. Затем он приложил трубку к груди Бактыгуль и принялся было слушать ее сердце.

— Ай, что ты делаешь?— вскричала Зулейка.— Ничего у нее не болит, уши только смажь.

— Э-э, что ты понимаешь,— отмахнулся Осман.— Уши ли болят, палец ли, все отражается на сердце. Осторожность медицины не позор, я проверил только.— Он положил трубку обратно в саквояж и начал смазывать девочке уши.— Никак не могу узнать эту сестричку. Кто она?

— Она внучка нашей повивальной матери,— гордо сообщила Зулейка.— Сегодня из Фрунзе приехала и хочет остаться здесь жить.

— Ах!— изумился Осман, покачав головой.— Одни не чают, как попасть во Фрунзе, а другие покидают столицу ради этого богом забытого леса.

Зулейка и Джаныл снова обменялись улыбками.

— А кто же это не чает попасть во Фрунзе?— подзадорила фельдшера Зулейка.

— Я, к примеру.

— Раз так, то чего же ты сидишь здесь, а не уезжаешь туда?

— Будь моя воля, стал бы я напрасно тратить на вас свои знания и годы. Не отпускают меня! Ну вот теперь все...

Осман закончил врачевание и захлопнул свой саквояж. Тут Зулейка случайно заметила на его белоснежном плече кровавое пятно.

— Ой, милый, почему у тебя кровь?— испугалась она.

— А-а,— усмехнулся Осман.— Да этот бесноватый Алишер напрочь отрубил себе руку до самого локтя. Я его перевязывал...

— Да ну?— ужаснулась Зулейка, и у Джаныл екнуло сердце.

— Шел я себе шел и услышал, что кто-то ревет, как раненый медведь. Подбегаю, а это дровосек. Сам валяется в одном месте, рука — в другом и дрыгается на траве.

— О аллах!— содрогнулась Зулейка.

— Ну, ладно, бывайте!— попрощался фельдшер, подымаясь с корточек.

И в тот же миг лес зазвенел от ударов топора.

— Бессовестный врун!— накинулась Зулейка на Османа.

— Клянусь, что не вру,— запротестовал тот.— Знаешь ведь он какой: одной рукой работать может.

Сказал так и ушел. Зулейка и Джаныл растерянно уставились друг на друга... И тут в голову Джаныл внезапно пришла мысль: «Так это же та Зулейка, о которой бабушка говорила с Алишером!» Теперь она с особенным интересом разглядывала эту молодую женщину.

— Пойдем сами посмотрим, что с ним,— попросила Зулейка,— доченька, пригляди за братишкой.

Они пошли на звук топора. Продирались через густой кустарник. На тропе дорогу им перебежал сурок. Потом они шли по болоту, обогнули крутую гору и наконец вышли к Алишеру. Он только что повалил толстое засохшее ореховое дерево и теперь обрубал с него ветви. Обе руки его были целы и на своем месте.

— Да-а... Попались мы на удочку,— нахмурилась Зулейка.

— А зачем он врал?

— Сейчас узнаем! Здравствуй, Алишер!

— Здравствуй!— откликнулся Алишер.

— Ты догадываешься, зачем мы пришли?

Алишер пожал плечами, широко улыбнулся и стер пот со лба рукавом.

— Пришли мы узнать, почему у Османа плечо в крови.

Алишер снова улыбнулся, но лицо его при этом презрительно сморщилось.

— Я стукнул его разок убитой куропаткой.

— А за что стукнул?— Зулейка подмигнула Джаныл: видала, мол, каков?

Прежде чем ответить, Алишер помедлил, покосившись на Джаныл.

— Он сказал, что ты захаживаешь в контору сержанта Серкебаева.

Зулейка изменилась в лице, но вспомнив о присутствии Джаныл, напустила на себя безразличный вид. Кокетливо хихикнув, она спросила как ни в чем не бывало:

— А почему тебя это трогает?

Не желая отвечать при посторонней, Алишер отвернулся и возобновил работу. По лесу снова прокатился перестук топора.

— Пойдем отсюда,— резко сказала Зулейка.— Теперь уж из него слова не вытянешь.

Джаныл почему-то стало жалко Алишера. Осуждая в душе неискренность Зулейки, она сделала неохотно несколько шагов и остановилась:

— Пойду поищу бабушку,— сказала лишь бы отстать.

— Бабушку теперь только дома найдешь,— не поняла маневра спутницы Зулейка.— Лучше иди сейчас на ток, сдай собранные орехи, а потом уже домой.

— А-а... где этот ток?

— Вон по той тропке иди, прямо к нему и выйдешь.

— Спасибо,— сказала пристыженная Джаныл.

7

Ток расположился на самой солнечной лесной поляне. Большую круглую площадку сплошь покрывали желтым ковром орехи. Просушенные были собраны в гурты. На току находилось всего два человека: один ворошил дере-

вянной лопатой орехи, второй отдыхал у больших весов посередине площадки. Тот, который сидел, оказался Айдаром. Он улыбнулся Джаныл, как старой знакомой, и встал.

— О-о, ты уже приступила к работе?— похвалил Айдар, предупредительно снимая с ее плеч наполненную орехами суму.

— А как же иначе?— ответила Джаныл с улыбкой.— Раз уж я решила здесь жить — значит, надо и работать... Айдар бросил сумку с орехами на весы.

— Принимать их тоже входит в твои обязанности?— спросила Джаныл.

Угу... Тут, кроме меня, другого специалиста по лесу нет,— сказал Айдар не без гордости.— Ты собрала восемь килограммов. Два рубля сорок копеек...

— Что это — два сорок?

— Твой заработок.

Айдар высыпал орехи на сушильный ток и отдал Джаныл пустую суму. Примостившись на краю весов, что-то записал в толстую тетрадь.

— Распишись.

Джаныл поставила свою подпись в том месте, где он указал. Айдар открыл стоявший возле весов сундук и отсчитал деньги.

— Откровенно говоря, мне даже неловко их брать,— смутилась Джаныл.

— Заработанных денег не стесняйся. Купишь бабушке чаю и сахару,— с этими словами лесник, не обращая внимания на протест Джаныл, бросил деньги в ее сумку.

«Какой хороший парень!— подумала Джаныл.— Умный, красивый...»

— Ну, ладно, пойду домой,— произнесла она вслух.

— Погоди-ка,— удержал ее Айдар неожиданно,— я познакомлю тебя с родителями.

Джаныл удивленно посмотрела вокруг. Поблизости никого не было... Но вдруг она увидела, как к току

приближаются женщина и мужчина с кучей детишек позади. Каждый из них держал мешок или торбу. Поочередно они начали класть орехи на весы, поглядывая украдкой на Джаныл.

— Отец, мама,— обратился к родителям Айдар,— вот та самая внучка нашей повивальной матери, о которой я вам говорил.

— И-и, милая, вот ты какая? Подойди же, поцелую,— ласково сказала женщина. Она притянула к себе голову Джаныл и прикоснулась губами к ее виску.— Вот ты какая красивая... Будь счастлива в той семье, в которой будешь жить после замужества.

— В молодости я очень дружил с твоим отцом,— вступил в разговор мужчина.— Мы поклялись друг другу, что, когда женимся и обзаведемся детьми, станем сватами. Судьба решила иначе. Отец твой еще до женитьбы уехал в город да там и остался. А вот теперь я вижу тебя, его дочь...

Джаныл очень смутилась от таких слов, покраснела.

— А это мои сестры и братья,— поспешил ей на выручку Айдар, указывая на детей, с любопытством обступивших Джаныл.

Не зная, как вести себя с новыми знакомыми, она лишь кивала им и улыбалась. Наконец, чтобы избавиться от создавшейся неловкости, в замешательстве вымолвила:

— Ну, я пойду!— И, торопясь, добавила:— Будьте здоровы!

— Будь здорова, милая,— сердечно ей пожелала мать Айдара.

— Если домой, то иди вон по той дороге!— заботливо крикнул ей вслед Айдар.

Джаныл свернула на указанную дорогу. Спиной она ощущала провожающие ее взгляды и догадывалась, что разговор сейчас идет о ней. «Какие замечательные лю-

ди,— думала она по пути,— доброжелательные, трудолюбивые...»

Шла она, шла и оказалась перед тремя удивительными домиками. Стояли они в один ряд, прижавшись друг к другу. Все три — маленькие, стены у всех белые-пребелые, а крыши красные. Но самым диковинным было то, что три человека заново белили эти дома. Люди были тоже одинаковые — все в зеленых джемаках. Подойдя к первому домику, Джаныл прочла на его двери «Медпункт», а в маляре узнала Османа.

— А, это ты,— сказал, увидев ее, Осман.

— Дом и так чистый, зачем вы белите?— спросила Джаныл.

— От безделья,— надо же чем-то заняться.

Джаныл засмеялась и пошла дальше. На двери второго домика висела табличка «Милиция». Джаныл окликнула человека, белившего этот дом.

— Здравствуйте!

Незнакомец был лет сорока. Усы у него росли торчком. Бросив работу, он подошел к Джаныл и, отдавая честь, представился:

— Сержант милиции Серкебаев! Слушаю вас, гражданка!

— Здравствуйте,— повторила Джаныл уже растерянно.

— Пока жив-здоров. Какая у вас жалоба?

— Жалоб у меня нет,— улыбнулась Джаныл,— есть вопрос. Зачем белите? Дом ваш и так чистый.

— А-а, так делать-то больше нечего...

— Как, и вам тоже?

— Моя обязанность — следить за порядком и соблюдать закон. А здесь, к сожалению, никто ничего не нарушает. Все заняты работой, всем некогда нарушать закон и порядок.

— Как же так? На худой конец, есть пьяницы?

— Не имеется,— вздохнул сержант. Но вдруг вспом-

нил:— О господи! Есть один пьяница. Дровосек. Алишером его звать. Один он нет-нет да и напьется... Только арестовывать его запрещено...

— Почему?

— Любимчик лесхоза. Лучший дровосек в округе. Если лесхоз, к примеру, дает району две тысячи кубометров дров, то половину их Алишер заготавливает. Хорошо, честно работает. Такого парня лесхоз, конечно, милиции не отдаст. Вот так, сестричка, не везет здесь милиционеру.

— Не понимаю... Вы жалеете, что нет преступлений?

— А как же! Милиция только при преступлениях милиция. Если нет преступлений, так зачем тогда милиция нужна? А где есть преступления, там у милиции авторитет. Где преступлений нет, там никто и не замечает милицию. Вот, к примеру, со мной случай. Здешние люди считают меня дармоедом, бездельником и не любят меня. Конечно, с их точки зрения, они правы: я только и делаю, что получаю государственную зарплату. Уже пятнадцатый год, как я сюда приехал, а не арестовал еще ни одного преступника. Вот этот белый домик — моя контора, а для преступника — тюрьма. Пойдем, покажу...

Боясь обидеть хозяина, Джаныл последовала за ним. Внутри дом оказался перегороженным решеткой. В первой половине стояли стол, стул и скамья. А за решеткой ничего, кроме железной кровати. Она была застелена, а на спинке ее висела милицейская форма.

— Вот! — патетически произнес сержант Серкебаев. — По закону место перед решеткой считается моим, а за ней место преступника. На деле же что получается? На деле обе половины мои: там я сплю на железной кровати, а здесь строчу за столом заявления с просьбой перевести меня в райцентр или в область.

— Забавно, — сказала Джаныл, все более озадачиваясь. — И вы хотите уехать из такого хорошего места?

Если тут нет преступлений, значит, и забот вам мало. Что может быть лучше!

— Ошибаетесь, барышня. Я уже говорил, что милиция только при преступлениях милиция. Если нет преступлений, милиционер не растет. Разве не так? Больше десятка лет я на этом посту. Был сержантом и сержантом остался: а кто виноват? Конечно же отсутствие преступлений. Если бы совершилось преступление, я бы разыскал преступника, сдал бы его закону, меня бы заметили, повысили в чине, прибавили бы мне зарплату.

— Поняла наконец...— задумчиво протянула Джаныл.

— Ну ничего,— утешил себя сержант,— через месяц получу ответ на последнее свое заявление о переводе в область. Друзья из района уверяют, что на этот раз дело решится в мою пользу. Бог даст, в будущем месяце только след мой останется на этом месте.

Джаныл ничего не ответила. Кивнув головой, молча вышла из дома. У крылечка стояли пять овец.

— Мой скот,— объявил сержант Серкебаев хвастливо.

— Богато живете,— заметила Джаныл.

— Было их семь. Одну я продал и выручку приложил к заявлению. Вторую посвятил богу: пусть он поможет уехать отсюда. Этих оставлю местным жителям, пускай съедят и дадут мне благословение, чтобы дела мои в дальнейшем пошли удачно.

Сержант этот не нравился Джаныл все больше. Захотелось поскорее уйти от него.

— До свидания,— сказала она сухо.

— Всего хорошего,— пожелал ей Серкебаев, слегка обиженный невниманием к своей особе.— А кстати, кто ты такая, сестричка? откуда идешь, куда направляешься?

Джаныл очень хотелось надерзить: какое мол, ваше дело? Но грубить старшему по возрасту было неудобно.

— Я внучка Айкыз-апы. Приехала из Фрунзе.

— А-а...— оживился сержант,— во Фрунзе живет мой друг. Он уже стал полковником милиции...

Не дослушав его, Джаныл пошла к третьему домику. На нем была вывеска «Универмаг». «Белит дом, конечно, продавец»,— решила Джаныл.

Это был еще совсем молодой джигит.

— О-о, пожалуйста, пожалуйста,— вежливо пригласил он, встречая Джаныл как дорогого гостя.— Я еще утром услышал о вашем приезде. Входите, пожалуйста.

Джаныл и сама собиралась по пути зайти в магазин. Она охотно вошла. Магазин был хоть и маленький, но полон разного товара. А главное — тут висело много таких костюмов, как у сестры. Джаныл сразу подошла к ним и остановилась, восхищенно рассматривая.

— Показать вам этот костюм?— предложил продавец, мигом оказавшись за прилавком.

— Нет, этот товар не про нас,— с каким-то облегчением сказала Джаныл не столько продавцу, сколько самой себе.— Пусть их городские носят... А мне дайте чай и сахар.

— Продавец быстро завернул покупку.

— Еще что дать?

— Зубную щетку.

— Зубных щеток у меня не бывает,— извинился продавец с виноватой улыбкой.

— Почему?

— Мы чистим зубы яблоками. От яблок они белеют.

— Интересно как!— подивилась Джаныл.— Но ведь яблоки-то бывают не всегда. Весной, например, где их взять?

— Под листьями,— убежденно ответил продавец.— Как снег сойдет, мы берем в руки курджун или сумку и идем в лес собирать оставшиеся с осени яблоки или орехи. Иногда попадается алыча разных цветов...

— Я об этом даже не слышала,— снова удивилась Джаныл. Она забыла, что бабушка рассказывала.

Вдруг из коляски, на которой висел ярлык с ценой, раздался детский плач. Джаныл в испуге отпрянула.

— Дочка моя проснулась,— спохватился продавец, подбегая к коляске.— Мать ее орехи собирает,— пояснил он извиняющимся тоном.

— А-а,— пришла в себя Джаныл и поспешила к выходу.— Скажи, пожалуйста, как мне найти свой дом?

— Когда выйдете, свернете налево,— объяснил продавец.— Пройдете немного и услышите шум водопада...

— Спасибо. До свидания,— попрощалась Джаныл. «Продавец мне больше понравился, чем фельджер и милиционер»,— решила она, шагая по дороге к дому.

Уже вечерело, когда Джаныл добралась домой. Бабушка доила своих коз.

— На, выпей, пока теплое,— предложила она первым делом, снова протягивая ту же деревянную миску.

Джаныл выпила все молоко и даже облизнулась. Затем они вдвоем поднялись по лестнице на второй этаж. В доме было совсем темно. Джаныл в нерешительности остановилась на пороге.

— Керосин в лампе кончился,— объяснила бабушка, входя первой.— Ну, ничего, скоро луна взойдет. Заходи же, заходи...

Джаныл вошла и, как слепая, снова остановилась посередине комнаты. Вдруг что-то слегка задело ее ухо. Джаныл дико закричала, прижалась к бабушке.

— Что с тобой, милая?— испугалась и старушка.

— Кто-то ударил меня по уху!

Бабушка рассмеялась:

— Не бойся, дочка. Это мои летучие мыши с тобой здороваются. Садись, ужинать будем.

— Куда сесть. Я ничего не вижу.

— А ты к двери повернись, так глаза быстрее к темноте привыкнут.

Джаныл обернулась в сторону открытой двери и сразу увидела множество летучих мышей, то влетающих в комнату, то вылетающих. Отмахиваясь от них, она пошатнулась, потеряла равновесие и села там же, где стояла.

Глаза ее действительно скоро начали видеть в темноте. Она различала лежавшие перед ней хлеб, мясо куропатки и разные фрукты: яблоки, алычу, виноград...

Пока ужинали, взошла луна. При лунном свете они постелили, приготовляясь спать. Но, прежде чем лечь, бабушка начала возиться у порога.

— Что ты там делаешь?— с недоумением спросила Джаныл.

— Летом и зимой я сплю с открытой дверью,— объясняла бабушка, направляясь уже к постели,— и поэтому, чтобы в дом не забрела собака или какая другая живность, протягиваю через порог веревку, шепчу заклинания.

Новая причуда старушки растрогала Джаныл. Она снисходительно улыбнулась:

— Пусть тебе сны хорошие снятся, бабушка!

— И тебе, милая.

Из окон и раскрытой двери в комнату лился серебристый лунный свет. Летучие мыши по-прежнему то влетали, то вылетали. Обрамленный дверным проемом лес дремал под луной. Тишина ночного покоя нарушалась лишь гулом водопада...

Джаныл долго смотрела на суету летучих мышей и наконец уже начала засыпать. В полудреме ей вдруг слышался львиный рык. Она нехотя открыла глаза и тотчас вскочила на ноги: на пороге маячила огромная двигающаяся тень!

— Бабушка!— в ужасе закричала Джаныл.

— Не бойся,— с невозмутимым спокойствием сказала старушка,— этот лев каждую ночь сюда приходит, а перешагнуть веревку не может. Постоит-постоит да и уйдет. Ведь шкура, на которой ты спала, принадлежала его львице. Твой покойный дед пристрелил ее в последний день своей жизни. Девять лет уже прошло после смерти деда, а лев все приходит, ни одной ночи не пропустит. Мне зла он не делает. Просто приходит для того, чтобы увидеть шкуру своей подружки. Поговорит с ее духом и

отправится восвояси. Спи спокойно, не бойся, моя звездочка...

Но Джаныл уже, конечно, спать не могла. Забившись в угол, она продолжала следить за львиной тенью. Тем временем тень протянулась через порог, хотя самого зверя так и не было видно...

— Ты все не спишь?— спросила бабушка, подняв голову.— Ничего, пройдет денек-другой, привыкнешь.

И верно, прошло всего несколько дней, как Джаныл привыкла даже к визитам льва. Но в ту ночь она не уснула до утра.

8

Притихшие леса тянулись без конца и края. Все листья опали, деревья стояли голые, серые. Лишь в растопыренных ветвях чернели многочисленные птичьи гнезда. На земле ковер из сухих пожухлых листьев стал еще толще, а орехов под ним становилось все меньше, и сборщики стали разъезжаться кто куда. Джаныл забрела так далеко в лес, что уже не знала, где находится. Вокруг — ни души. Шороха даже не слышно.

Вдруг откуда ни возьмись закричала кукушка: «Ку-кук!»

В пустом голом лесу голос ее прозвучал одиноко и жалобно. Джаныл вспомнила рассказанную бабушкой нараспев легенду.

Охраняет вершину сухой арчи — кукук,
Греет свой хвост на солнце — кукук,—

пропела Джаныл стихотворные строчки этой легенды.

«Ку-кук!»— ответила ей кукушка.

Джаныл с улыбкой продолжала:

Охраняет вершину ели — кукук,
На солнце крылья поджаривает — кукук.

«Ку-кук...»

Джаныл совсем развеселилась. Ей показалось, что, заблудившись в пустом лесу, она слышит голос друга. Захотелось увидеть приветливую кукушку. Изредка подбирая орехи, она направилась в ту сторону, откуда доносился голос птицы. Но внезапно он умолк.

— Ку-кук!— позвала Джаныл.

— Ку-кук!— раздался ответ за ее спиной.

Но этот голос совсем не был похож на кукушкин. Джаныл оглянулась и увидела улыбающегося ей Айдара. Плечо его форменной куртки оттягивала тяжелая сумка на длинной лямке. Он широко зашагал, загребая огромными сапогами листья, отчего по лесу раздалось громкое шуршанье.

— Ой, это ты!— радостно воскликнула Джаныл.

— Суюнчу!— восторженно сказал Айдар.— Поздравляю тебя, мы выполнили план по орехам!

— Правда?!

— Сейчас я отправил последнюю машину.

— И-и-и! Как здорово!

— А эти орехи, твои и мои, уже запишем как сверхплановые. Понимаешь?— Айдар шутливо стукнул кулаком по почти пустой сумке Джаныл.

— Понимаю!— весело расхохоталась она и щелкнула пальцем по носу Айдара.

— Садись, отдохнем немного по такому поводу.

Когда они уселись, Айдар достал из кармана два яблока. Одно из них отдал Джаныл:

— По пути сюда сорвал.

— Спасибо.

Оба с хрустом уплетали яблоки. Смотрели в глаза друг друга и улыбались. За месяц они очень сблизились и стали друзьями.

— Джаныл!..— нерешительным голосом будто позвал ее Айдар после продолжительного молчания.

— А?— откликнулась она тоже как из тумана.

— Не обидишься, если скажу тебе одно слово?

— Какое слово?

— «Люблю»!

— Сумасшедший!— воскликнула Джаныл радостно.— Кто же обижается на такое слово? Говори...

— Я люблю тебя.

— И я...

— Мне хочется поцеловать тебя,— глаза его блестящие, губы слегка дрожали.

— Ну, целуй,— разрешила Джаныл. Притянув ее к себе, Айдар поцеловал в щеку.— А мне нравится так, как в кино целуются...

— А?.. А как целуют в кино?

— Вот так,— Джаныл обхватила Айдара за шею и прильнула к его губам долгим поцелуем.

— Ах, как хорошо целуются в кино,— вымолвил Айдар, едва переводя дыхание.— Дай-ка и я тебя поцелую.

Он неловко обнял Джаныл, и, целуясь, они упали на землю. В это время поодаль зашуршали листья. Краешком глаза Джаныл увидела проходившего стороной фельдшера Османа. Как и в первую встречу, он был в белом халате и держал в руках свой неизменный саквояж. Джаныл хотела вскочить, но Айдар не выпустил ее из объятий:

— Чшш... Он нас не видит.

Фельдшер и вправду не заметил их, прошел мимо. А они все целовались.

— Я хочу жениться на тебе... Пойдешь за меня?— взволнованно и неуверенно спросил Айдар.

— Пойду!— ответила счастливая Джаныл.

Они прижались друг к другу. И снова зашуршали листья, но теперь под их телами.

— Нет! Нет!— опомнилась первой Джаныл, защищаясь от Айдара.— После! После свадьбы...

— Я сегодня же скажу отцу и маме. Они пойдут к повивальной матери и, наверное, договорятся о свадьбе.

— Скажи им...— пролепетала Джаныл ослабевшим голосом.

— Сегодня же... Нет, сейчас!— Айдар стремительно вскочил на ноги.— Отец с матерью собирают орехи на той стороне леса. Я разыщу их, скажу и вернусь к тебе. Ты меня подождешь?

— Погоди-ка,— задумалась Джаныл вместо ответа.— А что, если твой отец с матерью не согласятся?

— Почему они не согласятся?!

— Мм... Я ведь городская. А у вас, кажется, городских не любят.

— Не смей ставить себя на одну доску с фельдшером и сержантом! Ты городская, но совсем, совсем другая. Да тебя каждый полюбит!

Торопливо выпалив эти слова, он побежал. Джаныл поднялась и долго смотрела ему вслед. Мимо нее медленно прошли три ишака, нагруженные сеном. На каждом ишаке сидело по ребенку. Джаныл проводила их улыбкой, вытряхивая из волос приставшие листья. Затем в самом радужном настроении она спокойно принялась собирать орехи...

Вскоре Джаныл вышла на тропу. И сразу увидела сержанта Серкебаева, который гнал своих пятерых овец. На плече его висел курджун, в руке — палка. Сержант напевал вполголоса:

Э-э-эй!— по грязной, грязной, грязной дороге,
По грязной дороге едет кочевье,
На кобылице едет девушка,
Щеки, что два яблока,
Обожгли мою душу, ай...

Джаныл рассмешили и сама песня, и голос певца. Сержант вздрогнул и обернулся на ее смех.

— А-а, это ты, Джаныл?— закричал он как-то неестественно возбужденно. Серкебаев был крепко выпивши.— Ну, поздравь меня, что ли: сержант Серкебаев отправился в Ош!

— Поздравляю, товарищ сержант,— сдержанно сказала Джаныл.

— Теперь, бог даст, избавлюсь я от звания сержанта. Бог даст, теперь меня начнут называть «товарищ младший лейтенант», «товарищ лейтенант», «товарищ старший лейтенант», «товарищ капитан», «товарищ майор», «товарищ подполковник», «товарищ...». Ах!— у сержанта не хватило дыхания, он судорожно расстегнул ворот.

— Полковник,— договорила за него Джаныл.

— Да, «товарищ полковник»,— сержант икнул.

— А чем черт не шутит!— подзадорила его Джаныл.— В городских условиях, может, ваша мечта и сбывается.

— Спасибо на добром слове, сестричка,— сержант снова икнул.

— Кстати, ведь вы, кажется, хотели принести их в жертву обществу?— спросила Джаныл, намекая на то, что овец не убавилось.— Пожалели свое добро?

— А-а,— сержант безнадежно махнул рукой.— Хотел всех им оставить, да не взяли. Сказали, что не едят мясо несправедливо добытого барана. Ну да я не стал их умолять. Пока! Ну!

Сержант Серкебаев пошел своей дорогой. И опять запел:

Э-э-эй, по грязной, грязной, грязной дороге...

Посмеиваясь над ним, Джаныл сошла с тропы и стала собирать орехи. До ее слуха донесся шорох сухих листьев, а вскоре появилась Зулейка с привязанным за спиной ребенком. Старшую дочку она волочила за руку. У обеих были сумки, полные орехов.

— Алишера не видела?— крикнула Зулейка издали вместо приветствия.

— Нет!— прокричала ей Джаныл. Вспомнив, добавила:— Я видела сержанта Серкебаева!

— А, чтоб его!..— раскричалась Зулейка.— Уехал он.

Да не просто так, а напоил водкой моего Алишера. Чтоб ему пусто было!

«Вот те раз! — подивилась Джаныл. — С каких это пор Алишер стал твоим?»

Подойдя ближе, Зулейка плюхнулась на землю.

— Ух!.. Где он может быть?

— Если пьяный, то где-нибудь, наверное, валяется, — предположила Джаныл, подсаживаясь к Зулейке.

— А-а! Не знаешь характера Алишера. Когда он пьяный, бешеным верблюдом становится, кого ни увидит, за всеми гоняется.

— Да, это плохо, — согласилась Джаныл.

— Не натворил бы беды, не рассердил бы повивальную мать. Вот чего я боюсь.

— Что может сделать ему старенькая бабушка?

— О-о! Когда она рассердится?.. Лучше держаться от нее подальше. Никого не пощадит. Вот расскажу тебе такой случай. На моей свадьбе Алишер, совершенно трезвый, заколол коня, на котором приехал мой жених. Повивальная мать загнала тогда Алишера под водопад и продержала там до самого вечера.

— Ой! — испугалась Джаныл. — Он же мог простудиться и заболеть!

— Так и случилось. Но ведь мать наша сама лечит. Отпаивала его разными снадобьями, растирала, за месяц вылечила. Но с тех пор я боюсь повивальной матери...

Пока они разговаривали, дочка Зулейки набрала обильно росшей вокруг ежевики, угостила мать и Джаныл.

— Скажите, пожалуйста, тетя Зулейка, — не могла успокоиться Джаныл, лакомясь ежевикой, — зачем же дядя Алишер зарезал коня вашего жениха?

— От ревности, — улыбнулась Зулейка. — Он сам собирался жениться на мне. Но по воле отца меня отдали замуж за нашего дальнего родственника в Ош. Вот так... Он же любит меня, Алишер.

— А вы?

— Я тоже,— Зулейка зарделась.— Скоро мы поже-
нимся... Недавняя договорились с ним об этом. А сегодня
утром повивальная мать была у моих родителей и я слы-
шала, что они дали согласие. Я ищу Алишера, чтобы об-
радовать его такой вестью, а он исчез. Во всем виноват
этот проклятый сержант! Ну ладно, в последний раз он
напился, больше его никто никогда не напоит. Если сам
захочет, я не позволю. Ну, пока еще светло, надо его
искать. Пошли, дочка.

Довольная таким поворотом дела, Джаныл снова при-
нялась за работу. Орехов в этом месте оказалось мало.
Разгребая сухие листья, она прошла довольно много.
И тут ей встретился удивительный родник. Он бил клю-
чом из-под старой алычи и сбегал вниз по ложине, зарос-
шей белой и черной березой. Над родником поднимался
пар. Джаныл сунула в него руку, вода оказалась теплой.
А ведь была уже поздняя осень...

— Ой!— восхитилась Джаныл.

Постояв немного у родника, она вдруг захотела иску-
паться. Ведь не мылась с тех пор, как приехала сюда.
Огляделась по сторонам — никого нет. Быстро раздев-
шись, Джаныл легла в том месте, где волна особенно
бурлила. Спину покалывали мелкие камешки. Прекрасное
юное тело нежилось в теплой воде. Джаныл лежала так
долго, наслаждаясь. Было очень приятно глядеть в чистое
небо, подставив лицо солнцу... Случайно взгляд ее упал
на цветущую траву, которую называют «мыльной». Джа-
ныл вскочила, нарвала ее и начала тереть ею тело. Травка
действительно замылилась. «Ха-ха!»— обрадовалась
Джаныл такой находке. В этот момент раздался громкий
хруст сухого валежника. Джаныл в ужасе сжалась: из-за
поредевших веток шиповника на нее глядел дровосек
Алишер с цепью на поясе и топором на плече. Он был
сильно пьян, по включенной бороде его текли слюни,
глаза горели. Сейчас он бросится на нее и повалит!
Джаныл закричала и метнулась к своей одежде... Но

Алишер поступил неожиданно: он сам еще больше испугался и убежал. Джаныл смотрела ему вслед, пораженная.

«Нет,— сказала она себе, успокоившись окончательно,— здесь не пойдут на такое плохое дело. Даже самый дурной человек...»

Когда она оделась, издалека донесся голос Айдара:

— Джаны-ыл!— Голос был радостный. Джаныл откликнулась:

— А-а-уу!

Айдар некоторое время почему-то молчал, но вскоре крик его раздался совсем близко. Джаныл всмотрелась в заросли и увидела его бегущим. Он то появлялся, то пропадал за толстыми стволами деревьев. Было ясно, что несет он весть радостную. Джаныл не выдержала, схватила свою сумку и побежала ему навстречу. Они столкнулись на залитой солнцем поляне.

— О, Джаныл!— воскликнул Айдар, задыхаясь от бега.— Они так обрадовались! Бедняжка мама даже заплакала...

— Ох, Айдар!— облегченно выдохнула Джаныл и бросилась в его объятия. Она увидела за спиной Айдара бегущую по густой траве перепуганную коосулю...

Но в это время зазвонил телефон. Джаныл встрепелась и долго не могла прийти в себя: звонок дребезжал не переставая, а коосуля все бежала... Наконец она исчезла, на ее месте появился черный телефонный аппарат. Джаныл тупо смотрела на него. Окончательно очнувшись, взяла трубку.

— Алло...

— Джаныл, это ты?

«Он!»— часто забило сердце. Сделав над собой усилие, Джаныл спокойно ответила:

— Да, это я.

— Привет!

— Привет...

— Ты не узнаешь меня? Искандер это!

— Ну и что с того, что Искандер?

Продлилось молчание. Джаныл испугалась, что он рассердился и сейчас бросит трубку... Нет.

— Джаныл, я хочу тебя видеть.

Слава богу! Отлегло от сердца, но Джаныл твердо выдержала тон:

— Приходи, сделай одолжение.

Ей очень хотелось ответить резким «нет» или хотя бы немного помолчать, чтобы испытать его. Но страх, что он повесит трубку и все кончится, заставил поспешно добавить:

— После работы...

— Нет, сама сейчас же приходи,— потребовал Искандер.— У меня к тебе очень важный разговор.

Джаныл взглянула на часы:

— Ладно. Только предупреждаю: всего на пять минут. У меня перерыв кончается...

Она повесила трубку и засуетилась. «Тьфу, дура!»— выругала себя за то, что сразу забыла обиду и согласилась пойти к нему.

9

Расстояние между аптекой и зоологическим музеем — почти километр — она преодолела бегом. Но чтобы не входить запыхавшейся, немного постояла у двери, успокаивая дыхание.

Искандер делал для музея чучела. В его распоряжении была просторная комната. Попасть туда можно было только через зал с экспонатами. Обычно тут скапливалось много народу. Сейчас, во время обеда, никого не было, даже служителей. В огромном зале застыла музейная тишина.

Джаныл быстро пересекла его и вошла в комнату Искандера. И здесь никого не оказалось. Но Искандер вышел, очевидно, ненадолго — в электрическом чайнике кипела вода. Джаныл присела, ожидая.

Комната немного напоминала мастерскую скульптора: повсюду валялись в беспорядке ножи, шила, толстые иглы, солома, вата... Все, что требовалось, под рукой.

Сейчас Искандер набивал чучело красной косули. Оно было почти готово. Оставалось лишь вставить глаза, и тогда работа присоединится к другим экспонатам зала. Косуля уставилась пустыми глазницами на Джаныл, с удивлением ее рассматривавшую.

— Ну как, красивая?— раздался от двери голос Искандера.

Джаныл оглянулась. Он стоял на пороге, засунув руки в карманы белого халата. Несмотря на работу довольно грязную, халат его, как всегда, ослепительно бел. Джаныл вся затрепетала: ей хотелось броситься к нему, обнять его, но силой воли она сдержалась. «Пусть сначала он проявит свои чувства, потом уж я»,— решила Джаныл. И сделала вид, будто продолжает внимательно рассматривать косулю, чтобы дать ответ Искандеру.

— Но ведь она мертвая,— произнесла наконец Джаныл одними губами.— Какая же красота у мертвой?

— Вот как!— Искандер приблизился к ней.— А я, будто одержимый, сижу и люблюсь этой красотой.

— Потому что ты никогда не видел, как бежит живая косуля...

Искандер расхохотался. Он был на десять лет старше Джаныл и всегда говорил с нею свысока, как с ребенком:

— Ты права, детка, не видел.

И вдруг стиснул в объятьях, стал жарко целовать. Джаныл замерла, теряя от счастья сознание. Но, встретившись ненароком с пустыми глазницами косули, вздрогнула. Что-то будто толкнуло ее высвободиться из объятий. Она резко рванулась из несопротивляющихся рук Искандера и отбежала в глубь комнаты. Там стояли стол и два старых кресла. Обессиленная, Джаныл опустилась на одно из них.

— Сейчас кофе пить будем,— как ни в чем не бывало сказал Искандер.

Он выдернул шнур из розетки и перенес чайник на стол. Не спеша достал из ящика банку с растворимым кофе, стаканы, ложечки, сахар, печенье. Джаныл с тревогой глянула на часы:

— Ты хотел что-то сказать мне важное?

— погоди, не нервничай. Сначала попробуй кофе. Если понравится, то скажу, не понравится — не скажу.

Искандер размешал порошок в стакане и поставил его перед Джаныл. С трудом она сделала глоток:

— Хорош.

— Тогда слушай.— Искандер придвинул второе кресло и сел напротив Джаныл.— Мне очень хочется уйти с этой работы. Я уже говорил тебе, что окончил университет, имею диплом, а сюда устроился временно, с тем чтобы сбежать при первом случае.

— Да, ты говорил об этом,— насторожилась Джаныл.— А теперь... Хорошую работу нашел?

— Нашел,— придвинулся к ней Искандер ближе,— но чтобы получить эту работу, нужна твоя помощь.

— Моя?— искренне удивилась Джаныл.— Какая же?

— Известно, что вчера твой отец уволил одного научного сотрудника. Я знаю об этом от своего друга. Работа очень хорошая, да и зарплата...

Искандер несколько замялся. Но Джаныл его поняла и крепко задумалась. Характер своего отца она знала: он любит ее больше других своих детей, но, когда дело касается его науки, не уступит даже ей. Пустая затея... Нет, она помочь не может...

— Ох, Искандер!— с чувством проговорила Джаныл.— Всею душой рада бы, но не могу!

— Почему?!

— Искандер, папа меня не послушает!

— Ну вот, а я так на тебя надеялся...

Оба замолчали, будто говорить было не о чем... В это

время на пороге появилась молодая красивая женщина. Джаныл видела ее здесь и прежде — она работала в музее экскурсоводом. Женщина была слегка пьяна, судя по ее раскрасневшемуся лицу. Она изящно держала в руке надкусанное яблоко.

— Искандер, тебя ждут, — напонила женщина игриво, кинув подозрительный взгляд на Джаныл. — Это ты будешь пить? — спросила она, указывая на чайник.

— Возьми, — разрешил Искандер.

Женщина схватила чайник и, покачивая бедрами, направилась к двери.

— Стаканы сам принесешь, — бросила она через плечо.

Джаныл испытала жгучее чувство оскорбления. Обидела ее не эта наглая женщина, обидел ее Искандер! «Если хотят от меня избавиться, то неужели нельзя по-деликатнее?» — с болью подумала она.

«Нет, Искандер не любит меня», — пришла Джаныл к горькому выводу и с последней надеждой посмотрела ему прямо в глаза.

— Так-то вот, — пожал плечами Искандер, будто читая ее мысли.

«Тьфу! — рассердилась на себя Джаныл. — Надо было раньше уйти, не дожидаясь таких слов!» Она вскочила, словно от удара хлыстом:

— Хорошо, я пошла!

— Всего доброго, — безразлично согласился Искандер.

Он тотчас начал собирать стаканы и ложечки, выплеснул недопитый Джаныл кофе — явно задерживаясь, чтобы не провожать ее. Она опрометью кинулась через зал с экспонатами... И обернулась. Искандер выходил из своей комнаты со стаканами в руках. Джаныл иступленно крикнула ему:

— Ты больше никогда меня не увидишь!

Это кричало ее сердце...

В аптеку она вбежала, залитая слезами. Все сотрудники были уже на местах. Увидев ее в таком горе, они молча переглянулись.

— Я уеду от вас,— сказала, всхлипывая, Джаныл.— Совсем уеду из этого города!

Догадываясь, в чем дело, все смотрели на нее, пряча улыбки.

— Куда, дорогая, уедешь?— спросил Самар, подмигнув остальным.

— В Арстанбаб,— объявила Джаныл.— К бабушке, к Алишеру... к Айдару!

Ничего больше не объясняя, она вышла в другую комнату умыться заплаканное лицо. Сослуживцы снова переглянулись...

Как она решила, так сделала: уехала в Арстанбаб. Сначала села на самолет...

РАССКАЗЫ

Жаворонок

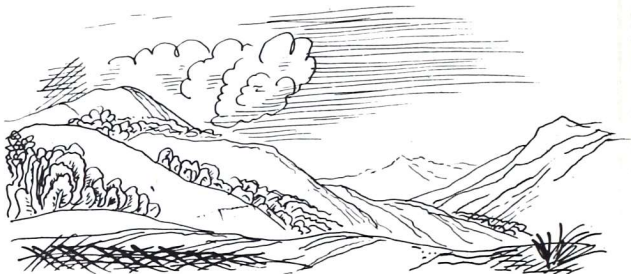
Первый бал Наташи Ростовой

Каракульские гуси

Журавли прилетают весной

Рожденная в белую ночь

Авария

Сколько же мне было тогда? Восемь или девять? Скорее всего, девять. Помню, как-то зимой бабушка сидела у сандала¹ и прядла при тусклом свете огарка. Она о чем-то рассказывала мне и заметила между прочим: «Нынче весной, внучек, тебе исполнится девять». Припоминаю, с каким нетерпением я ждал ее. А лучше б она и не приходила!

Но она уже шла своим чередом. Стаял снег, по которому я каждый день бегал в школу. Зимовавшие в нашем саду галки куда-то исчезли, распустилась верба, затем расцвел урюк. Деревенские собаки день-деньской что-то вынюхивали и рылись под фруктовыми деревьями. Найдя прошлогодние позеленевшие косточки урюка, они с отчаянным хрустом принимались их грызть.

¹ С а н д а л — очаг-грелка: низкий столик над углублением в полу, в которое кладутся горячие угли.

Куры на пригретых солнышком дувалах ловили мух, иногда они в поисках пищи забредали далеко, до самых пашен. Наша кошка с утра до самого вечера в пшеничном гумне караулила мышей, ее единственный котенок играл дома с веретеном бабушки. А старик каждое утро точил свой кетмень. Помню еще, как один из признаков весны,— над нашим домом пролетели журавли. И сейчас перед глазами такая картина: бабушка во дворе высыпала золу. Вдруг она выпрямилась и, прикрыв ладонью глаза, стала смотреть в небо. Я подбежал к ней, поднял голову и увидел под белыми облаками больших черных птиц, они летели цепочкой, изогнутой посередине, как брови покойной джене Кундуз.

— Журавли...— мечтательно проговорила бабушка.— И так низко пролетают. Это, внучек, хорошая примета. Урожай нынче будет богатый, и война кончится.

Сказала и пошла себе домой. А я вдруг заметил ползущие по земле тени журавлей. Мал еще был, помчался за ними. Бегу, бегу... И все не могу догнать. Бегу напрямиком, без дороги, перескакиваю через арыки, спускаюсь в ямы, снова карабкаюсь вверх. Срезанным камышом исполосовал ноги, разорвал в клочья края штанов. А все бегу. Остановился, лишь услышав за собой: «Постой!» Оглянулся. Это наш председатель колхоза рукой мне машет.

— Завтра выйдешь в поле пахать, помогать своей джене,— сказал он, а сам глаза почему-то прячет от меня.— От учебы вас освободили, не один ты, все будете работать. Ведь некому, должны понимать...— Повернулся и пошел. Я остался стоять с раскрытым ртом.

На рассвете к нам постучалась Кундуз-джене, верхом на лошади, другую держит на поводу. Что мне оставалось делать, оделся и пошел. И начали мы с ней пахать...

А уж добрая была Кундуз-джене, и умница! Мне до сих пор ее жалко, ведь такая молодая умерла. Едва минуло семнадцать. Шесть месяцев, как сыграли ее свадьбу.

бу. Всего три дня и понежилась с молодым мужем, а там взяли его в армию. Уехал мой брат на фронт. Бедная моя джене! Помню, всегда, ходила задумчивая, печальная. Иногда только, может быть, чтобы развлечь меня, вдруг светлела лицом, начинала шутить, потом снова становилась серьезная и заговаривала как-то непонятно для меня.

Заметив, что лошади устали, она остановит их, бывало, и, думая о чем-то своем или тихо напевая, уйдет далеко-далеко по невспаханному полю. Потом вдруг вспомнит обо мне, обернется и подзовет к себе. «Ну-ка, кто скорее добежит до лошадей» — взглянет с задором и убежит вперед, я за ней. Или едем мы с ней верхом, она молчит, расстроенная будто чем-то, да как крикнет: «Заскучал, братик? А ну, догоняй меня!» — и пустит лошадь вскачь.

В этот раз мы пасли лошадей в нашем саду. Небо чистое-чистое, воздух напоен ароматом травы и цветущего урюка. Полная луна ровным светом освещает сад, лишь под деревьями оставляя пятна тени. Тишина. Мне немножко жутко от этой тишины, я оглядываюсь по сторонам и стараюсь держаться поближе к джене. Она расстелила под развесистым деревом кошму, и мы легли, но не могли уснуть.

— Братик! А братик!

— А?

— Хочешь, поиграем в прятки?

Я вскочил, обрадованный, и побежал прятаться от джене. Долго мы играли, развеселились оба. Была моя очередь прятаться. Жду джене, а ее нет и нет, — не то не найдет меня, не то устала и присела отдохнуть. Прячась за стволы, пошел на другой конец сада, к толстой урючине, где мы уговорились встретиться. Что-то белое жалось к дереву. Мне показалось издали, что это цветущая ветка склонилась к земле. Подошел поближе, всмотрелся — а это моя джене. Незаметно обошел дерево сзади, крикнул положенное по условиям игры: «Тьфу-у,

тьфу-у, не поймала, не поймала!»— и подбежал к джене. Увидев ее неподвижное, отдававшее в лунном свете мертвенной синевой лицо, я оробел. Джене с такой тоской глядела на луну, что стало не по себе. Из ее глаз, как из темных родничков, выкатывались слезинки и двумя струйками сбегали по лицу. Я, не отрываясь, смотрел на эти слезинки, мне казалось, что в них отражаются то цветущие ветки, то кусочек облака, то молочной белизны небо, то проплывающая по нему луна...

Джене взяла меня за руку и повела к нашей кошме. Мы опять долго не засыпали. Джене лежала на спине, подложив под голову руки, и неподвижно смотрела в небо. О чем она думала, я не знал, но ни за что бы не решился нарушить ее молчание. Сквозь обсыпанные розовым цветом ветки я глядел на луну, а ухо улавливало стук копыт пасшихся недалеко лошадей, хруст травы в их зубах, ржание, вот завел свою весеннюю песню соловей... Ночь была полна таинственных шорохов и шелеста.

Где-то запел козодой.

— Братик!— тихо позвала джене.

— Да, джене?

— Знаешь, братик, что птичка эта была невестой нашему пророку? Потом он за что-то проклял ее и превратил в козодоя.

Я слышал об этом от бабушки. Всю ночь козодой молит небо: «Сут-ак! Сут-ак!»¹, то есть «теки молоко, теки молоко». И лишь когда забрезжит заря, на ее ссохшееся небо падает сверху одна-единственная капля молока.

«Богат, верно, был этот пророк,— думал я, лежа возле джене на кошме,— большой той устроил в честь невестки... А может быть, и не лучше того, что было у моей джене с братом Джакыпом. Ах, какой это был той! Сколько шуток, сколько смеху было! А игры! А борьба

¹Сут ак — киргизское название козодоя.

джигитов... А веселая суматоха при приближении невесты... Церемония встречи невесты... Была такая же лунная ночь. За брачным занавесом угадывались гибкие движения джене, отбивающей традиционные поклоны семье мужа. В лунном свете поблескивали маленькие серьги в ее ушах и тонко звенели, словно колокольчики на беркуте...»

— Братик!— слышу я рядом с собой.— Не спишь еще?

— Нет.

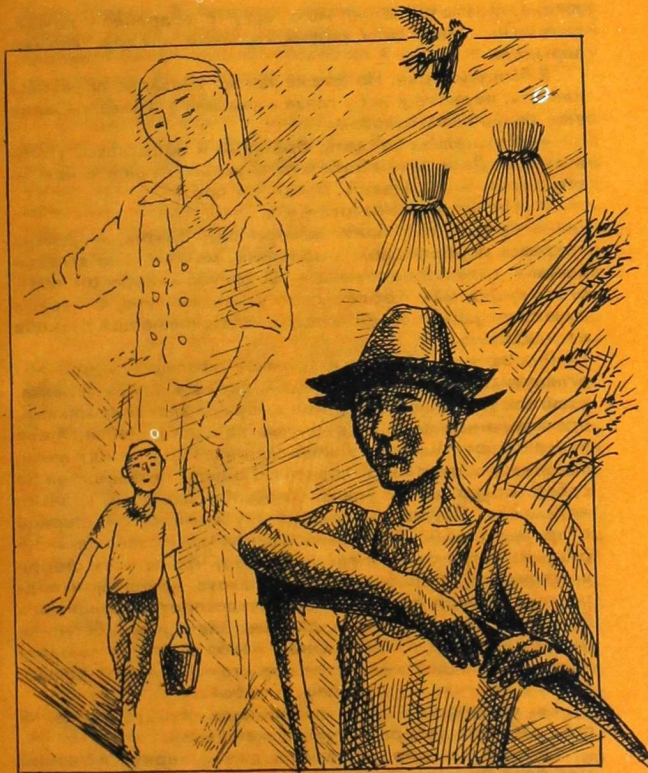
— Знаешь, братик, я думаю, кончится нынче война. А если и не кончится, Джакып все равно придет домой. Вот увидишь! Ранят его легко, и он вернется к нам. Помяни мое слово, придет, непременно придет.

Я не знал, что ответить. А там заснул незаметно.

На следующий день, как обычно, встали на заре. Встряхнули отяжелевшую от росы кошму, разыскали далеко забредших за ночь лошадей, свели на водопой и, захватив из дому на день еды, отправились в поле. Не мешкая, пристегнули лошадей к плугу да и вспахали две полосы земли. Вот тут-то и случись несчастье...

В небе неожиданно появился жаворонок и залился песней прямо над нашей головой. Он долго пел. Я очень любил тогда пение этой маленькой серой птички, часами мог слушать, задрав голову. Собирал ли в степи кизяк, или ходил по грибы, пас ли корову у родничка, слышав пение жаворонка, я все забывал, слушал и пытался разглядеть в высоком небе птичку-певунью. Но ни разу не удалось мне увидеть поющего жаворонка...

Сколько ни вглядывайся, одно и то же: весеннее утреннее небо... угасающая последняя звезда... не успевшая скрыться луна и облачко, плывущее ей навстречу... Но жаворонка не видно. Не помню, сколько времени я смотрел вверх, очнулся от толчка. Одна из лошадей, слегка ударив меня по ноге, побежала вперед, за ней другая. Я едва удержался на ногах. Быстро сообразив, натянул повод и с трудом остановил лошадей. Подбежала

джене, посмотрела на мою ногу с содранной кожей, потом на меня, села рядом со мной и вдруг громко зарыдала.

Я был растерян. Но джене так же внезапно перестала плакать, подняла к небу глаза и сказала удивившим меня уже спокойным голосом:

— Его нельзя увидеть, братик,— и попыталась улыбнуться.— Да и зачем тебе его видеть? Главное в нем — его песня. А ты знаешь, о чем он поет?

— Нет,— заинтересовался я.

— О многом поет жаворонок, братик...— Джене уперлась подбородком в колени и, мечтательно вглядываясь в даль, продолжала:— О голубом небе он поет, о плывущих мимо облаках, об утренней луне, о первых лучах солнца и о своей подруге, высиживающей птенцов на кладбище.

В этот миг раздалось громкое «папырр-пырр». Мы оглянулись. Из-под ног лошадей, держа в клюве червяка, взвилась большая белая птица и, шумно хлопая крыльями, пролетела над нами. Испуганные лошади понесли. Я еле успел отскочить назад. Джене же оказалась между ними, вцепилась в поводья и повисла. Лошади потащили ее за собой. Скоро джене упала, но освободить руки, видимо, не смогла. Лошади неслись к глубокой сухой старице с крутым яром. Я отчаянно закричал и закрыл лицо руками. Когда открыл глаза, увидел, что со всех сторон к старице бегут работавшие на пахоте женщины и подростки. Лошади доволокли джене до противоположного берега, а сами умчались дальше. Женщины обступили джене. Меня не пустили к ней. «Тебя здесь не хватало! Иди ищи лошадей!»— сказал мне кто-то. Я нехотя пошел. «Мозги вытекли»— услышал за собой.

На следующий день похоронили Кундуз-джене. Я стал работать теперь с другой женщиной.

Осенью, как и предсказывала джене, вернулся с войны мой брат Джакып. Приехал, но и дня не посидел дома —

была страда. Я навсегда запомнил его первый после фронта выход в поле. Полдень. Стояла жара. По узкой тропинке среди высокой пшеницы я носил жнецам воду из родника. Вдруг кто-то крикнул:

— Эй, дай воды!

За высокой стеной пшеницы никого не видеть. «Кто мог меня окликнуть?— гадал я.— Ведь в этом поле еще не началась уборка. Разве что Джакып-аке? Но как он узнал, что это то самое место?» Не успел я все это подумать, «Эй, несешь, что ли?»— повторил тот же голос. Сойдя с тропинки, по пшенице пошел прямо нанего. Так и есть. Брат. В заношенном солдатском галифе, в рваной майке, на голове старый киргизский колпак, в котором он ходил еще до войны. Со лба, с шеи скатываются капли пота. Глянь, он тут изрядный кусок уже сжал.

— Коль не покричать, сам не вспомнишь о брате,— вымученно улыбнулся он. Обеими руками взял ведро и, держа перед собой, стал сдувать плававшие в воде соринки и лапки кузнечиков. Я с опаской покосился на брата. И отшатнулся. Вцепившись зубами в край ведра, он не пил, а в упор смотрел на меня.— Здесь?— тихо спросил он. Я кивнул. Ведро в руках брата стало опускаться. Дойдя до груди, оно сорвалось и покатилось по земле. Увидев бессильно свисавшие руки, побелевшие губы, с тоской остановившиеся на мне глаза, я не выдержал и отвернулся. Брат медленно осел на землю. Положил голову на колени и затрясся от рыданий. Меня поразило, что он, не проронивший вчера слезу, когда ему сообщили о несчастье, так плачет сегодня. Не было слов, чтобы утешить его. Да и не посмел бы я заговорить с ним сейчас. Так молча и стоял над ним, пока он не успокоился.

В это время из-под куста полыни совсем рядом с нами вспорхнула птица. Быстро взглянув на меня, брат вскочил на ноги. Мы подошли к кусту. Под ним, в крохотном гнездышке, тесно прижавшись друг к другу, сидели три птенчика. Брат присел возле гнезда и протянул к ним

руку, а птенцы разинули навстречу ему свои желтые клювики.

Вдруг высоко над нами запел жаворонок. Он пел свою обычную песню, знакомую мне до последнего перелива.

Брат поднялся, приложил ладонь ко лбу, стал искать в небе жаворонка. Он долго смотрел не отрываясь.

— Эх!— вздохнул наконец и повернулся ко мне.— Жалко мне умерших!

Лицо его не было уже печальным, оно было как-то повзрослому взволнованно. Я повеселел.

Помахивая пустым ведром, не обращая никакого внимания на то, как шлепали меня по лицу тяжелые колкие колосья пшеницы, я побежал к родничку. Незнакомая мне радость поднималась в груди и сдавливала горло.

ПЕРВЫЙ БАЛ НАТАШИ РОСТОВОЙ

Завтра свадьба. Тайный калым давно получен. Приданое готово. В комнате для гостей местные мастерицы торопливо дошивают свадебную одежду невесты. В соседней комнате айльные кумушки, славящиеся знанием обычаев старины, все еще спорят, что набросить прибывшим сватам на плечи, то есть что из одежды поднести им в день свадьбы.

В маленькой кухоньке, среди только что вымытой посуды, на чурбаке сидит сама невеста. При тусклом свете из окошка, выходящего в сад, она читает «Войну и мир». Она так поглощена чтением, что забыла, где сидит и что ждет ее завтра. В эту минуту она видит себя на новогоднем балу екатерининского вельможи, куда пришла вместе с Наташей Ростовою, такой же юной и очаровательной, как она сама.

О, этот бал! Каких только чудес она не увидела там! Подъезд с красным сукном, парадная лестница с цветами

по обеим сторонам, ярко освещенные залы, женщины в белых, голубых, розовых платьях, мужчины в мундирах, звездах и лентах...

Девочка, у которой завтра вечером должна состояться свадьба, заметила вдруг, что ее прелестная сверстница Наташа не танцует. Вместе с другими дамами, тоже не приглашенными на танец, ее оттеснили к стене. Она стоит жалкая, растерянная. Бедная Наташа! Ведь это первый большой бал в ее жизни! Как она радовалась, как мечтала танцевать на этом балу... И вот...

«Она стояла, опустив свои тоненькие руки, и с мерно поднимающеюся, чуть определенной грудью, сдерживая дыхание, блестящими, испуганными глазами глядела перед собой, с выражением готовности на величайшую радость и на величайшее горе. Ее не занимали ни государь, ни все важные лица...— у ней была одна мысль: «неужели так никто не подойдет ко мне, неужели я не буду танцевать между первыми, неужели меня не заметят все эти мужчины, которые теперь, кажется, и не видят меня, а ежели смотрят на меня, то смотрят с таким выражением, как будто говорят: «А! это не она, так и нечего смотреть. Нет, это не может быть!»— думала она. «Они должны же знать, как мне хочется танцевать, как я отлично танцую, и как им весело будет танцевать со мной».

Звуки польского, продолжавшегося довольно долго, уже начали звучать грустно,— воспоминанием в ушах Наташи».

Бедненькая...

Большие черные глаза юной невесты наполнились слезами. Буквы стали сливаться.

Девочка подняла голову. После блеска бала их тесная кухня показалась ей темным подземельем. Сквозь сумерки и слезы глаза едва улавливали очертания предметов.

Крепко зажмурившись, девочка стряхнула слезы с ресниц и встала, чтобы зажечь свет.

Меж корявых черных ветвей старых урючин за окном плыл красный диск луны. Некоторое время девочка грустно следила за ним, потом задернула занавеску. В кухне стало совсем темно. Девочка долго шарила по стене, пока нашла выключатель, нажала на него и вернулась на свое место.

Вот она снова на балу. Наташа стоит все там же, среди неприглашенных на танец, оттесненных к стене дам. Вдруг из-за темных туч обиды выглянуло солнце. Наташу пригласили. Князь Андрей предложил ей тур вальса. Князь Андрей Болконский!

«Давно я ждала тебя», — как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка, своею проявившеюся из-за готовых слез улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея».

У невесты сердце заколотилось от радости, снова заволокло глаза влажной пеленой. Не в силах читать дальше, она оторвалась от книги. И сидела притихшая, все еще под впечатлением прочитанного, даже не смахивая слез.

Громко скрипнув, открылась дверь, вошла молодуха с кротким лицом.

— Джене! — радостно закричала девочка. — Наташу пригласили на танец!

Молодуха в первый раз видела, чтобы ее золовка так громко радовалась, но не поняла, чем она взволнована. «Наташу пригласили на танец? Какую Наташу? На какой танец?»

С доброй улыбкой она посмотрела на сияющее лицо девочки и тихим приятным голосом спросила:

— Кто это Наташа, моя девочка?

Но та не стала ей объяснять, лишь упрекнула:

— Ой, джене, ничего-то вы не читаете!

Молодуха виновато улыбнулась.

— Как же мне читать, коли не умею?

— А почему не умеете?

— Я не кончала школу...

— А почему не кончали?

— Ой, девочка моя, какой ты еще младенец,— улыбнулась молодуха.— Меня же вовсе не учили. Так и не пустили в школу. В горах прятали... А как пошел шестнадцатый годок, выдали замуж за твоего брата...

Девочка со снисходительным сочувствием взглянула на нее. Она любила свою джене. Но в глубине души не могла все же полностью оправдать ее.

— А зачем согласились? Почему не сказали, что учиться хотите, а не замуж выходить?

Молодуха опять улыбнулась.

— Смешно ты говоришь, девочка. Разве можно идти наперекор родителям? А кроме того, доля наша такая... Мы должны выйти замуж, рожать детей и растить их... Пусть ты станешь учительницей, доктором или даже артисткой, все равно не избежишь этой доли. Раз откажешься, два откажешься...

Молодуха махнула рукой и умолкла.

Ее рассуждения не понравились девочке. «Доля наша такая!»— то есть всех женщин, без исключения? Значит, и ее доля, и ей такую судьбу джене пророчит?.. И вдруг она вспомнила, что завтра вечером ее свадьба!.. Первый бал Наташи Ростовой, его пышная торжественность, огорчения и радости Наташи вмиг отодвинулись куда-то далеко-далеко. И она оказалась лицом к лицу со своей собственной судьбой. С видом обиженного и готового заплакать ребенка, которого внезапно разбудили, прервав волшебный сон, девочка смотрела на свою джене.

— Нет-нет,— прошептала она и замотала головой и вдруг громко закричала:— Нет! Нет! Нет!

Бедная молодуха не сразу сообразила, что случилось с золовкой, почему она кричит.

— Девочка моя, девочка!— засуетилась она.— Что с тобой, милая? Клянусь, я не хотела обидеть. Да убьет меня молния, коль я желаю тебе зла.

Молодуха обняла ее и стала гладить тонкие косички.

Девочка притихла. Она тупо глядела перед собой, по бледным щекам катились слезы.

— Пойдем, моя девочка, в гостевую,— ласково позвала молодуха.

— Зачем?

— Хотят примерить тебе свадебное платье.

Девочка вскинула голову и сердито посмотрела на джене.

— Будь умницей,— мягко предупредила молодуха, заметив, что золовка снова готова вспылить.— Идем же...

Гневные искорки в глазах у девочки погасли, она расслабленно опустила веки, потом дала поднять себя и увести.

Гостевая была полна молодых женщин и девушек. Весело тараторя, они окружили невесту и стали примерять еще недошитые наряды, наперебой обсуждали, где что надо поправить. Шутили, смеялись... Девочка осталась равнодушной, будто вся эта суета совсем ее не касалась. Ее тормозили, поворачивали, она подчинялась им, как неживая, и хмуро молчала.

Когда с примеркой было покончено, подбежали две молоденькие девушки и с веселым смехом развернули перед ней еще не дошитый ими брачный занавес. Девочка осталась одна в углу за занавесом и вдруг испугалась. Показалась, что уж никогда ей не выбраться отсюда. Она сжалась, глаза забегали, ища выхода. Потом нерешительно потопталась и, сбив с ног одну из девушек, державших занавес, кинулась к двери. Вслед ей раздался взрыв хохота, от которого, казалось, дрогнули стены.

— Тазагуль! Тазагуль!— крикнул кто-то. Но Тазагуль ничего уже не слышала.

Она вылетела во двор, обежала дом и припала к стволу старой урючины.

Вокруг царила тишина. Луна уже поднялась высоко. Ее бледные холодные лучи радужными искрами переливались на покрытых инеем опавших листьях.

Тазагуль постояла, прислонившись к дереву, затем направилась к соседям, к единственному светящемуся окошку их дома.

Здесь жила молодая пара. Недавно у них родился ребенок. Тазагуль дружила с молодой матерью. Она шла, надеясь застать соседку одну, чтобы излить ей свое горе и попросить совета.

Девочка подошла к окну и заглянула в комнату. Соседи были дома. Жена, расстелив возле горящего очага супуру¹, месила тесто. Муж сидел у задней стенки и, полузакрыв глаза, брэнчал на комузе. Возле него лежал завернутый в одеяло ребенок. Он отчаянно кричал.

— Отец,— обратилась к мужу хозяйка,— успокоили бы ребенка, дай бог вам здоровья.

— Он не успокоится,— невозмутимо ответил отец.

— Как же не успокоится? Возьмите его на руки, побаякайте...

— Все равно не успокоится. Ребенок только матери слушается. Возьми его сама.

— Ох какой же вы...

Молодуха поднялась с колен, испачканными в тесте руками осторожно вынула из одеяла ребенка и вернулась к очагу. Снова опустила на колени, переложила ношу на левую руку, правой принялась месить тесто.

— О-о-ой!— выдохнула Тазагуль и закрыла лицо ладонью. Потом повернулась и бросилась в сад. Она быстро шагала по опавшим листьям, по черным теням корявых голых деревьев и скоро вышла к дальней окраине сада. Неожиданно увидела между двух приземистых урючин грузную горбатую фигуру верблюда, неподвижно уставившегося на круглый диск луны.

Девушке нравилось смирное животное.

Она медленно подошла к нему. Верблюд перестал жевать и, вытянув шею, взглянул на нее.

¹ Супура — подстилка из кожи, на которой раскатывают тесто.

Тоненькими руками девочка погладила верблюда по мягкой бурой шерсти, припала к нему и зарыдала.

— Не хочу! Не хочу!— вскрикивала она сквозь слезы.

Вот она выпрямилась и застыла, словно от какой-то поразившей ее мысли. Резко повернулась и направилась к лежащей за садом облитой лунным светом долине. Сначала она шла медленно, нерешительно, потом побежала со всех ног... И вдруг остановилась, будто чьи-то могучие руки схватили ее за худые плечи и силой повернули назад. Ей бросился в глаза красный цветок в глубине сада — свет в маленьком оконце кухни.

Решительности ее как не бывало. Не в силах сдвинуться с места, она стояла, уставясь тоскливыми, полными слез глазами на красный цветок. Потом, еле волоча дрожащие от слабости ноги, с опущенной головой пошла назад.

Но чем ближе она подходила, тем меньше красноватый свет из окошка походил на цветок. Жизнь за окном ожила. Комнаты, вещи, люди снова обрели себя.

Некоторое время девочка молча, замороженно глядела на огонь за стеклом, затем, словно заяц, встретившийся нос к носу с волком, повернулась и побежала.

Скоро она оказалась на дальнем конце сада. От долины сад отделяла глубокая канава. Она хотела перескочить через нее, но упала, вцепившись руками в противоположный обрывистый край. Падая, разбила нос, оцарапала о колючки лицо. Но даже не заметила этого, выкарабкалась и побежала дальше.

Позади остался объятый темнотой большой густой сад, в котором она выросла. Осталось позади и одинокое окошко в глубине сада, издали казавшееся ей красным цветком...

КАРАКУЛЬСКИЕ ГУСИ

Старик в последний раз подбросил в печь угля. Огромной волосатой рукой он вытер со лба пот и, пошатываясь, пошел к выходу.

В конце сада, за грязными алюминиевыми столиками, на которые сверху падал электрический свет, сидели несколько знакомых шоферов, приехавших из Оша с грузом, трое-четверо местных джигитов в красных носках и еще какой-то незнакомец с лицом душанбинского таджика.

Шоферы горячо о чем-то спорили, джигиты то и дело принимались громко хохотать. Взрывы смеха эхом отдавались в темном саду.

Незнакомец сидел один за крайним столом и не отрываясь глядел на снежные пики гор, опоясавших город. Перед ним стояла начатая бутылка вина.

При виде вина старик проглотил слюну. Он покосился в сторону шоферов. Шоферы вообще-то народ щедрый. Эти к тому же знакомые. Но, разгоряченные вином, они сейчас не замечают его. Старик приуныл, почувствовал себя одиноким, никому не нужным.

Он постоял, утомленно прикрыв веки, не торопясь расстегнул ворот гимнастерки, купленной им два года назад у одного демобилизованного пограничника, затем из-за пропавшей потом пазухи вытащил блеснувший змеей чоор¹.

Как только чоор коснулся сухих губ старика, тихо полилась хватающая за душу печальная мелодия. Старик ее сочинил сам, хотя уже не помнил, когда и по какому поводу. Но он играл ее лишь в минуты уныния и грусти.

И в самом деле, в мелодии этой слышалась тоска по затерявшимся в далеких годах молодости и счастью.

¹ Чоор — музыкальный инструмент из пустотелого стебля, дуда, пастушеская свирель.

Шоферы и местные щеголи один за другим взглянули на старика и вернулись к своим веселым шуткам и спорам. Приезжий джигит быстро обернулся и уставился на старика. Он стал разглядывать его с таким же удивлением, как если бы солнце взошло не с востока, откуда ему положено, а с противоположной стороны. стакан с вином в его руке медленно опустился на стол.

Старик все это примечал. Но ему теперь не было дела ни до шоферов, ни до приезжего джигита с початой бутылкой вина. Он играл, слегка откинув назад голову, задумчиво уставившись на вершины гор и на выглядывавшие из-за них звезды. Он уже забыл, где стоит, забыл, что ему шестьдесят пять лет, мысли его, как проплывающая сквозь облака луна, неслись в далекие утраченные годы.

Был обычный тихий вечер. Тарахтенье машин на единственной улице города прекратилось, угомонился людской шум и суета, лишь река Гунт, протекающая совсем недалеко, продолжала свою неумолчную симфонию. Из-за высоких скал, пламенея желтым диском, поднималась луна. В лунном свете засверкали горные вершины.

В эту чудесную тихую ночь грустные звуки чоора казались волшебными, они тревожили сердце, навевали мечты и воспоминания о лучших годах жизни.

Старик играл долго. Наконец, когда губы его окончательно пересохли, он медленно оторвал от них чоор и сунул за пазуху. Чоор, как амулет, повис на его старчески сморщенной шее. Старик бросил взгляд на столы. Шоферы и молодые щеголи были заняты собой. А приезжий джигит в упор смотрел на него, будто пытался узнать в нем своего старого знакомого. Встретившись с ним взглядом, он тепло улыбнулся старику. Старик принял это как приглашение. Своей легкой, несколько неуверенной походкой он направился к джигиту.

— Вы из Душанбе?— спросил он на фарси, протягивая джигиту грязную руку. Джигит крепко пожал его руку, потом повел плечами и снова улыбнулся.

— Тогда вы киргиз?

Джигит кивнул и вежливо подвинул ему стул. Старик бросил на стул свое уставшее тело.

— Хорошо вы на чооре играете,— похвалил его джигит.

— А-а...— отмахнулся старик. Он покосился на бутылку.

Джигит до краев наполнил стакан темным вином. Глаза старика заблестели, полным благодарности взглядом он окинул приезжего.

Джигит улыбнулся, знаком приглашая пить. Старик выпил. Он еще не обедал. Прохладное вино вмиг подействовало на него. Настроение повысилось.

— Раз вы из Киргизии — значит, едете в Мургаб учителем,— уверенно заключил старик.

Джигит утвердительно закивал головой.

— А как вы догадались?— спросил он затем.

— Знаю. Из Киргизии в Мургаб учителя только и едут.

Старик медленно пододвинул стакан к бутылке. Джигит вылил в него остаток вина.

— Благодарствуйте,— сказал старик.— Благодарствуйте.

Он высоко ценил щедрость.

В это время в маленький афганский кыштак, притупившийся к горе по ту сторону реки, с ревом вошел осел. Джигит повернулся на рев и долго рассматривал кыштак, поблескивающее в окнах домов отражение луны и подгоняемые лунным светом, все ниже спускавшиеся с гор тени.

— Как здесь хорошо!— произнес он наконец, обращаясь к старику. В это время старик, поставив на стол пустой стакан, вытирал губы. Он молча взглянул на джигита. Молодое, красивое, без единой морщинки лицо джигита понравилось ему.

— В Мургабе еще лучше,— сказал он мечтательно,— там есть озеро Кара-Куль... В нем такие вот огромные

рыбы водятся, а на берегах живут дикие гуси. Да, да, дикие. Много, много гусей. Не счесть. Они закапывают свои яйца в песок. И если вы, раскопав песок, вытащите яйцо, они тучей вьются над вами, криками оглашая воздух и, стараются ударить вас сверху... Ах!— Старик неожиданно замолчал. Вино уже порядком разобрало его.

— Карамшо!— позвала его с порога толстая повариха.

Старик обернулся к ней.— Иди, поешь,— сказала женщина на языке бадахшанских таджиков.

Старик ничего ей не ответил. Он снова взглянул на джигита. Юное, беззаботное лицо джигита опять пришлось ему по вкусу. Он медленно встал и степенным шагом направился к буфету. Буфетчица подсчитывала выручку.

— Мубарро!— сказал старик, переминаясь на месте.

— Чего тебе?— сказала буфетчица.

— Налей-ка мне два стакана. В долг.

— Нет. Заплати прежде старые долги.

— Мубарро!

— Нет. К тому же поздно. Сейчас закрываем.

Старик оглянулся. Шоферы и местные парни ушли. Приезжий глядел на берег реки и на афганский кыштак.

— Мубарро! Гостя же надо угостить. Налей!

— Нет, не уговаривай, Карамшо.

— Завтра аванс.

— Нет.

Старик судорожно сжал стоявший на прилавке стакан с недопитым вином.

— Мубарро!

Старик снова посмотрел на джигита. Тот поманил его рукой. Поставив стакан, старик вернулся к джигиту.

— Вы что, хотите еще выпить?— спросил его джигит.

— Разве выпросишь у этой...— сквозь зубы процедил старик.

— Оставьте ее, не стоит вам больше пить, много будет,— сказал джигит.— Давайте попрощаемся.— Он протянул руку.— Будьте здоровы!

— Меня Карамшо зовут.— Пожимая джигиту руку, старик заговорил быстро, словно боялся, что тот уйдет, не дослушав его:— Будете еще раз в нашем Хороге, обязательно разыщите меня. Спросите Карамшо, любой таджик в Хороге укажет.

Джигит кивнул и улыбнулся.

— Знаете, что,— сказал он затем,— если ваш Кара-Куль не сказка, а в самом деле существует, я непременно побываю там.

Не дожидаясь ответа, он ушел в темень сада.

Старик некоторое время смотрел ему вслед.

Столовую и буфет уже закрыли. Повариха с буфетчицей ушли домой. Как всегда, старик остался в саду один. Усталой походкой он подошел к кровати возле кухни и сел.

«Все ушли,— сказал он.— А ты остался. Ты всегда остаешься...»

Прибежала тощая собака, черная, лохматая, она каждый вечер приходит сюда после закрытия столовой. За кухней послышался хруст костей.

«Так почему же ты не уходишь?— спросил старик себя.— Есть же у тебя дом! Не обижайся... Не домой, конечно. Куда-нибудь. Далеко. Хотя бы к гусям Кара-Куля... Куда?!»

Старик испугался собственного вопроса. Уж тридцать лет он не видел Кара-Куля. Он вспоминал его иногда, но поехать туда как-то не пришлось. Кара-Куль — озеро его молодости. А молодость его давно прошла.

Правда, там, на песчаном холме у самого берега, осталась могилка первой и последней его жены, умершей двадцати пяти лет. Хотя бы ради нее съездить.

Когда был помоложе, старик часто вспоминал Кара-Куль, тем чаще, чем ближе к отпуску, а одинокая могила на песчаном холме у берега и летящие среди белых облаков дикие гуси снились ему по ночам. И ему хотелось поехать на Кара-Куль. Но он так и не собрался.

Отпуск свой он проводил обычно или в чайханах Хоруга за пиалой, или же на берегу Гунта с удочкой.

В последние годы он и вовсе перестал брать отпуск. Завстоловой говорил ему, что как только он захочет, тут же даст ему отпуск. Вот теперь он возьмет. Непременно. Завтра же. Завтра же возьмет отпуск и сядет в одну из машин, идущих в сторону Оша. Шоферы все знакомые. Может, и даром подвезут. А проехать ему... не больше четырехсот километров. И так он снова окажется у Кара-Куля... у озера диких гусей... у озера лучших дней своей жизни.

Старик встал и по узкой, словно заячья тропка, дорожке среди высокой травы отправился домой. Он жил недалеко от сада. Старик долго возился со ржавым замком, наконец открыл дверь и медленно перешагнул порог.

За все лето он ни разу не приходил сюда. Поэтому здесь было пустынно и мертво, как в музее, холодно и темно. Из запыленного окошечка в комнату проникал лунный свет и освещал единственную дорогую вещь старика — вставленный в раму портрет покойной жены. Портрет этот сперва был крошечный, и старик носил его в маленькой книжечке в нагрудном кармане. Тому три года, как по его просьбе знакомый офицер-пограничник увеличил портрет.

— Ты прости меня,— обратился он с порога к портрету.— Я совсем перестал бывать дома. Не обижаешься?

Портрет молчал. Он всегда молчит.

Старик подошел к портрету и осторожно смахнул с него пыль. Постоял перед ним, неуклюже растопырив ноги, затем вытащил из кармана спички и зажег висевшую у очага лампу. Тусклый свет расплылся по комнате.

Старику прежде всего бросилось в глаза висевшее на гвозде ружье и мешочек с патронами, затем — ветхая постель, покрытая пылью посуда...

Старик неторопливо подошел к ружью и снял его с гвоздя. Вынул затвор, посмотрел ствол на свет. Он зарос

грязью. Старик вытащил привернутый к ружью шомпол, из рваного матраса оторвал кусок ваты и обернул ею кончик шомпола.

Скоро ружье было вычищено и повешено на прежнее место. Потом старик долго набивал патроны. Наконец, не то от усталости, не то от выпитого вина, он повалился набок и так заснул, полусидя. Проснулся он, когда лучи солнца пробились в комнату. Тело его отяжелело и тупо ныло. В горле пересохло, на душе была пустота.

Увидев рассыпанные патроны, старик удивился. Но потом все вспомнил. Горькая усмешка тронула его губы.

Немного погодя, он встал, закрыл дверь на замок и вышел на улицу.

Солнце уже поднялось, город начал оживать.

Старик посмотрел, как в афганском кыштаке на том берегу женщина вела за повод осла, затем громко зевнул и по росистой тропе направился в сад.

ЖУРАВЛИ ПРИЛЕТАЮТ ВЕСНОЙ

— Давай вспомним все. Все, все. Ты знаешь, Разия, я постоянно думал о тебе. Вспоминал наш кыштак... одинокую кашгарскую вишню... старую, кривую урючину над обрывом... большой белый камень, под которым мы с тобой играли... И узкую тропинку в предгорье, по которой мы ходили в школу... То была наша тропинка, наша дорога... Правда? А помнишь, каким образом появилась эта тропинка?

— Не-е-ет...

— Ну как же! Вспомни!.. Сначала мы ходили в школу по шоссе и часто опаздывали... До аила Урюкты мы делали порядочный крюк, шоссе вилось спиралью... А возвращаясь домой, уставали от долгой ходьбы... Правда?

— Угу...

— Однажды, когда мы опаздывали, я предложил пойти по предгорью. Путь сократился бы вдвое. Ты сказала, что там нет дороги, да к тому же опасно идти по безлюдным местам... Но я все-таки уговорил тебя. Мы проложили по свежему снегу первый след до самой школы...

— И возвратились по тому же пути!

— Да.

— И на другой день...

— И на другой день, Разия. А потом мы привыкли к этому пути. И очень скоро появилась наша тропинка. Пришла весна, растаял снег, и вместе с ним исчезла тропинка. Но мы протоптали новую, по траве... А вскоре по ней стали ходить и другие люди... Но никто из них не задумался, откуда она появилась, эта дорожка. А дорожка была... наша. Правда, Разия?

— Конечно. После твоего отъезда я продолжала ходить по ней. Но уже одна...

— А как же твой двоюродный брат, художник?

— О, Азиз, не упоминай его имени! Прошу тебя, не упоминай! Я же говорила, что вскоре после твоего отъезда его попросили из дома...

— Прости меня, Разия. Да, ты говорила. Прости. Ах, подлец! Если бы не он...

— Снова «он»? Азиз!

— Прости, прости... Но я не могу не презирать его. Если бы только не он... Подонок! Он мне не понравился с первого взгляда. В наш аил он приехал на арбе. Одет по-городскому. Волосы длинные, тонкие усики...

— Да. Усы были рыжие. Он каждый день подрисовывал их черным карандашом.

— Да ну? Вот видишь... Я сначала думал, что он геолог. Он таскал на плече что-то похожее на планшетку. Оказывается, это был мольберт. Твой брат слез с арбы, когда она поравнялась с нашим домом, и долго стоял, пытаясь прикурить. Потом подошел к моей матери — она черпала воду из арыка — и спросил, как пройти к

вашему дому. Ему объяснили. Он зашагал по улице, утлая по самую щиколотку в густой пыли. Я смотрел вслед до тех пор, пока он не открыл вашу калитку. А вечером, когда я гнал корову домой, увидел вас... Ты шла с ним к арыку... Наутро, по дороге в школу, ты рассказывала, что приехал двоюродный брат — бёлё, что раньше ты его не видела, а он приехал в аил писать этюды. Вот с того дня твой бёлё прицепился к тебе, как репей. Шла ли ты за водой, он тасил ведро, доила ли корову, — он держал теленка, и даже курай помогал собирать...

В первые дни я не знал, то ли почитать его, то ли презирать. Но постепенно и это прояснилось: я возненавидел его. Он — меня. Ты чувствовала это.

— Азиз!

— Хорошо, хорошо... Но мне просто хочется восстановить все в памяти, Разия. Все, все, с самого начала до конца. Почему ты не хочешь вспоминать о прошлом? Что здесь плохого? Мне, например, очень нравится освежить в памяти прошлые события. Разия, я все время думал о прошлом. Все время вспоминал тебя. И наш кыштак... и одинокую кашгарскую вишню... и старую, скрюченную урючину над обрывом... И большой белый камень, под которым мы с тобой играли.. Узкую тропиночку, по которой мы ходили в школу... Ах, подонок! Если бы только не он...

— Азиз! Не хочу!

— Хорошо, Разия, больше не буду. Мы... А ты помнишь, как твой бёлё рисовал нашу тропинку?

— Угу...

— В тот день нас рано отпустили. Помнишь, мы перешли вброд речушку, поднялись на холм и увидели вдалеке человека, он сидел на нашей тропинке. Я сказал, что это путник, присевший отдохнуть. Тогда ты предложила: «Давай побежим к нему наперегонки. Если догонишь меня, стукнешь». Мы побежали. Я тебя догнал, когда до сидящего человека осталось совсем немного... Тот, кого мы приняли за путника, оказался твоим бёлё. Я смутился.

Твой бѐлѐ сидел на камне, держал в правой руке кисть, а в левой — папиросу и, лениво затягиваясь, смотрел на нас. Перед ним стоял этюдник.

Нам с тобой стало как-то неловко, мы переглянулись. Он улыбнулся тебе и принялся работать. Мы на цыпочках, будто крались к бабочке, встали за его спиной. Этюд еще не был закончен. Но он нам понравился уже тогда. Может, потому, что нам было знакомо все, что там изображалось.

Целинная степь у подножья гор... Осень. В засохшей и выгоревшей траве пестреют головки цветов. От легкого ветерка верхушки трав заметно наклонились, по низкому небу тихо плывут белесые облака. А вот и одинокая тропка... Наша тропка. Протопанная нами степная дорожка. Она отчетливо вьется по полю, как змеиный след на пыльной дороге. И поле и тропинка тянутся на запад и, постепенно удаляясь, незаметно идут на подъем, где-то далеко-далеко упираясь в свисавшие с неба серые тучи.

Мы невольно улыбнулись друг другу. В тот миг нами владели одни мысли, одни чувства.

Я посмотрел на широкую спину твоего бѐлѐ, на его толстую красную шею, коротко выглядывавшую из белого воротника, на густые взлохмаченные волосы. И сам не заметил, как он показался мне симпатичным, хорошим. Но это чувство так же быстро улетучилось, как и нахлынуло.

«А как вы назовете эту картину, бѐлѐ?»— спросила ты, не в силах скрыть свой восторг.

«Тропинка в предгорье»,— ответил бѐлѐ. И, повернувшись, снова улыбнулся тебе.

Я заметил, как растянулась ниточка его усов и как его узкие глаза на мгновение скрылись за редкими ресницами. Ты покраснела и посмотрела на меня. Я — на горы...

Потом мы собрались уходить.

«Разия,— неожиданно окликнул твой бѐлѐ.— Может, останешься со мной? В аил вернемся вместе».

Ты повернулась ко мне, потом к своему бѐлѐ. Смущенно пробормотала:

«Ой, бѐлѐ, вы знаете... мама наказывала, чтобы я не задерживалась в дороге и побыстрее возвращалась домой. Сегодня у нас должны быть гости. Мама говорила, что будем печь самсу, я...»

«Ничего не случится, Разия. Помоги мне. Для тебя есть подходящая работа. А перед твоей матерью я буду в ответе. Хорошо?»— сказал твой бѐлѐ.

Ты посмотрела на меня. Я посмотрел на нашу тропинку, тянувшуюся до самого нашего дома.

«А ты можешь идти»,— сказал твой бѐлѐ мне.

Я взглянул на тебя и неохотно пошел прочь. Я шел и не оглядывался...

— Но я же потом догнала тебя.

— Да. Потом. Что тогда сказал тебе твой бѐлѐ?

— Я же рассказывала...

— Повтори... Я забыл.

— Рассказывала! Он усадил меня рядом с собой и подал палитру. Но сам перестал работать и, тихо покуривая, не отрывал от меня глаз. Я почувствовала себя очень неловко. Он взял меня за руку... Я вся задрожала и вскочила с места.

«Я раньше не знал, что у моей тетушки такая красивая дочь»,— сказал он. «Бѐлѐ, я пойду... Мне надо идти, бѐлѐ...»— заторопилась я. «Ах, дикарка,— сказал он.— Ах, моя маленькая дикарка!»

Я дальше не слушала его. Я бросилась со всех ног прочь и догнала тебя... Я тебе рассказывала об этом, Азиз. Но ты почему-то рассердился и, не глядя на меня, быстро ушел вперед. Я плакала. Называла тебя жестоким, бессердечным.

— Да, да, начинаю вспоминать. Но мы же снова сошлись у родника.

— Я догнала тебя у родника. Ты гонялся за выводком кекликов, пришедших искупаться. Я тоже стала ловить

кекликов. Но птенцы уже были большие, и мы не смогли поймать ни одного. Я тогда расшибла ногу о камень. Ты перевязал мне ее своим платком и сказал: «Незачем было бегать. Если бы я поймал, все равно тебе отдал бы». Потом мы пошли домой. По дороге ты сказал: «Знаешь, Разия, если б я был на месте твоего бѐлѐ, я назвал бы картину «Незабываемая тропинка».

— Да, да, Разия, говорил! Это помню. Потом? Что было потом?

— Потом мы наткнулись на заблудившегося ягненка.

— И это помню. Я написал про ягненка тогда стихи...

— Они остались у меня в памяти. Сейчас... Мм...

В кустарнике, где щебечут птицы,
Испуганный ягненок плутает.
А его мамашу глупую
Угнал чабан давно за перевал.

Бегаёт малыш, жалобно плачет,
Тычется мордочкой в мох и кусты.
Найдет ли маленький мать
Или под открытым небом останется один?

Ты ведь не закончил эти стихи, Азиз!

— Я закончил после, Разия. Закончил.

— Правда? Правда, Азиз? Тогда прочитай:

— «И я, как тот одинокий ягненок, тебя ищу, моя Разия, и не могу найти. Ввела ты меня в обман...»

— Азиз, плохой конец! Очень плохой конец, Азиз!

— Но ты же не дослушала до конца!

— Все равно. Все равно плохо...

— Прости, если не нравится, Разия. Я еще за многое должен просить у тебя прощение... За многое, за многое!

— Не говори так...

— Нет, правда. Помнишь, как я ударил тебя по щеке? Это было в абрикосовом саду Баймурата-аке. Я пошел туда, чтобы срезать серпом сноп мяты для мамы. На вас с бѐлѐ я и наткнулся нечаянно. Вы были в глубине сада,

под старой джидой, возле которой росла густая белая трава. Твой бѐлѐ сидел на маленьком стульчике. Перед ним — этюдник. Ты стояла напротив и, наклонившись, перебирала верхушки засохших трав. В левой руке ты держала корзинку с урюком. Я стоял в стороне. Вы меня не заметили.

Вдруг твой бѐлѐ поднялся, взял тебя за подбородок и повернул твое лицо к себе. «Неужели ты раньше не собирала землянику?» — «Угу, мы с Азизом часто собирали», — сказала ты. «Вот ты и сейчас собираешь землянику. Поняла?»

И твой бѐлѐ направился к своему месту. Но он не взялся за кисть, а снова подошел к тебе.

«Ах, дикарка моя, милая дикарка», — сказал он. Его рука зашарила по твоей груди, будто искала что-то. — О, Азиз!

Я не мог дальше смотреть. Все завертелось перед глазами, мне показалось, что перевернулась земля. Я побежал прочь от вас, прочь.

Вечером мы снова встретились. Я подошел к тебе, ничего не говоря, ударил по лицу, повернулся и ушел.

Я решил больше никогда не встречаться с тобой, не разговаривать. Мне хотелось отомстить тебе. На другой день я не пошел в школу. Ты впервые пошла одна. Я хорошо это помню, потому что утром не отходил от окна. Ты остановилась у белого камня, где мы встречались каждое утро, и посмотрела на мой дом. Но ты не ждала меня, как обычно. Ты пошла по нашей тропинке, оглянулась несколько раз. Мне почему-то стало жаль тебя. Мне хотелось догнать тебя, попросить прощения и даже вместе дойти до школы... Но я... не сделал этого. Видно, заговорило самолюбие. Наоборот, я хотел, чтобы ты просила у меня прощение. А ты... Ты ни разу не пришла ко мне.

Я не ходил в школу около двух недель. Скучал без дела в одиночестве. Мать с отцом каждый день ругали

меня, гнали в школу. Да мне и самому хотелось. Но я не желал ронять свою честь. Но и не знал, что мне делать дальше.

И вдруг приехал Аскар-таяке! Дядя Аскар! Ты его знаешь, Разия. Помнишь, по нашему аилу ходил такой, небольшого роста, круглолицый большеротый джигит? Немного рыжеватый? Он работал то арбакешем, то конюхом, то чабаном на ферме. Помнишь? Потом он продал куда-то на сторону шесть колхозных овец, и, когда его хотели призвать к ответу, он исчез. Позже люди болтали о нем разное, невозможно понять, где правда, где ложь: то говорили, что он работает грузчиком в Ленинабаде, то — железнодорожником в Горчакове, то продает керосин в Фергане, то шахтерит в Кызыл-Кие. Я и не знал, кому верить. Только когда Аскар приехал сам, я узнал истину.

В день его приезда прошел сильный дождь. Дороги были по колена в грязи, в арыках текла мутная вода.

Аскар весь день ходил по аилу. Вечером он пришел домой совершенно пьяный, от его нового костюма лепешками отваливалась засохшая грязь, он был похож на курицу, извалявшуюся в золе. Мы с мамой кое-как раздели его и уложили в постель. Утром я заглянул к нему. Он уже проснулся, но не вставал с постели, курил и сквозь густые клубы дыма задумчиво рассматривал потолок.

Мы с ним долго разговаривали. Он рассказал мне о местах, где побывал, кем работал, о куче денег, которые загребал, о похвальных листах, которые получил. Теперь он собирался ехать на строительство дороги Фрунзе — Ош. Его жизнь показалась для меня, еще ничего не видевшего, никуда не выезжавшего мальчика, чудесной, захватывающей. Я влюбился в эту жизнь. Аскар мне понравился. Он напоминал мне мужественных и романтических героев Джека Лондона. Я следил за каждым его движением, с жадностью ловил каждое его слово. Аскар,

наверное, заметил, какое впечатление он произвел на меня, потому что вдруг предложил: «А хочешь, я возьму тебя с собой?»

Я растерялся, не зная что ответить на так круто поставленный вопрос.

«Подумай,— сказал он.— Что толку от безделья? Учиться ты, оказывается, уже бросил. Слышал...»

Его предложение взволновало меня. «А ведь правда,— подумал я.— Школу я бросил. Говори не говори, а какой толк от безделья?» И, не подумав до конца, я сказал:

«Если родители согласятся, то ладно».

Родители, конечно, сразу же заартачились, как недавно объезженный конь. «Не сходи с ума, Азиз! Не сходи с ума!— запричитала мама.— Ты должен учиться».

Отец был полностью согласен с ней.

Но таяке в конце концов сумел убедить их.

Я уже джигит. Теперь я в состоянии прокормить не только себя, но и отца и мать. Захочу учиться, всегда смогу учиться, успею. Аскар сам приучит меня к труду. Покажет новые земли, города. Я пройду жизненную закалку, стану человеком.

Конечно, эти слова удовлетворили не только меня, но и родителей. Да ты и сама знаешь, Разия, что наши родители желают воспитывать своих детей тем путем, который предлагал им Аскар. На другой день я по-туристски вскинул на плечо курджун с припасами, которые приготовила мне мать, и выступил в путь вместе с Аскаром. Это был мой первый выход за пределы аила, Разия. В сердце — радость, приподнятость.

Мы прибыли в Ош. Отсюда собирались доехать до Токтогула, а уже оттуда — к дороге Фрунзе — Ош. Но мы... не поехали туда. О, Разия, если бы ты только знала, кем оказался Аскар!

Мы сидели в маленькой закуской у автостанции и пили пиво. Ты не удивляйся. Потом Аскар приучил меня

и к спиртному. Сначала я не соглашался. Но он не отставал.

«Пей. Ты не сопливый мальчишка, который живет умом своих родителей и учителей. Ты — рабочий, мужчина. А рабочий народ любит пиво. Видишь вон тех мужчин, что пьют пиво. Они тоже все рабочие», — сказал он.

И на самом деле, маленькая пивнушка, в которой стояло всего пять столиков, была набита людьми. Я разглядывал плавающие в клубах дыма волевые суровые лица, вслушивался в соленые, крепкие словечки и чувствовал гордость, что сижу с такими людьми и запросто пью пиво.

«Пей!» — повторил дядя Аскар.

Я выпил. Очень скоро тело мое расслабло, думы стали легкими, вернее, никаких дум не было. Вдруг я очнулся и сам не заметил, как моя рука потянулась к пачке сигарет.

«Вот это настоящий мужчина!» — сказал таяке, зажигая мне спичку.

Мы, наверное, просидели очень долго. За окном хлынул дождь. Люди побежали, спасаясь от потоков воды, площадь у автостанции опустела. По лобовым стеклам подъезжавших автобусов и такси отчаянно скользили стеклоочистители.

«Когда поедем? — спросил я Аскара, показывая на окно. — Может, наш автобус уже давно ушел?»

Аскар махнул рукой, мол, черт с ним.

В этот момент к нашему столу подсел с двумя кружками пива высокий полноватый джигит. Дядя сразу же разговорился с ним.

«Где работаешь, джигит?» — был его первый вопрос.

«Сейчас не работаю. В отпуске», — ответил тот равнодушно.

«А все-таки?»

«На дороге Фрунзе — Ош».

«Вот это нам повезло! Какая удачная встреча! Мы, браток, как раз на это строительство собирались. Коли тебе не лень, расскажи нам о стройке».

«Что вас интересует?»

Дядя потер указательным и большим пальцами правой руки, словно ощупал деньги.

Незнакомый джигит сразу как-то встряхнулся, глаза его стали жесткими, как у волка. Он оглядел нас с ног до головы. Сначала дядю, потом — меня. Я почувствовал, что мы ему не понравились. Но он все-таки ответил:

«А-а... На стройке по-разному получают».

«А точнее?»

«Около двух тысяч».

Я только тогда понял, что речь шла о деньгах.

Я удивился: разве не все равно?

Дядя протяжно присвистнул.

«Вот как! — сказал он незнакомцу. — А мне говорили, что там две с половиной можно заработать. Значит, приврали. М-да...»

«Что, мало тебе?»

«Э-э, браток. Две тысячи я получал и на лесоскладе. А там работа — не бей лежачего. И не стоит из-за двух тысяч ехать на строительство дороги Фрунзе — Ош».

Тот уставился на Аскара. Мне показалось, что он порицает его. Ах, дядя! Не пойму я тебя!

Джигит быстро допил пиво и поднялся.

«Спасибо, браток, — сказал Аскар ему. — Если бы не встретились с тобой, зря бы проехали».

Аскар протянул незнакомцу руку. Но тот не спешил подать свою. Он зло посмотрел на дядю:

«И я думаю, что ты правильно делаешь. Все равно от таких, как ты, людям нет пользы ни на грош».

«Что-о-о?!» — изумленно закричал дядя.

Тот молча повернулся и ушел. Дядя пробормотал ему вслед: «Патриот! Посмотрите-ка на него!» — и успокоился.

Вот так мы, Разия, и не поехали на строительство дороги Фрунзе — Ош. Все мои благие мечты и ожидания улетучились, как хмель из головы пьяного. Я был разочарован. Будто сердце свое окунул в густую, грязную жидкость, как пиво!

«Что теперь будем делать, таяке?» — спросил я дядю нетерпеливо.

Аскар глотнул пива и равнодушно ответил:

«Не беспокойся, найдется куда поехать. Сегодня же ходим к геологам и потолкуем. У них всегда есть работенка. Геологические партии непрерывно набирают рабочих. Я тоже работал...»

«А если и они мало платят? Снова не поедем?»

«Это посмотрим. Пей пиво.— Он опорожнил свою кружку.— Если там не найдется подходящей работы, то подождем до мая партию на Памир. Каждый год в мае здесь, в Оше, формируется партия на Памир. Они принадлежат Таджикистану. Ищут золото. Слышал про «Таджикзолото»?»

«Нет».

«Я два раза ходил с ними. Ох и платят же! Около трех тысяч зашибал! Одно плохо: работают только в летний сезон. И все же летом хорошо подработаешь — на всю зиму хватит. Пей пиво».

Я так и сидел с разинутым ртом. Постепенно таяке как-то отдалялся от меня. Я подумал: почему бы это? Неужели только из-за своей глотки он скитается по земле в поисках выгодной работы? Неужели работает только ради денег? А как же он получал грамоты? Я ничего не понимал. Как ты думаешь, Разия, за что ему давали эти грамоты?

— Я... я не знаю, Азиз. Может, они не раскусили твоего дядю?

— Не знаю. Эх, дядя, дядя! И надо же было встретиться с ним! «Таяке,— сказал я ему,— сейчас только начало осени. Как же мы дождемся весны?»

«Дождемся!»

«А где жить будем? Или назад, домой, поедем?»

«Нет. При геологобазе есть гостиница. Дешевая. Там можно прекрасно прожить. А питаться будем в столовых, в ресторанах. Денег достаточно. До весны прокормимся. А если захочешь рассчитаться со мной, то рассчитаешься, когда у тебя будут деньги. Я не такой уж жадный».

Я умолк, да и не знал, что ему сказать. Голова пошла кругом. Я не знал, возвращаться ли домой или вместе с дядей искать работу.

В тот день мы допоздна пили пиво. Помню, что сильно опьянели. Когда вышли на улицу, было темно. Шел проливной дождь. Прохожих мало. Мы, шатаясь, подошли к стоянке и взяли такси до нового города. Дальше ничего не помню...

Утром я проснулся в светлой комнате. Кругом кровати, чужие люди. Только одна кровать рядом со мной пуста.

В комнату вошел Аскар.

«Эй, засоня! Только встал?— спросил он весело.— А я уже давно проснулся. Успел к геологам сходить, разузнать обо всем. Дела вот какие. Пока набирают рабочих только в две партии. В тридцать четвертую и тридцать пятую. Но эти партии открыты давно. С них ничего не выжмешь. В старых партиях платят мало. Теперь нам, племяшка, лучше всего ждать партии на Памир. А если до этого найдется калымное дело, тогда, конечно, другой резон. Поедем без задержки. Что скажешь?»

Новости Аскара не привели меня в восторг.

«Где мы находимся?» — спросил я.

«В гостинице геологобазы. Ты на самом деле не знаешь?»

Я подошел к окну, понял, что нахожусь на втором этаже, и увидел большой двор, забитый машинами с треугольниками на дверцах кабин.

Солнце только начинало греть. Шелковые нити его желтых лучей на миг прилипали к белым стенам домика

на Сулаймангоре, в котором сидели муллы в ожидании правоверных, потом соскальзывали по плоским черным камням вниз, до самого города. Небо над городом заволокло дымом из труб кирпичного завода, фабрик и домов. Интересно, Разия. Город же находится в низине. В тот миг он показался мне тонущим кораблем, а трубы фабрик и завода напоминали трубы корабля. Ты была в Оше?

— Да.

— Когда?

— Сегодня. Ведь сейчас мы в Оше, твой рассказ увел меня туда.

— О, Разия, я не принимаю это в расчет. Была на самом деле?

— Нет. Когда мы с тобой были маленькими, мы очень хотели съездить в Ош. Помнишь, около вашего старого дома лежали длинные арчевые жерди? Помнишь?

— Конечно, Разия. Это я помню.

— Мы садились с тобой по концам жерди, раскачивались, изображая походку верблюда, и пели:

Мы погоняем верблюда,
Но когда же приедем в Ош?

Помнишь?

— Да, да, Разия! Все в памяти. О-о-у, сколько времени с тех пор прошло! Теперь мы наконец в Оше, но уже совершенно взрослые. Наш верблюд оказался тихоходом.

— Да. И что интересно, хоть мы с тобой сидели на одном верблюде, а в Ош приехали в разное время.

— Правда. Но вина за это лежит не на верблюде, а на нем. На твоём бёлё.

— Ох, Азиз, оставь его в покое! Лучше продолжай свой рассказ. Ну продолжай же! Это же про тебя. Я очень хочу слушать о тебе, только о тебе. Рассказывай!

— Хорошо. Но ты мне напомни, на чем мы остановились.

— Ты в гостинице. На втором этаже. Утром.

— Спасибо, Разия. Значит, я стоял у окна. Я бы и дальше так стоял. Но Аскар предложил: «Идем, поедем».

Я не хотел есть. От вчерашнего пива болела голова, ничего не хотелось делать. «Не хочется»,— ответил я.

«Это от пива,— точно определил Аскар.— Тебе сейчас надо как следует поесть. Перед едой выпей сто грамм. Тогда все будет в порядке».

«И пить не хочется».

«Ерунда! Я знаю, что говорю. Давай одевайся. Я уже умылся».

Аскар повел меня в ресторан «Памир». Зал был чистый, просторный, светлый. Мы прошли вглубь и заняли стол в углу. Аскар заказал на двоих еду и водку.

«Я не буду пить»,— сказал я.

«Почему?»

«Не хочу».

«Но это тебе же на пользу! Водка возбуждает аппетит».

«Не хочу. Не хочу, таяке».

«Тогда выпей вина. Вино послабее».

«И вина не хочу!»

«Перестань лепетать, как ребенок! Сестричка! Принесите нам вместо водки вина!»

Официантка выполнила его заказ. Вот видишь, Разия?

— И ты выпил?

— Да, Разия, выпил. И не один раз. Я же говорил, что должен просить у тебя много-много раз прощения. Мы каждый день приходили в тот же ресторан, садились за тот же стол и ели, пили. В ресторан идем утром. Поедим, выпьем, а потом бесцельно бродим по городу. В обед снова идем в ресторан, поедем, выпьем. Потом снова ходим по городу. Вечером опять тот же ресторан. Едим, пьянствуем. Домой возвращаемся поздно, за полночь. И будто мало этого... О, этот Аскар!

Наш стол обслуживала молодая киргизка. Аскар очень близко познакомился с ней. Однажды он пригласил ее выпить вместе с нами вина.

«Садись, красавица, выпьем», — сказал он шутя.

Женщина присела с краю, но от вина отказалась.

«Почему, красавица?» — спросил Аскар.

«Нам нельзя во время работы пить с клиентами».

«А-а! Значит, так, красавица? А в другое время можно с тобой выпить?»

«Почему же нельзя?»

«А где?»

«Мне все равно».

«С кем ты живешь?»

«Одна».

«Отлично! Ну тогда сегодня принимай гостей. Ну как?»

Официантка испытующе посмотрела на меня, потом обратилась к Аскару:

«А... может, твоему товарищу не понравится мое жилье?»

«Ничего, понравится».

Официантку отзывали другие посетители. Она сказала, что скоро подойдет, и ушла. У нее было красивое сильное тело, узкая талия, да и лицом она была приятна. А когда шла, покачивала бедрами.

«Посмотри, ну посмотри, как идет!» — сказал Аскар, восторженно потирая руки и провожая ее взглядом.

Я не ответил.

«Что с тобой?»

«Ничего!»

«Ты хочешь, чтобы мы сегодня были у этой женщины? Хочешь?»

«Нет. У нас нет к ней никакого дела. И к тому же сейчас ночь. Надо возвращаться в гостиницу».

«Нам же все равно, где ночевать».

Я промолчал. Аскар со вкусом отпил глоток вина и прочитал стихи:

На этом свете жить нам мало суждено.
Коль ты не пьешь и женщину не любишь,
То в чем же прелесть жизни? Ведь все равно
Покинешь этот мир...

Я не знаю, чьи эти стихи. Мне они не понравились.

«Ну как, верно сказано?»

«Я хочу в гостиницу».

«Ну что ж... Иди, если хочешь. Я приду попозже.
Договорились?»

Я встал и направился к выходу. Та официантка понимающе улыбнулась мне.

Я вышел на улицу. Лениво опускаются на землю снежинки. Прохожих мало. Тишина. Только едва доносится бормотание Ак-Бууры. Я шел и чувствовал себя свободным. Размечтался. Думал о тебе. О нашем кыштаке. Об одинокой кашгарской вишне. О кривой урючине над самым обрывом. О большом белом камне... О тропинке в предгорье... Одним словом, обо всем, что было связано с нами. Разия, как мы росли? Скажи, Разия, как мы росли?

— Мы? Мм... так. Сначала родились. Я — на неделю раньше, ты на неделю позже. Весной. Потом наши матери уложили нас в колыбели, в которые укладывали их самих наши бабушки. Потом... потом мы играли в куклы под большим белым камнем. Потом мы стали лазать на одинокую кашгарскую вишню. Она росла на берегу большого арыка. Подвесили качели на кривую урючину над обрывом. Та урючина состарилась еще задолго до нашего появления на свет. Воровали курут, разложенный твоей бабушкой для сушки. Потом ходили в школу. В тот же год взрослые заставили нас держать уразу. В длинные темные ночи мы учились у твоей бабушки молитвам. Но это продолжалось недолго. Вмешались учителя...

— Потом, Разия? Потом?

— Потом... мы ходили на озеро ловить купающиеся облака.

— Ловить облака?

— Да. Твоя бабушка говорила нам, что и облака испытывают жажду, и, когда им хочется пить, они опускаются в безлюдном месте на воду, купаются, пьют и снова поднимаются в небо. Мы верили в это. Однажды большое белое облако отделилось от своих товарищей и остановилось на вершине горы над озерцом. Ты сказал, что оно хочет искупаться, и предложил поймать его. Мы пришли на берег и долго лежали в камышах. Но облако тихо проплыло над нами, накрыв своей тенью. Ты сказал, что оно увидело нас и испугалось.

— Интересно. Но почему я этого не помню?

— Правда? А ты не забыл, как мы провожали на фронт наших отцов?

— О, это я помню! Мы были маленькими. Но я помню. В районном центре, там, где сейчас стоит обувная мастерская, был большой двор. Мобилизованные были внутри. Провожающие толпились по эту сторону забора. Они что-то кричали своим близким.

— Правильно. А ты помнишь, как мы голодали?

— Помню, Разия. Тогда люди ели мяту, дикий лук. Мой старший брат, несмотря на то, что был совсем ребенком, вместе со стариками косил сено. Он всегда уходил утром голодный. А когда вечером возвращался, губы у него были желтые, как у неоперившегося птенца. Только позже я узнал, что это от голода...

— А как мы пахали вместе со взрослыми? Помнишь?

— Да. Тогда мужчин в колхозе было мало. Пахали женщины, поливали женщины, молотили тоже женщины... Везде женщины. Мы, дети, помогали им. Мы скирдовали сено, собирали колосья на сжатом поле, погоняли лошадей во время пахоты. Иногда плакали, потому что не могли управлять лошадьми. Но и наш труд не пропал впустую. Так ведь, Разия?

— Конечно, Азиз. Рассказывай дальше!

— В тот вечер я, весь осыпанный снегом, ходил по улицам Оша и думал... Меня охватила гордость за наше дет-

ство. Пусть было и такое, в чем приходилось раскаиваться... Но остальное — незабываемое, дорогое...

Я возвратился в гостиницу очень поздно. Но в комнате никого не было. Старые жильцы уехали, а новых не вселили. Аскар пришел только на другой день.

— Мерзавец!

— Он и после этого продолжал в том же духе.

— А почему ты не ушел от него, Азиз? Почему?

— Я ушел, Разия. Но поздно... Однажды вечером в нашу комнату (в тот день Аскар ночевал в гостинице) вошли двое незнакомцев.

Мы погасили свет и легли спать. Но еще не заснули. В комнате было темно. Я еле различал силуэты вошедших. Один из них включил свет. Я закрыл голову одеялом, но их видел в щелку. Один был тонкий длинный, как после-полуденная тень, глаза блестели двумя выпуклыми линзами и ворочались в глазницах, будто готовые выскочить из орбит. Мужчина был средних лет.

Вторым был русский, лет сорока пяти. Мощный и широкий, как медведь, брови густые, лоб высокий, из-под нависших бровей улыбаются голубые глаза, искрятся, как звездочки из глубины родника.

«Я думаю, вы здесь хорошо отдохнете», — сказал русский.

«Спасибо, Иван Лукич», — сказал киргиз, снимая полусубок.

«Спите и ни о чем не беспокойтесь. Вас разбудит шофер в шесть часов».

«До свиданья, Иван Лукич. До весны...»

«До весны, Джакып!»

Иван Лукич направился к двери, но на полпути остановился.

«Да, кстати, Джакып, не забудьте набрать рабочих в Гюльче. А то не сможете начать штольню в этом году».

«Обязательно, Иван Лукич. Что-что, но этого я не забуду».

Я впервые слышал это слово «штольня». И, непонятное, оно не произвело на меня особого впечатления. Но Аскар вскочил с постели, сдергивая с головы одеяло.

«Подождите,— сказал он, удивив нас всех.— Вы случайно не из геологической партии?»

«Из геологического отряда,— ответил Иван Лукич. С его лица еще не успело сойти удивление.— А в чем дело?»

«Мы ищем работу. Если столкнемся, можем поехать с вами».

Иван Лукич заинтересовался. Он подошел ближе. И я тоже сел на кровати.

«А раньше работали в партии?» — спросил Иван Лукич.
«Я работал. Он — нет...»

Аскар открыл чемодан, стоявший на тумбочке, вытащил исписанную от корки до корки трудовую книжку. Стаж у него был большой. Он протянул еще две грамоты.

Еще более заинтересованный, Иван Лукич стал рассматривать их. И тот высокий мужчина тоже присоединился к нему. Их лица засияли от удовольствия.

«Мы согласны!— сказал Иван Лукич Аскару. Он повернулся к товарищу.— Как вы думаете, возьмем?»

«Конечно, возьмем».

«Нас двое»,— сказал Аскар, поняв, что речь идет только о нем одном. Я был очень благодарен ему.

Те внимательно оглядели меня, будто только что увидели. Заметно помрачнели. Я забеспокоился под их пронизательными взглядами.

«Но вы не думайте так обо мне! Не смотрите так!— жалобно взмолился я.— Я уже не ребенок. Правда, таяке? Ну, скажите, таяке!»

Геологи переглянулись и улыбнулись.

«А что? Возьмем и тебя,— решил Иван Лукич.— Значит, договорились?» — обратился он к Аскару.

«Нет, еще не договорились. Сначала расскажите об условиях»,— сказал Аскар.

Его слова встревожили меня. «Как бы опять не заартачился и не раздумал».

«Наш отряд сейчас находится в нескольких километрах от Гюльче, в горах,— сказал Иван Лукич.— Работы начались осенью, поэтому еще не успели механизировать. Пока заложили шурфы, роем канавы, будем мыть песок. Скоро думаем открыть штольню. Живем в палатках. А питаемся...»

«Меня не это интересует,— Аскар неожиданно прервал Ивана Лукича.— Я трудностей не боюсь. Меня интересует другое».

«А что именно?»

Меня снова охватило беспокойство. Дело поворачивалось плохо. Аскар привычным жестом потер большой и указательный пальцы.

«А-а...— сказал Иван Лукич понимающе.— Будете получать наравне с другими. Наши рабочие получают около двух тысяч».

«Всего? У вас разве не платят за высокогорность?»

«Платят».

«Сколько процентов?»

«Пятнадцать».

«Фу!»

«Что, мало?»

«С этого бы и начинали...»

Аскар снова улегся, замолчал.

Я не знал, что делать.

«Таяке, таяке! Скажите, что согласны, таяке!» Я стал тормозить его.

Аскар приподнял голову. Но взгляд его был холодный, отталкивающий, как у змеи.

«Ты чего хочешь?— спросил он меня с упреком.— Вкалывать или зарабатывать? А? Эх, щенок ты еще! Если ничего не понимаешь, какого черта лезешь куда не надо?»

Он лег и закутался.

«Да...— вздохнул Иван Лукич.— Ты говоришь истину. Этот мальчик еще щенок. И к тому же без ошейника. А ты сам знаешь, что такие щенки не понимают многого, что следовало бы понять в их возрасте. Они идут с кем угодно, не спрашивая, куда и зачем их ведут. Этот мальчик из таких щенков. Эх, молодой человек! Ты ведешь его в ту жизнь, которой сам живешь, в жизнь без мечты, в болото, в котором погряз сам. А человек, погрязший в болоте, потом невольно оглянется назад. Оглянется и проклянет тот путь, который завел его в тину, возненавидит себя за то, что пошел именно этим путем. Но раскаяние обычно запаздывает».

Иван Лукич тяжело поднялся с места. Аскар высунул голову из-под одеяла и зло (так собака рычит на кошку) сказал ему:

«Вы что, хозяин, серьезно учите меня уму-разуму?»

Но Иван Лукич не рассердился.

«Я тебе не хозяин. Ты волен поступать, как знаешь. Лучше выпись».

Он вышел из комнаты, забыв попрощаться с другим человеком.

Мужчина, которого Иван Лукич назвал Джакыпом, выключил свет. Комнату снова охватил мрак и наполнила тишина.

В ту ночь я окончательно понял Аскара и разочаровался в нем. Закричал петух. Издалека донесся гудок паровоза. Во дворе затарахтел мотор. Немного погодя в комнату вошел джигит невысокого роста. Он поочередно останавливался возле каждой постели и, наконец, остановился около Джакыпа-аке.

«Джакып-аке, вставайте, вставайте»,— он стал тормошить его.

Джакып-аке проснулся. Он потянулся, зевнул.

«А-а, это ты! Машина где? Мотор не замерз?»— спросил он.

«Нет, все в порядке».

Я понял, что это его шофер.

«Тогда хорошо. Ты иди. Я сейчас, за тобой...»

Шофер вышел. Джакып-аке встал, включил свет и начал одеваться.

Вот тогда, Разия, я решился. Я до сих пор удивляюсь, откуда у меня взялась смелость.

Я тихо, осторожно, как вор, слез с кровати. Аскар сладко спал. Он и не шелохнулся. Джакып-аке изумленно смотрел на меня, наверно, принял за лунатика.

«Что с тобой? Ведь еще рано...» — сказал он.

Я полушепотом сказал ему:

«Джакып-аке, я хочу поехать с вами. Возьмите меня с собой».

Он изумился еще больше.

«А как же таяке? Бросишь его? Поедешь без него?»

«Поеду. Возьмите меня с собой, Джакып-аке...»

Джакып-аке задумался.

«Ладно, — сказал он. — Поехали. Одевайся быстрее — и во двор!»

Он вышел. Я торопливо оделся, схватил свою котомку и опрометью бросился из комнаты. Но на пороге остановился. Аскар тихо посапывал...

Я вернулся, вырвал из блокнота листок и написал: «Таяке! Не ищите меня. Я уехал в отряд Ивана Лукича». Потом положил записку на тумбочку и осторожно прикрыл за собой дверь.

Во дворе было темно. Джакып-аке и шофер сидели в кабине и ждали меня.

Я забросил в кузов котомку, влез туда сам и устроился между ящиками. Машина тронулась. Вот так, Разия, я избавился от Аскара.

— И правильно сделал, Азиз. Я бы на твоём месте поступила точно так же. Очень правильно сделал. Азиз, перевернись на правый бок. Наверно, левый-то отлежал?

— Нет, нет. Я не чувствую никакой боли.

— Азиз! Будь послушным...

— Хорошо. Но ты тоже пересядешь на другую сторону, да?

— Конечно, Азиз. Я сяду перед тобой...

Азиз перевернулся на правый бок, лицом к открытому окну. Разия перенесла стул и села напротив него.

Некоторое время молчали. Смотрели в окно, занятые своими мыслями.

День был солнечный, теплый. Ярко голубело весеннее небо. Кусты сирени и молодые вишенки во дворе больницы расцвели в полную силу. С цветка на цветок перелетали пчелы. Их монотонное гудение доносило до слуха незнакомую радостную мелодию.

— И весна пришла,— нарушил молчание Азиз.

— Угу...

— Как думаешь, Разия, теперь журавли прилетят?

— Может быть, Азиз... Может быть. Журавли прилетают весной...

— Это хорошо...

Снова помолчали.

— Скажи, Азиз, когда ты выздоровеешь, вернешься в Ноокат?

— Нет. Вернусь к геологам...

— Мм... Тебе очень нравится у них?

— Очень нравится, Разия. Если бы не несчастный случай, я бы не скоро очутился в Оше. А что, тебе очень хочется, чтобы я вернулся в Ноокат?

— Нет, нет, Азиз. Я... я хотела сказать совсем другое. Мне сейчас все равно, где бы ты ни был... Только...

— Что «только»?

— Не забывай меня, Азиз!

— Не говори так!

— Дай руку, Азиз.

Азиз вытащил левую руку из-под одеяла. Пальцы были тонкие, короткие, но сильные.

Разия взяла руку в свою и долго смотрела в его черные глаза, на исхудавшее, пожелтевшее от болезни лицо.

Приоткрылась дверь палаты, в комнату заглянула молоденькая медсестра.

— Извините,— нерешительно обратилась она к Разие.— Я бы разрешила вам посидеть еще, но пришел врач.

Разия посмотрела на Азиза, будто прося у него согласие. Азиз закрыл и открыл глаза. Это был знак идти.

Разия очень медленно, будто придавленная тяжелым грузом, поднялась со стула.

— Я еще приду к тебе,— сказала она.— Пока ты не выпишешься отсюда, я буду ходить постоянно. Хочешь, я буду приходить каждую субботу? По субботам у нас рано кончаются занятия. В этот день у нас всего два урока — алгебра и история. Хочешь?

— Разия, зачем же затруднять себя?

— Не говори так, Азиз.

— Не знаю, Разия, дорога дальняя... К тому же автобус надо...

— Это ничего, лишь бы ты ждал меня. Хочешь, Азиз? Скажи?

— Хорошо, Разия. Приходи.

— Спасибо. Теперь... Счастливо оставаться. Быстрой выздоравливай!

— Спасибо. Счастливого пути, Разия!

— А что привезти тебе из дома?

— Из дома? Сейчас... Из дома привези мне самую цветущую ветку старой урючины, что растет над обрывом, и ветку от кашгарской вишни...

Разия улыбнулась, довольная, и направилась к выходу.

— погоди, Разия! Когда выйдешь на улицу, иди по дорожке напротив моего окна. Я хочу проводить тебя...

— Хорошо, Азиз.

Когда она вышла, Азиз немного приподнялся и увидел под окном стройную, высокую Разию, ее густые черные косы, а когда Разия повернулась к нему — ее загорелое

лицо и крепкие, как камень, груди, туго натянувшие платье, усыпанное белыми цветами, похожими на цветы урюка.

Разия улыбнулась своей стыдливой нежной улыбкой и помахала ему маленькой рукой.

Азиз в ответ кивнул ей. Разия тихо повела узкими плечами и пошла дальше.

«Солнце припекает, а она без платка,— подумал Азиз, не отрывая взгляда от удаляющейся Разии.— В следующий раз скажу, чтобы купила себе зонтик от солнца. Красивый, с цветами, как у городских девушек...»

РОЖДЕННАЯ В БЕЛУЮ НОЧЬ

I

В дикой глуши ореховых лесов Арстанбаба, куда обычно не решались заходить люди, старик с восьмилетним внуком вот уже месяц собирал джангак¹. Он каждый год приезжал сюда один. Нынче пришлось взять с собой внука, единственного сына умершей в прошлом году от чахотки дочери. Не оставлять же его одного в затерянной в горах старой, пустой хибаре деда.

Была поздняя осень. Огненно-рыжие лесистые склоны гор издали напоминали действующие вулканы. Влажная земля сплошь устлана орехами, перезрелыми плодами яблонь и груш и падавшими непрерывным дождем жухлыми листьями. Осыпалась алыча. Гроздья вьющегося по скалам и стволам деревьев дикого винограда подвяли и сморщились.

Старик с внуком расположились под толстой, в шесть обхватов, чинарой. Укрытые ее мощной кроной, спали на прелых листьях, прижавшись друг к другу. Рядом лежали кучи собранного ими ореха.

¹ Джангак — грецкий орех.

Они не взяли с собой еды и питались дарами леса. Палкой выковыривали из-под слоя орехов прозрачные желтые яблоки; подобно верблюду с верблюжонком, сдирали с веток алычу; садясь отдыхать, колотили и ели орехи; жажду утоляли сочным виноградом. Но чаще они набивали виноградом козий бурдюк, мяли его, давали постоять пять-шесть дней и пили этот сытный, терпкий кисловатый сок.

Они собирали орехи от зари до зари. Вечерами под старой чинарой разводили костер и отдыхали. Старик рассказывал внуку сказки и были, делился виденным и слышанным за долгую жизнь. Однажды своим рассказом он вызвал у мальчика горячие слезы.

В тот день они задержались в лесу допоздна и пришли к чинаре уже в густых сумерках. Мальчик наломал сухих веток и принялся раздувать огонь. Дед пошел проведать свою старую кобылку, пасшуюся на той стороне речушки, потом помог внуку разжечь костер.

Сухие ветки затрещали, из-под них красной косынкой вывалось пламя.

— Принеси бурдюк! — приказал старик и, поджав ноги, удобно примостился у костра.

Мальчишка приволок спрятанный под кучей опавших листьев бурдюк. Старик не торопясь развязал его. В нос ударил кислый запах, послышалось бульканье и шипенье бродившего винограда.

— Готово! — довольный воскликнул старик. Приподняв бурдюк, он долго пил. — Ох! Славно заквасился!

И передал внуку, с нетерпением ожидавшему своей очереди. Вытянув шею, как цыпленок, мальчик глотал из горлышка, пока не напился.

Старик вытащил из кармана джегде¹ четки и стал медленно перебирать их. Мурлыча под нос, начал свою любимую песню:

¹ Д ж е г д е — длинная стариковская рубаха без воротника с прорезом.

Он знал много стихов восточных классиков. И сам когда-то пописывал рубаи о любви, о вине, о жизни и смерти. Тетрадки с этими рубаи, запыленные и пожелтевшие от времени, как солома, все еще торчали из-под балки его ветхой хибарки.

Закончив петь рубаи, старик начал снова. Песня эта была непонятна мальчику. И она успела ему надоесть, ибо старик напевал ее непрерывно, изо дня в день. Мальчик встал, снял с чинары висевший на ней комуз и молча протянул деду.

Старик понял, он так же молча положил в карман четки и взял комуз.

— «Бегарстан-тайчи»? — спросил он у внука.

— Ага! — ответил ребенок, усаживаясь прямо против деда.

Немало древних киргизских мелодий умел старик наигрывать на комузе. Но мальчику больше всего нравился «Бегарстан-тайчи». Он мог слушать его хоть каждый день.

Некоторое время старик настраивал комуз, потом спросил:

— Сказывать или только играть?

Глаза мальчика заблестели, с удивлением и любопытством он смотрел на деда.

— Это разве сказка?

— Легенда. Неужто я не рассказывал ее тебе?

— Не-ет... Ни разу...

— Ну так слушай.

II

Старик перешагнул уже за девяносто. Но был кряжист и величав с виду. Его густая борода и редкие волосы сверкали белизной, как снег в лунную ночь, едва заметным пятачком выделявшееся морщинистое лицо напоминало

пятна на луне. Глаза же, спрятанные в темных впадинах под седыми, лохматыми бровями на крутых надбровьях, излучали холодный блеск, были строги и бесстрастны.

Склонив голову, старик некоторое время молча слушал свою игру. Затем выпрямился, посмотрел на внука и начал повествование.

— Много-много лет тому назад, у подножья Арстанбаба, там, где Карадарья сливается с Нарыном, жило небольшое киргизское племя. Как все киргизы в ту пору, и в этом племени одни выращивали хлеб, другие разводили скот, добывая тем себе пропитанье. Во главе племени стояли два брата — Акмат и Бегмат. Оба молодые, умные были ребята. Люди любили их, ибо Акмат и Бегмат в беде и в радостях были вместе с народом и постоянно заботились о нем.

У братьев была единственная сестра, звали ее Мактым. И какая же она была разумница да красавица! На всем свете другой подобной не сыщешь. Полной луной светилось ее лицо, глаза сверкали, как вот эти звезды над нами. Косы Мактым не больше не меньше сорока саженой были в длину. Конечно, мой верблюжонок, подобной красоты сейчас и во сне не увидишь. Но ты поверь, такая уж она была красавица.

И неспроста: родилась она в белую ночь. Да-а, поздней осенью, в одну из благодатных белых ночей.

О, какая это была ночь! Все кругом затянуто легкой дымкой, а небо чистое-чистое...

В селении, расположенном на опушке леса, на невысоком холме в конце этой деревни, в одинокой избушке на холме и родила ее мать, а сама, да будет ей место в раю, скончалась от родов.

В тот день отец Мактым и братья оказались на охоте. И никто в деревне не знал про рождение девочки и смерть матери. Однако девочка недолго оставалась без присмотра.

По другую сторону холма было небольшое, но удивительно красивое озеро. Синее небо и опоясавший озеро лес, луна, плывущая по небу, и домик на холме, отражаясь на его чистой поверхности, придавали озеру сказочный вид. В белые ночи из озера выходили русалки и затевали на берегу игры. Едва касаясь босыми ногами росистой травы, они кружили вокруг озера и своими дивными голосами распевали песни. На выцветшей траве оставались их легкие следы, на зеленую поверхность озера ложились длинные белые, словно облака, тени и, мерно колыхаясь, тянулись за ними. Но этих русалок, мой верблюжонок, следов их ножек, их пение могли видеть и слышать лишь те счастливыцы, которые ни разу не согрешили за свою жизнь и делали людям одно лишь добро.

В ночь, когда родилась Мактым, русалки тоже вышли на берег. Вдруг до них донесся детский плач. Своим добрым, отзывчивым сердцем они почувствовали неладное в этом плаче и поспешили на помощь. Друг за дружкой, словно возвращающиеся с реки гуси, они по узкой тропинке стали подниматься вверх. Вошли в дом. Но домик был мал, чтобы вместить всех, половина русалок осталась во дворе. Внутри было темно. В узкой полоске света, проникавшего сквозь крохотное отверстие, выдолбленное в стене вместо окна, русалки увидели несчастную мать и надрывающегося от плача ребенка. Русалки закрыли усопшей глаза. Плачущую девочку взяли на руки и стали баюкать песней. Им подпевали оставшиеся снаружи подруги.

Ребенок затих. Тем временем рассвело. Столетняя знахарка этой деревни пошла к дому родителей Мактым попросить соли.

Старуха была костлявая и безобразная, будто ведьма. А ведь русалки боятся всего злого и некрасивого на свете. Завидев старуху, они сбежали по тропинке вниз и исчезли в озере.

Сообразив, в чем дело, старуха дала ребенку лизнуть масла, перерезала пуповину. Затем оповестила людей, послала за отцом и братьями новорожденной.

III

Старик отложил в сторону комуз, развязал горлышко распластавшегося возле него бурдюка и, поднеся его обеими руками ко рту, начал гулко глотать перебродивший виноградный сок.

— Ох и крепка же, каналья, чистое вино! Хочешь?

Мальчику было не до вина. В темноте глаза его блеснули, как у мышонка, сердце готово было выскочить. Вместо ответа он только выдохнул:

— Что потом было?

— Потом?— Старик снова взял в руки комуз.— Потом,— повторил он,— случилась беда.

— Беда?

— Да, беда... Я уже говорил тебе, что волосы Мактым были сорока саженей в длину. Лишь в большой реке она и могла промыть их. Расплетет косы, кинет в воду. Течение подхватит и несет их сорок саженей по реке, и закачаются они на волнах. Со всего племени собирались женщины, чтобы помочь Мактым вымыть волосы. Берег реки бывал усеян людьми, до самого вечера продолжалось веселье, пенье, игры, и день этот превращался в настоящий праздник. Целый день уходил на то, чтобы вымыть Мактым волосы, и еще день, чтобы заплести их в косы.

Вот однажды, когда Мактым мыла в реке голову, с корнем вырвалась небольшая прядь ее волос и понеслась по течению. Подруги Мактым, страшно напуганные случившимся, побежали вдогонку. Но вода в реке стояла большая, течение было сильное, прядь и унесло. Мактым горько заплакала.

Много дней и ночей плыла прядь по реке. Мимо соловьиных садов, мимо цветущих степей проплывала она,

восхищая играющих на берегу девиц, поражая полоскавшую в реке белье молодуху, погружая в несбыточные мечты сидевшего с удочкой юношу. В конце концов прядь зацепилась за ногу могучего коня, который, зайдя в самую середину реки, пил воду. Тут ее заметил всадник, задумчиво глядевший в воду. Рукояткой плети он подхватил прядь и был поражен, не увидев ее конца. Любопытство обуяло джигита. Он стал наматывать прядь на ладонь, все больше удивляясь ее длине. Наконец моток смоляных волос совсем закрыл его широкую ладонь. Как на чудо, устоялся джигит на свою руку. «Это не простой девушки волосы. Какой же красотой должна обладать она!— воскликнул джигит.— Кто ты? На счастье или на несчастье появилась на свет?»

Всадника звали Паизом. Когда-то он был одним из самых бесстрашных джигитов калмыцкого тайчи Бегарстана. Но злой, коварный тайчи позавидовал его красоте и, желая уберечь от него своих жен, кастрировал его, словно бычка. С тех пор он перестал его брать в набеги и поручил охранять свой гарем.

Паизу не осталось ничего другого, как примириться со своей судьбой. Но прядь волос неизвестной красавицы так воспламенила его воображение, что он почувствовал всю непоправимость своего несчастья и впал в горькую тоску. Из глаз его полились слезы, омочив намотанную на ладонь прядь волос и густую гриву коня. Удрученный, Паиз вернулся в орду. Отдав коня слуге, он отправился к тайчи.

В гареме, где он нашел Бегарстана, было полно девушек — одна другой моложе и краше. Их навезли сюда отовсюду, где только побывало войско калмыцкого тайчи.

Девушки забавляли своего господина пением и плясками. Самая юная из них, сидя у тайчи на коленях, подливала ему вина в костяную чашу и шелковым платком вытирала его мокрые усы и бороду.

Тайчи пьяным взглядом окинул Паиза. «Эй, ты чего зашел сюда с конским хвостом?— сердито бросил он, заметив намотанные на его руку волосы.

«Это, господин, не конский хвост, это женские волосы,— спокойно возразил ему Паиз.— Целая прядь волос».

Паиз стал перед тайчи и принялся разматывать прядь. Как и следовало ожидать, тайчи поразила необычайная длина пряди.

«Таких длинных волос не бывает у женщины, дурак!» — закричал тайчи на Паиза.

«Почему бы и нет, господин мой?— сказал Паиз.— Конечно, не у всякой, подобные волосы достойны лишь райской гурии».

Острый интерес зажегся в глазах Бегарстана. Он резко оттолкнул девушку и вырвал прядь из рук Паиза.

«Ты так думаешь?» — спросил он.

«Не сомневаюсь»,— ответил Паиз.

«Где же ты нашел ее?»

Паиз рассказал, как было дело.

«Гм... Ну, так скажи моим джигитам: пусть готовят войско в дальний поход. Она будет моей!» — заявил тайчи.

С тяжелым сердцем Паиз покинул гарем.

А тайчи Бегарстан во главе своего огромного войска отправился по берегу той реки, по которой приплыла прядь волос Мактым, с твердым намерением разыскать женщину райской красоты.

IV

Положив комуз возле себя, старик снова поднес к губам горлышко бурдюка. Темно-бордовый сок, стекая по седой бороде, капал ему на колени. Но старик не обратил на это внимания.

— На, попей,— сказал он внуку.

Мальчик молча подтянул бурдюк и досыта напился. Пламя в костре уменьшилось, обнажив горящие угли. Старик палкой поворошил костер, подбросил хворосту.

— Как на грех, в тот день Акмат с Бегматом опять были на охоте,— начал он, поглядев на внука, на отблеск костра в его широко открытых глазах.— Мактым же с подругами была на берегу. На зеленой лужайке они заплетали ей косы.

Вдруг задрожала земля, послышался далекий конский топот. Смотрят, с запада, черной тучей закрыв собой небо, мчится целое полчище всадников.

Сердце Мактым сразу учуяло беду. Она повернулась к подружкам, которые затряслись от страха, словно ягнята при встрече с волком, и сказала им: «Достаньте мне быстро мужскую одежду и приведите коня!» У Мактым был подаренный братьями скаун по кличке Большой Гнедой.

Мактым надела мужскую шапку и сапоги, накинула на плечи чапан, а свои недоплетенные косы велела засунуть в рукава чапана. От этого они раздулись, как два бурдюка. Мактым вскочила на Большого Гнедого и ускакала в горы.

Калмыки уже были близко. Тайчи Бегарстан заметил убегающего всадника и послал погоню. Сам с войском вошел в селение.

Большой Гнедой мчался изо всех сил и долго не подпускал калмыков. Но... так, видно, было угодно судьбе, не удалось ему спасти свою хозяйку. От быстрой езды косы Мактым выбились из рукавов чапана, заволочились по земле и захлестнули коню ноги. Большой Гнедой не мог дальше бежать и был настигнут врагами. Калмыки ее же косою крепко привязали Мактым к лошади и повезли обратно.

В это время тайчи со своими приближенными в доме Мактым пил вино. Его озверевшее войско носилось по деревьям, грабя и разоряя народ племени. Земля дрожала

от топота их коней, воздух стонал от женского плача и крика детей.

Бегарстан ахнул, увидев красоту Мактым. Плотоядным огнем вспыхнули его глаза. Как в лихорадке, затряслись руки, расплескав вино в чаше. «О-о, и во сне я не видел такой красоты!» — воскликнул он и тут же приказал джигитам собираться в обратный путь. Взяв в плен красавицу Мактым, вместе с отарами коней и прочей добычей забрав ее Большого Гнедого, калмыки повернули назад. С плачем и проклятиями проводили их люди племени.

Весь день скакали калмыки. Доехав до бескрайних просторов своих степей, покрытых высокой сочной травой, остановились на ночлег. Пустили по траве стреноженных коней, поставили юрты, повесили над огнем казаны.

Здесь и нагнали калмыков братья Мактым, со своим небольшим отрядом отправившиеся за ними в погоню. Они подъехали к юрте, где сидели тайчи Бегарстан с Мактым, и потребовали вернуть им сестру. Тайчи даже не встал, не то чтобы выйти к ним. Он громко расхохотался и крикнул с места: «Сестру вам? Хорошо, я вам отдам ее, но... при одном условии».

«Скажи твое условие!» — ответствовали братья.

«Оно очень простое: перебейте мое войско. Мои не будут оказывать вам сопротивления».

«Ну что ж, и перебьем!» — обрадовались братья.

И началась сеча, мой верблюжонок. Огромным кругом ярко-красного пламени заходило солнце. Сражались при его лучах. В бескрайнем чистом небе подснежниками замерцали звезды. Бились под ними. Зловеще окрасив восток, оранжевая поднялась луна. При луне продолжалась сеча. Погасли звезды, зашла луна. Бились при свете зари. От такой сечи мечи притупились у братьев, копья перестали колоть.

Опустив голову, старик примолк, продолжая наигрывать на комузе. Потом запел старческим голосом:

Из камней камень, камень Шагыла,
Покатилась голова калмыка...

Но,— продолжал он, подняв голову,— посмотрели братья утром, а калмыков ничуть не убавилось. Так много их было.

Поняли братья, что не одолеть им калмыка. Пришлось покориться судьбе. Прощаясь, Мактым спросила у братьев: «А вдруг, коль поможет бог, удастся мне бежать и вернуться на родину? Где я вас разыщу, братья?» Старший брат Акмат так ответил сестре:

Весною будем в Джаз-Джерим, Мактым.
Убежишь весной, там ты нас найдешь.
Осень проведем в Куребес, Мактым.
Сбежишь осенью, там ты нас найдешь.
Зиму проживем в Кызыл-Таше, Мактым.
Ускачешь зимой, там нас и найдешь!

V

— Вот таким образом лунолика Мактым оказалась в неведомой ее дедам и прадедам земле калмыков и попала в гарем к тайчи Бегарстану. А Бегарстан... сделал ее своей наложницей. Ты что, спать хочешь?

— Нет. Ведь Мактым сказала, что убежит?

— И убежала. Но спустя много-много дней и месяцев.

Бежать ей помог Паиз. Он, бедняга, с первого взгляда влюбился в Мактым. Да что толку-то? Жил себе, проклиная судьбу. А тайчи Бегарстана Паиз возненавидел и жалел Мактым. Оторванная от родины, на чужой земле, среди незнакомого народа, она терпела унижения и неволю,— в этом Паиз винил себя. И ведь правда, не вытащил бы он из воды прядь волос Мактым и не понес к тайчи, всего этого и не случилось бы.

Одним погожим вечером Паиз наконец решил поговорить с Мактым и приблизился к ней, когда та печально сидела у бассейна. Мактым глядела на отражение луны

в пруду и молча плакала, вспоминая свою землю и родных. Заметив в воде чью-то тень, она вздрогнула и повернула голову.

- «Из-за меня вы оказались в неволе,— заговорил Паиз.— Что мне делать, чтобы искупить вину перед вами?»

И Паиз рассказал ей все, как было.

«Ну что ж,— ответила Мактым,— если ты исполнишь мою просьбу, я прощу тебя. Помоги мне бежать».

Паиз охотно согласился. Этой же ночью к юрте тайчи Бегарстана он подвел двух коней. Все кочевье было погружено в глубокий сон. Одна Мактым не спала и ждала Паиза. Осторожно, чтобы не разбудить тайчи, выскользнула она из его объятий и вышла к Паизу. Вскочив на коней — Мактым на своего Большого Гнедого, Паиз на любимого скакуна тайчи, — они незаметно выбрались из орды. Проскакав всю ночь, подъехали к большой реке. Река вздулась и бурлила. Их сильные кони и то с трудом перебрались на другой берег. Здесь Паиз решил расстаться с Мактым.

«Вы теперь в безопасности,— сказал он.— У тайчи Бегарстана нет другого коня, способного переплыть такую реку. А своего скакуна он больше не увидит...»

«Ты меня спас, Паиз,— ответила ему Мактым.— Скажи, чем могу отплатить тебе за твое добро?»

Паиз понимал, что навсегда расстается с Мактым, со слезами на глазах он сказал ей: «За всю мою жизнь я не совершил ни одного доброго дела. Был ребенком. Вырос в набегах. Убивал и грабил. Обижал женщин и детей. Сколько слез детских, сколько женских слез на моей совести! Сегодня я впервые сделал человеку добро. Теперь я доволен своей жизнью. Никого я в жизни не любил. И вот впервые полюбил, не примите за обиду, полюбил вас. За это я благодарен судьбе. Большого я у нее не прошу. Я прощаюсь с вами, Мактым. Но до самой смерти буду помнить и любить вас. Подарите мне прядь ваших волос».

Мактым знала, что Паиз кастрат. И была удивлена его признанием. Она поглядела на него с уважением и состраданием, потом вырвала прямо со лба прядь своих волос и подала ему. Будто драгоценность, принял Паиз из ее рук прядь, свернул и спрятал на груди. Затем отвязал свой меч и вместе с ножнами почтительно преподнес Мактым. «А вы берите мой меч,— сказал Паиз.— Мне он больше не понадобится. В набегах мне уже не бывать, в поединках мужей не убивать. Без меча хочу дожить остаток жизни. Уйду куда глаза глядят, куда меня понесет мой конь...»

Взволнованная и благодарная, Мактым взяла у Паиза меч и привязала к поясу. «Спасибо, Паиз,— сказала она.— Я тоже, пока буду жива, не забуду вашей доброты. Доброго вам пути!»

«Будьте счастливы!» — ответил Паиз и, бросив коня в реку, переплыл на другой берег...

Мактым осталась одна. Она сама и конь ее притомились в пути. Мактым решила прилечь на лужайке и дать коню поспать. Легла и заснула. Прошло сколько-то времени, Мактым пробудилась ото сна и видит: к противоположному берегу реки приближается толпа всадников. Она догадалась, что это войско тайчи Бегарстана. Однако не вскочила на гнедого и не убежала от погони. Их так много, они все равно настигли бы ее.

Мактым решила испытать свое счастье. Возможно, Паиз прав, и кони Бегарстана не переплывут эту бурную реку.

Калмыки подъехали к реке и стали против Мактым. Впереди был тайчи Бегарстан.

«Вернись назад, Мактым!» — крикнул он.

«Хорошо, я вернусь,— ответила Мактым.— Но при одном условии. Загони свое войско к реку. Если переплывут, я снова твоя».

Тайчи тут же приказал войску войти в реку. Воды в реке не стало видно от коней и всадников, так много их

было. Но ни один не смог уже обратно выбраться на берег. Словно цыплят, их понесло течением вниз, туда, откуда они пришли.

На берегу тайчи Бегарстан остался один. Взбешенный неудачей, он сам вместе с конем бросился в воду. Конь его был все же сильнее других. Он поплыл и понемногу стал приближаться к другому берегу. Мактым стояла ни жива ни мертва. Но счастье и на этот раз не покинуло ее. Почти у самого берега конь тайчи споткнулся, сел на круп и тут же по уши ушел в воду. Тайчи, однако, успел прыгнуть в реку и широкими взмахами начал рассекать волны.

Бегарстан-тайчи был сильный пловец. Он доплыл до берега, ухватился за прибрежный камень и хотел перевести дух. Но в это время Мактым выдернула из ножен меч и напрочь отсекла ему голову. Грузное тело тайчи ушло в воду, а голова покатила меж высоких трав по прибрежной лужайке.

Так Мактым избавилась от тайчи Бегарстана. Но не совсем. Когда Мактым поехала на своем гнедом, голова тайчи покатила за ней...

Днем и ночью голова не отставала от Мактым. И докатилась за ней до Джаз-Джерима, где Мактым нашла своих братьев. Мало того, вкатилась следом за Мактым в юрту.

Разгневанная Мактым пнула ногой голову к выходу. Но ей не удалось даже сдвинуть ее с места. Голова тайчи сама прижалась к ноге Мактым и несколько раз больно надела на нее.

От отчаяния Мактым занемогла. Потом, мой верблюжонок, она и скончалась от этой болезни.

VI

Прервав рассказ и склонясь над комузом, старик заиграл что-то очень грустное.

Потом глянул на внука и заговорил снова:

— В молодости, когда я тайком увез твою бабушку, по пути мы остановились с ней на ночлег в джайлоо Джаз-Джерим. Почему-то в том году здесь не было кочевий. Теплая летняя ночь. Луна. Вокруг такой густой орешник, что кажется, войдешь — не выберешься обратно. На склонах ели и заросли дикого винограда...

Усталых лошадей пустили пастись, сами растянулись тут же на траве. Немного погода почувствовали голод. А еды-то с собой не было. Встали, как по уговору, и, наклонив ветки, начали, словно козлята, с хрустом жевать молодую еловую хвою. «Мама!» — закричала вдруг твоя бабушка и прижалась ко мне. Глянул: совсем рядом с нами могильный холм, сплошь заросший белыми цветами. У изголовья могилы лежали большие камни, а у ног высохший человеческий череп. Изнутри черепа сверкали змеиные глаза.

Тут я вспомнил рассказанную мне когда-то дедом легенду о «Тайчи Бегарстане». Кто знает, может, в самом деле это была могила Мактым. А череп принадлежал тайчи. Так до сих пор и не знаю истины.

Мы с бабушкой твоей слышали от людей: кто заночует возле этой могилки, засыпает сладким сном. Вот и расположились вблизи. И правда, бабушка твоя крепко спала. А мне не спалось почему-то, так до самого утра и не сомкнул глаз. И вот что мне привиделось тогда. Ровно в полночь слух мой уловил удивительно нежные, мелодичные голоса, смертный человек не мог бы так петь. Привстал и вижу: из-за елей и виноградных кустов медленно сходились к могиле русалки. Белые ножки их, тонкие руки, длинные платья переливались в серебристом лунном свете.

Меня поразила их неземная красота. Так и застыл на месте. Но тут случилось еще одно чудо: вдруг ожил череп и стал медленно кружить вокруг могилы. А из черепа высунулась змеиная голова, оглашая воздух шипеньем и свистом. Не успел я опомниться, мой верблюжонок, как

русалок не стало. Явились перед утренней зарей и вновь исчезли, не подпустил их к могиле череп Бегарстана. Уж не заснул ли ты?

Мальчик не ответил. Он лежал на боку, лицом к костру. Из-под полузакрытых век его катились слезы. Но старик не заметил. Он решил, что внук уснул. Отложив комуз, поворошил горячие уголья и стал раздувать костер.

На востоке за деревьями вспыхнул багровый отблеск и стал медленно подниматься вверх.

«Ах!..» — мечтательно воскликнул старик. Затем, обламывая на скрещенных коленях сухие веточки, тихо запел:

Пьяный соловей полетел в цветник...

АВАРИЯ

В десяти шагах от дороги стояла машина, уткнувшись носом в заснеженный утес. Кузов был набит бревнами, и одно из них пробило заднее стекло кабины. Это успел разглядеть Сыдык, когда они промчались мимо. Авария. Сыдык глянул на шофера. Тот невозмутимо крутил баранку. Даже не притормозил, хотя, наверно, тоже видел, не мог не видеть, что его собрат попал в беду.

Мужчина лет сорока с бычьей шеей и с бычьей головой, шофер казался человеком угрюмым, грубым, с тяжелым нравом.

Сыдык пытался его разговорить, когда они только выехали из Оша. Но из этого ничего не вышло. Тот отвечал односложно и весьма неохотно. Когда Сыдык сообщил ему, что он художник и едет из Фрунзе на Памир писать картины, то и это его признание не вызвало у шофера никакого интереса. Странно. Сыдыку казалось, что само слово «художник» должно любого расположить к себе, а уж заинтересовать непременно. Но этот великовозраст-

ный детина равнодушно буркнул: «Ну и хорошо»,— и почему-то тяжело вздохнул.

В Алайской долине кое-где лежал снег.

— Вот это да, здесь и снег еще не растаял,— просто душно удивился Сыдык.

— Ты будто в Африку едешь,— усмехнулся шофер, блеснув металлическими коронками.

Сыдык обиделся, но промолчал. Да уж, повезло ему с водителем! Ну ладно, добраться бы до Мургаба, а там, как и было договорено, Сыдык расплатится с этим типом, и они распрощаются. Не стоит лезть к нему с разговорами.

Так и ехали они молча, думая каждый о своем и не замечая друг друга.

Но вот это происшествие на дороге заставило Сыдыка обратить свой взгляд на шофера. Лицо его решительно ничего не выражало. Неужели не заметил? Тогда нужно сказать, пусть остановит машину. Каково тому несчастному, попавшему в беду? Может, ему нужна помощь? А если уже поздно... Тогда надо забрать его. Правда, кузов набит углем, а в кабине вести на руках раненого или, страшно подумать, мертвого тяжело, но все-таки... Голова у Сыдыка пошла кругом. Что делать? А вдруг этот тип притворился, будто ничего не заметил? Очень может быть. Во-первых, дело это хлопотное и займет много времени. А шофер спешит. Во-вторых... Во-вторых, это слишком серьезно и весьма ответственно. Допустим, они его подберут и отвезут в больницу. А вдруг он умрет по дороге или уже умер? Как шофер докажет, что это случилось не по его вине? Ведь могут сказать, что авария произошла в результате обгона. И вообще такая волокита закрутится... Конечно, и Сыдыка начнут таскать на допросы, хотя бы как свидетеля. А он с таким трудом выхлопотал себе эту командировку. Ни к чему ему дорожные приключения, тем более, что едет он всего на месяц.

Да, на душе кошки скребут. Не так-то легко усыпить совесть, наверно, еще и потому, что он точно не знает, ви-

дел шофер ту машину или нет. Конечно, никто ни в чем его не обвинит, просто некому, но Сыдык сам не сможет отделаться от чувства вины и будет мучиться. Все-таки лучше сказать...

Пока он предавался размышлениям, они успели отъехать от места происшествия на добрых два километра. Теперь, когда машина стремительно несется с перевала, даже если он и скажет этому верзиле, тот ни за что не повернет назад.

Собственная нерешительность раздосадовала Сыдыка, и он заерзал на сиденье, глянув еще раз на шофера. Шофер тоже внимательно посмотрел на него, прищурив свои широко расставленные глаза, и неожиданно спросил:

— Что ты все ерзаешь?

Значит, видел, решил Сыдык. А хочется небось спросить совсем другое: «Чего ты мучаешься? Я тоже видел. Но, как говорится: видишь вон того верблюда — нет, а кобылу — тоже нет. Вот и сиди спокойно».

Так примерно истолковал Сыдык мысли водителя и, в общем, согласился с ним, вступив тем самым в немой разговор с несимпатичным ему субъектом.

— Просто ноги онемели с непривычки,— уже успокоившись, ответил Сыдык.

— А-а...— протянул шофер и стал что-то напевать.

Сыдык краем глаза наблюдал за ним, не переставая удивляться и огорчаться, что вынужден был стать на позицию этого бездушного человека.

Но, может, он и в самом деле не видел? Тогда вина целиком ложится на самого Сыдыка.

Ох, до чего муторно от таких навязчивых мыслей. Впрочем, тут же находится и оправдание: в чем, собственно, он виноват? Разве из-за него произошла авария? Он, что ли, убил человека? Нет, так невозможно, надо отвлечься от этих непрошенных угрызений совести.

В долине уже сгустились сумерки. Шофер включил фары. Вдруг откуда-то выскочил заяц и побежал прямо перед машиной.

— Смотри, заяц!— неожиданно для себя крикнул Сыдык. Шофер недоуменно покосился на пассажира, остудив его пыл своим недобрым взглядом. А заяц бежал и бежал что есть мочи. В длинном, вспарывающем тьму свете фар мелькал белый комочек.

Сыдыку было жалко зайца, ведь погибнет бедняга. А шофер и в ус не дул, крутил себе баранку, как ни в чем не бывало. Видно, такие встречи для него не редкость. Но заяц тем временем стал уставать. Расстояние между машиной и белым комочком сокращалось. «Хоть бы в сторону отскочил!» Попросить водителя остановить машину Сыдык не осмелился. Да и вряд ли тот согласился бы.

Наконец машина настигла зайца, несчастный зверек исчез.

Так и не знал Сыдык, жив ли заяц или остался под колесами грузовика, как не ведал он и о судьбе человека, попавшего в аварию.

Художник посмотрел на шофера. Тот вел машину с тем же невозмутимым видом. Только громко чихнул на всю кабину, вроде бы в ответ на взгляд своего пассажира.

«Нет, этот негодяй видел злополучный грузовик. Наверняка видел, но так же равнодушно, как обошелся с зайцем, проскочил мимо чужой беды».

Около полуночи они прибыли в Кара-Куль. Здесь было пристанище для шоферов дальних рейсов. Они заехали в большой двор, где в беспорядке стояли машины. Некоторые с невыключенными моторами, чтобы не замерзли за ночь. Тут же, посверкивая огоньками сигарет, топтались, переговариваясь, водители. Шофер Сыдыка взял старую корзину, стоявшую у него в ногах, и вышел из кабины. Сыдык тоже спрыгнул на землю.

— Пойдем,— бросил ему шофер и зашагал к освещенному дому.

— Вещи с собой взять?— спросил Сыдык.

— Какой дурак позарится на твою рухлядь?— ответил тот, имея в виду чемодан и этюдник.

Интересно, чем Сыдык ему не угодил? Не так, что ли, одет? А может, не понравились его усы или борода?

Домик, в который они вошли, оказался столовой. Здесь было чисто и тепло. Раздаточная была уже закрыта, и только за буфетной стойкой сидела миловидная молодая женщина и вязала. Увидев шофера, она обрадовалась и, приветливо улыбнувшись, поднялась, отложив вязание. Шофер поздоровался:

— Не знать тебе усталости!

— Доброго вам здоровья? Что-то запоздали сегодня.

— Да так получилось...

— Садитесь...

Шофер с благодарностью посмотрел на нее и занял место за одним из столиков. Он взглядом указал Сыдыку на соседний стул. Теперь и молодая женщина обратила внимание на Сыдыка. Она кинула на него беглый, ничего незначащий взгляд, но тарелку поставила перед ним.

Сыдык только сейчас заметил в углу печку, а на ней черную от копоти кастрюлю. Женщина торопливо принесла ее и водрузила на стол. Разливая по тарелкам горячий бульон, она старалась положить шоферу побольше мяса.

Интересно, кем она ему приходится? Сыдык разглядывал женщину, стараясь делать это незаметно. Кольцо и браслет на руке. Открытое лицо с правильными и тонкими чертами. Сестра? Не похоже. Возлюбленная? Боже упаси! И рядом-то невозможно их поставить — такую хрупкую с таким бульдогом. Да к тому же он вдвое старше ее!

— Кушайте,— обратилась она на этот раз к обоим.— Ой, я забыла хлеб принести.

Шофер и Сыдык принялись за еду. Женщина вернулась с хлебом и тоже присела к столу. Шофер пододвинул к ней корзину. Она открыла ее и вынула оттуда черный в красных цветах шерстяной платок.

— Ой-ой!— воскликнула женщина, глаза у нее заблестели, она стянула с головы свой платок и накинула новый.

— Тебе идет,— любуюсь ею, сказал шофер.

— Спасибо,— тихо отозвалась женщина, и ее лицо озарилось такой радостью, что Сыдыку показалось, не будь его здесь, она бы вскочила и расцеловала шофера.— Как здоровье вашей матушки?— спросила она, немного помолчав.

— Лучше стало. Но вот с хозяйством пока не может управиться.

— Детишкам, значит, трудно приходится.

— Что поделаешь. Отвез бы тебя, да старушка не согласна. «Подожди,— говорит,— поминки только недавно справили, что люди скажут».

— Она права.

«Ах, вот оно что...»— удивился про себя Сыдык. И в нем зародился интерес к этому совсем неинтересному, как ему казалось, человеку. Однако примириться с мыслью, что молодая красивая женщина любит такого неотесанного мужика и согласна стать его женой, он никак не мог. Уж не завидует ли Сыдык ему? Ее скорее можно представить рядом с таким человеком, как сам Сыдык — молодым, образованным, талантливым. Ах, жаль, что она не живет во Фрунзе! Он бы, пригласил ее к себе в мастерскую и писал бы ее портрет.

— А что говорят твои?— спросил шофер.

— Понемногу свыкаются. Их беспокоит только, что я далеко буду от них.

— Ты бы им сказала, что раз в неделю будешь приезжать домой.

— Да я говорила. Но ведь, знаете, как старые люди. Им кажется, что Ош на краю света...

Ужин закончился. Шофер, кивнув в сторону Сыдыка, спросил:

— В гостинице есть места?

— Много,— ответила она.

— Ну, тогда иди отдыхай,— бросил он Сыдыку.— Выйдешь и сразу направо.

Гостиница состояла из двух комнат. В одной было совсем темно, из-за неплотно прикрытой двери слышалось посапывание спящих. В другой же было занято только три кровати, остальные семь, аккуратно заправленные, стояли в ожидании гостей. Возле печки три шофера сушили портянки и слушали рассказ рослого рыжего джигита, нарушая тишину громким смехом.

— Салам алейкум,— отчеканил Сыдык, чтобы обратить на себя внимание.

— Проходи,— вместо приветствия ответил один из шоферов.

— Найдется свободное местечко?

— Найдется, найдется. Выбирай...

Сыдык прошел к кровати у стенки и стал раздеваться. А те, не обращая на него внимания, продолжали разговор:

— Ну, а потом?

— Осушил он, значит, один целую бутылку и говорит: «Ну, ребята, теперь подсадите-ка меня в машину». А машина у него — громадина! Вывели его дружки из магазина и впихнули в кабину. «Теперь давайте заводите».

Ребята заводят. «Так,— говорит,— до свиданьица, я поехал».

А уже ночь наступила. Машина выехала на каменистую дорогу и покатила. Вдруг прямо из-под кузова высккивает колесо. «Вот дьявол, чье же это колесо?»— удивился он. А сам так и едет наперегонки с колесом. Наконец обогнал колесо и приехал домой. Утром выходит во двор и видит свою машину без колеса. «Эй, жена!— кричит.— Что ты сделала с моей машиной?»

Раздался дружный смех. Сыдык тоже не удержался и приснул в кулак.

— Чудак этот больше не работает. Вышел на пенсию,— так закончил свой рассказ рыжий.— Ну, братишки, пора на боковую...— И, сунув высушенную портянку в сапог, подошел к кровати рядом с Сыдыком. Тут на пороге появился еще один шофер — высокий, пожилой, с пробивающейся сединой в бороде и усах.

— А-а, заходите, заходите, аксакал!— уважительно приветствовали его все, кто был в комнате.

Шаркающим шагом усталого человека тот подошел к свободной кровати и тяжело опустился на нее.

— Эй, джигит, ты что, носом прямо ткнулся в утес?— спросил он парня, еще сушившего портянки.

— Ну да, тормоз отказал, ака.

Сыдык поднял голову и спросил с какой-то неожиданно радостной заинтересованностью:

— Значит, это ваша машина стоит на перевале?

Джигит удивленно посмотрел на Сыдыка и коротко ответил:

— Да.

— Как же вы остались живы?

На этот раз парень снисходительно улыбнулся.

— Вижу, что тормоз подводит, сразу же повернул машину на утес, а сам спрыгнул. Вот так и остался жив.

— Молодец...

— Спать!— строгим голосом подал команду шофер, вошедший последним, выключил свет.

В комнате стало темно и тихо. Сыдыку хотелось еще немного поговорить с водителем, попавшим в аварию, но он не решился. Душевная тяжесть свалилась с него, и с чувством облегчения он заснул...

Рано утром его разбудили.

— Эй, джигит, вставай, тебя шофер зовет,— тормозил его и тряс за плечи незнакомый человек.

Комната освещалась тусклым светом лампы. Кровати были пусты. Сыдык торопливо оделся и выбежал на улицу. Едва-едва светало. Еще поблескивали в небе близкие

звездочки, уплывала молчаливо-бледная луна. Было холодно. Во дворе шоферы прогревали моторы. Одна за другой машины выезжали на дорогу. Шофер Сыдыка тоже завел двигатель, а сам озабоченно ходил вокруг.

— А-а, художник, как спалось?— дружелюбно спросил он.

Сыдыку пришлось по душе эта неожиданная приветливость.

— Спасибо, хорошо.

— Тогда садись, поехали.

Они одновременно сели в кабину, и тут к ним подбежала буфетчица с узелком в руке. Голову она повязала цветастым платком — вчерашним подарком.

— Возьмите это. В дороге покушаете.— Она протянула узелок шоферу.

Тот взял узелок и опустил его в корзину.

— Я вернусь послезавтра,— сказал он.

— Счастливого пути.— И буфетчица чуть отошла в сторонку. Она стояла, пока машина не выехала на большую дорогу. Шофер оглянулся и долгим взглядом попрощался с ней. Машина стала набирать скорость, освещая себе путь фарами.

Ехали молча. Шофер напевал какую-то песенку. Настроение у него сегодня было приподнятое, и Сыдык решил все-таки выяснить, обратил ли он внимание на ту самую машину. Просто не терпелось узнать об этом.

— Скажите, вчера, когда мы спускались с перевала, вы видели машину там, у дороги?

— Видел,— ответил шофер и недоуменно посмотрел на своего пассажира.

— Так почему же вы не остановились?

— А зачем это нужно было останавливаться?

— М-м-м,— протянул Сыдык.— По-моему, там была авария, кто-то, наверно, нуждался в помощи.

— Интересно.— Шофер покачал головой.— Опом-
нился, помощь, значит, была нужна. А кому? В кабине-то
никого не было.

Весь пыл Сыдыка сразу угас. Почему он не задал
этот вопрос там, тогда же? Почему?

Сыдык вершил суд над собой, а машина, покачиваясь,
шла все дальше и дальше. Время от времени прямо
из-под колес испуганно взлетали заснувшие на дороге
птицы...

СОДЕРЖАНИЕ

Повести

Дикий гусь. Перевод А. Орлова	4
Улица. Перевод А. Беляковой	70
Солнечный остров, Перевод В. Лебединской .	149

Рассказы

Жаворонок. Перевод Х. Хусаиновой	198
Первый бал Наташи Ростовой. Перевод Х. Хусаиновой	206
Каракульские гуси. Перевод Х. Хусаиновой . .	213
Журавли прилетают весной. Перевод В. Лебединской	219
Рожденная в белую ночь. Перевод Х. Хусаиновой	244
Авария. Перевод А. Дмитриевой	259

